ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 3 (56) 2019

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL MAGAZINE

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.ю.н., д.и.н., проф. Золотарев В.А.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Верстка
Савеличев М.Ю.
Корректор
Игнашина А.А.

Подписной индекс в каталоге «Урал-Пресс» – 4512
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

В НОМЕРЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
117105, Москва, Варшавское ш., д. 23, каб. 306
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
http://ideka.ru
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии ООО «Типография Азалит», тел./факс (495) 973-82-96
Подписано в печать 23.09.2019. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 16,97.
Печать цифровая. Заказ № 658 от 06.11.19. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201
9 772074 920102 56

12+

Редакционный совет

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;*

Салихов Борис Варисович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха Петр Викторович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский Сергей Всеволодович, *доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.*

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, *доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов Станислав Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;*

Гаврилов Борис Яковлевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Дорская Александра Андреевна, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Кузнецов Петр Уварович, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев Алексей Владимирович, *доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;*

Нарутто Светлана Васильевна, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Полякова Татьяна Анатольевна, *доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;*

Радько Тимофей Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;*

Тарасов Анатолий Михайлович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян Арман Юрьевич, *заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Ю Синода, *доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;*

Тихонов Александр Васильевич, *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;*

Шеремет Игорь Анатольевич, *доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой Информационная безопасность Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.*

© Коллектив авторов, 2019
© АНО ВО «ИДК», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Берестенко Е.Д., Ростовцев А.В.,
ДИНАМИКА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД РЕФОРМ

Berestenko E., Rostovtsev A.,
DYNAMICS OF SOME KINDS OF CRIMES IN THE TULA REGION DURING THE REFORM **8**

Быков А.И.,
К ВОПРОСУ О РАЗМЕРЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Bykov A.
TO THE QUESTION OF THE SIZE OF THE JUDICIAL FINE **13**

Вологдина Е.С.,
ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ КАК ИНСТРУМЕНТ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Vologdina E.,
INTEGRATION OF INFORMATION RESOURCES AS A TOOL FOR INTERACTION
BETWEEN CUSTOMS AUTHORITIES OF EAEU MEMBER STATES **16**

Духно Н.А.,
ЭКОЛОГИЯ НА ТРАНСПОРТЕ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Dukhno N.,
ECOLOGY ON TRANSPORT AND HUMAN HEALTH **21**

Жданов С.П.,
О ПОНЯТИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ
В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Zhdanov S.
ON THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT AND ITS MAIN DIRECTIONS
IN THE CONDITIONS EURASIAN ECONOMIC UNION **29**

Кравцов Д.В.,
ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Kravtsov D.,
PROBLEMS OF IDENTIFYING CUSTOMS EVASION **33**

Куприянов А.С.,
НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОХОДОВ ПРИ СДЕЛКАХ МЕЖДУ
ВЗАИМОЗАВИСИМЫМИ ЛИЦАМИ: РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Kupriyaniov A.
TAXATION OF INCOME FROM TRANSACTIONS BETWEEN RELATED PERTIES:
DEVELOPMENT OF LEGISLATION AND UNRESOLVED ISSUES **39**

Лычев Д.И.,
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Lychev D.
THE HISTORY OF THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS
IN THE FIELD OF WASTE PROCESSING IN BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION **44**

Мавлянова Е.Н.,
ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТАВКИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ ТРУБОПРОВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Mavlyanova E.,
HISTORY OF LEGAL REGULATION OF OIL DELIVERY OF OIL PRODUCTS BY PIPELINE TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION **49**

Меркурьев В.В., Тараканов И.А.,
ОСОБЕННОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ОТ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Merkuriev V., Tarakanov I.,
FEATURES OF THE NECESSARY DEFENSE AGAINST SOCIALLY DANGEROUS ENCROACHMENT COMMITTED BY A PERSON UNDER THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY **53**

Новиков В.А., Шиян В.И.,
НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 138^1 УК РФ): СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Novikov V., Shiyan V.
ILLEGAL TURNOVER OF SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENT INTENDED FOR THE UNSPECTED RECEIPT OF INFORMATION (ART. 138^1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): STATE AND ACTUAL QUALIFICATION QUESTIONS **61**

Полякова Т.А., Минбалеев А.В.,
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА

Polyakova T., Minbaleev A.,
ACTUAL PROBLEMS OF THE FORMATION OF A SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION SECURITY IN THE FACE OF BIG CHALLENGES IN THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY AND THE TRANSFORMATION OF LAW **67**

Собиров С.С., Милов П.О.,
К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ И ПРИРОДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Sobirov S., Milov P.,
ON THE CONCEPT AND NATURE OF LEGAL FACTS **74**

Экмалян А.М.,
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.Ю. ВИКУЛИНА «НАЧАЛА ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ» М.: НОРМА, 2019. 312 С.

Ekmalyan A.
REVIEW OF THE MONOGRAPH BY A.YU. VIKULINA, "THE BEGINNING OF THE THEORY OF LEGISLATIVE DEFECTS," MOSCOW: NORMA, 2019. 312 S. **79**

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Арнст А.А.,
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Arnst A.,
CONDITION AND THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRANSPORT COVERAGE OF MACROREGIONS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE COMMON ECONOMIC SPACE **85**

Гараев Р.Р.,
ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ НА БИЗНЕС УПРАВЛЕНИЕ

Garaev R.,
THE CONTRADICTION OF MODERN VIEWS ON BUSINESS MANAGEMENT **91**

Мартынова Н.А.,
ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Martynova N.,
INSURANCE PROBLEMS IN MODERN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX **97**

Миндлин Ю.Б.,
КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Mindlin Yu.,
CLUSTER ANALYSIS OF POTENTIAL HIGH-TECH CLUSTERS
IN RUSSIAN REGIONS **103**

Петрова М.А.,
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Petrova M.
SUGGESTIONS FOR IMPROVING THE IMPLEMENTATION
OF STATE AVIATION POLICY **110**

Роменский О.В.,
АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПРИОРИТЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ, РЕАЛИЗУЕМЫХ
В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ (ЮГРЕ)

Romenskiy O.,
THE ANALYSIS OF SPECIFICS OF THE PRIORITY INVESTMENT PROJECTS IMPLEMENTED IN THE CURRENT
ECONOMIC CONDITIONS IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG (YUGRA) **114**

Смыслова О.Ю., Лисова Е.В.,
СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Smyslova O., Lisova E.,
THE SOCIALLY-ORIENTED DEVELOPMENT OF RURAL AREAS
AS A DIRECTION OF THE REGION'S SOCIFL DEVELOPMENT STRATEGY **122**

Учитель Д.Ю.,
К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ И РАЗРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Uchitel D.,
TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE METHODOLOGY AND DEVELOPING CRITERIA FOR ASSESSING THE
EFFECTIVENESS OF TERRITORIAL MANAGEMENT **126**

Филиппов Д.В.,
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВУЗОВ

Filippov D.,
PROBLEMATIC ASPECTS OF INCREASING THE COMPETITIVENESS
OF SOCIAL COMPLEXES OF UNIVERSITIES **135**

УДК 343.976

Берестенко Е.Д.,
кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры Криминалистики, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Московский областной филиал),
elena-ber@mail.ru

Ростовцев А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Криминалистики, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Московский областной филиал),
alex.mifist@gmail.com

ДИНАМИКА НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД РЕФОРМ

В статье анализируется динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Рассмотрена зависимость показателей от социально-экономических условий в регионе. Показано, что ухудшение материального состояния семей сопровождалось статистически достоверным ростом затрат на приобретение спиртных напитков. Обнаружено, что увеличение числа лиц, взятых впервые в жизни на диспансерный учет по поводу алкоголизма статистически достоверно сопровождается снижением уровня преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Число лиц, взятых на диспансерный учет по поводу употребления наркотических веществ, достигает максимума в 2001 году, затем начинается снижение данного показателя. С 1995 по 2001 число лиц, взятых на диспансерный учет с диагнозом наркомания и количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, нарастают синхронно. Начиная с 2002 года число взятых на диспансерный учет лиц колеблется незначительно при нарастании уровня преступности.

Сделан вывод: лечебная и профилактическая работа, проводимая с лицами, взятыми на диспансерный учет по поводу алкоголизма, дает результат в виде снижения числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Взятие на диспансерный учет лиц, употребляющих наркотические вещества, не сопровождается уменьшением количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Начиная с 2002 года появление новых препаратов, обладающих наркотическим действием, но не включенных в список наркотиков, не давало юридического обоснования для взятия таких лиц на диспансерный учет, профилактическая работа с ними не проводилась, что являлось одной из причин увеличения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Ключевые слова: алкоголизм, наркомания, учет, преступление, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, незаконный оборот наркотиков, профилактика

Berestenko E.,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminalistics Moscow Region Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Rostovtsev A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

DYNAMICS OF SOME KINDS OF CRIMES IN THE TULA REGION DURING THE REFORM

The article analyzes the dynamics of crimes related to drug trafficking and crimes committed while intoxicated. The dependence of indicators on socio-economic conditions in the region is considered. It was shown that the deterioration of the material condition of families was accompanied by a statistically significant increase in the cost of purchasing alcoholic beverages. It was found that an increase in the number of people taken for the first time in a dispensary for alcoholism was statistically significantly accompanied by a decrease in the level of crimes committed while intoxicated. The number of people taken to the preschool for drug use reaches its maximum in 2001, then this indicator begins to decline. From 1995 to 2001, the number

of people taken to drug-addicted children with a diagnosis of drug addiction and the number of crimes related to drug trafficking are growing simultaneously. Since 2002, the number of people taken to DU varies slightly with increasing crime rates. The conclusion is drawn: the medical and preventive work carried out with people taken at the preschool for alcoholism gives a result in the form of a decrease in the number of crimes committed while intoxicated. Taking on drug addicts' preschool children is not accompanied by a decrease in the number of crimes related to drug trafficking. Since 2002, the emergence of new drugs with narcotic effects, but not included in the list of drugs, did not provide legal justification for taking such persons to dispensary records; preventive work was not carried out with them, which was one of the reasons for the increase in the number of crimes related to illegal drug trafficking.

Keywords: alcoholism, drug addiction, accounting, crime committed under the influence of alcohol, drug trafficking, prevention

В середине 90-х годов XX века происходящие в России радикальные общественные преобразования привели страну к системному кризису и к значительному ухудшению качества жизни граждан. Произошла трансформация ценностных ориентаций населения, особенно молодежи, усилилось влияние криминальных структур. Экономический спад, социальная и политическая нестабильность в бывших республиках СССР после его распада сыграли важную роль в нарастании преступности, в том числе и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершенных в состоянии алкогольного опьянения [1, с.101; 3, 146]. Нами были проанализированы статистические показатели, отражающие динамику данных преступлений, и факторов, связанных с этими показателями.

Одним из факторов, отражающих социально-экономическое благополучие в обществе, является количество животного белка в питании человека. На рисунке 1 отражена динамика потребления белка в сутки и доля расходов на питание в общем доходе семьи по данным выборочного обследования домохозяйств. Как видно из диаграммы, за исследуемый период происходило волнообразное изменение данных показателей, причем минимальное потребление белка отмечены в 1995-1996 и 1999-2000 годах. В 1999 году отмечено максимальное значение расходов на питание в общей структуре доходов домохозяйств, достигающее 67%. Потребление белка в 1999 году составило 64,5 г в сутки, что ниже физиологической нормы [2, с.67-69].

На рисунке 2 отражено число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков за тот же период и динамика количества лиц, впервые взятых на диспансерный учет в связи с употреблением наркотических веществ. Очевидно, что имеет место латентный период, в течение которого употребление наркотиков носит эпизодический характер, и проходит определенное время, прежде чем человек начинает употреблять наркотики регулярно. Продолжительность такого периода различна и зависит от многих факторов: вида наркотика, употребляемой дозы,

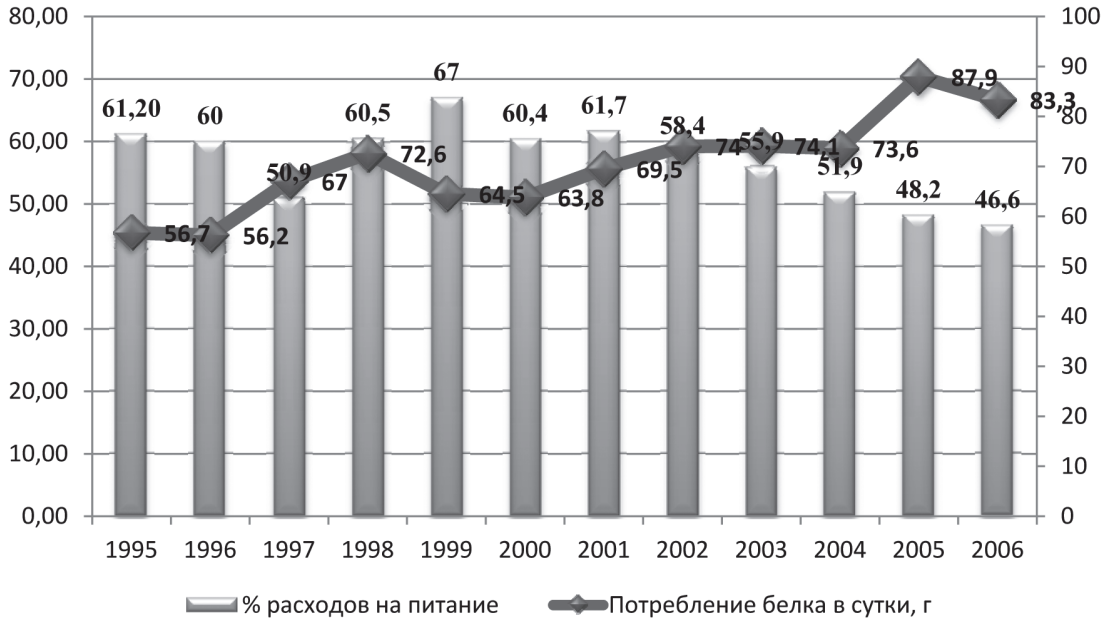

Рис. 1. Потребление белка в сутки и затраты семенного бюджета на питание, %, в общей структуре доходов по данным выборочного обследования домохозяйств

Рис. 2. Число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и количество лиц, впервые поставленных на диспансерный учет в связи с употреблением наркотических веществ

способа введения, материальных возможностей, социальной среды. Часть таких лиц, добровольно или под влиянием окружения, обращаются за медицинской помощью и при обращении ставятся на диспансерный учет.

Как видно из диаграммы, в период с 1995 по 2001 отмечается рост числа лиц, взятых на диспансерный учет, причем максимальные показатели (28 на 100 000 населения) были зарегистрированы в 2001 году. В 2001 году также отмечено максимальное число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Таким образом, в период с 1995 по 2001 год отмечена тенденция к росту показателей как числа лиц, впервые поставленных на диспансерный учет в связи с употреблением наркотических веществ, так и числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [2, с.69].

2002 и 2003 года отмечены синхронным снижением этих показателей. Начиная с 2004 года, вновь регистрируется значительный рост числа преступлений, однако на диспансерный учет в 2004 году взято 3,7/100 000, в 2005 и 2006 этот показатель равен соответственно 6,9/100 000 и 6,1/100 000 соответственно. Не исключено, что в данный период времени употребляющие наркотики лица более широко стали использовать препараты, на тот момент времени не вошедшие в список наркотических веществ.

В таблице 1 отражена динамика трат на покупку алкогольных напитков и на покупку продуктов питания, в % от семейного бюджета, по данным выборочного исследования домохозяйств.

Метод ранговой корреляции Спирмена позволяет определить, имеет ли место связь между двумя явлениями. При использовании данного коэффициента при N=12 значения, равные 0,58 менее являются показателями отсутствия связи между явлениями ($p > 0,05$), значения более 0,58, но менее 0,73 — показателями слабой тесноты связи ($p < 0,025$), значения более 0,73 — показателями сильной связи ($p < 0,01$). В данном случае $r_s = 0.734$, $P<0,01$, т.е. связь статистически значима. Таким образом, повышение трат на покупку продуктов питания достоверно сопровождалось увеличением трат на приобретение алкогольных напитков.

Нами также было проанализировано наличие возможной связи между числом преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и количеством лиц, которым диагноз алкоголизма был поставлен первый раз в жизни (рис.3).

Как видно из диаграммы, в период с 1995 по 2006 год отмечается отчетливая тенденция к снижению числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения при увеличении количества лиц, которым впервые в жизни поставлен диагноз алкоголизма ($r_s = – 0,585$, $P<0,05$). Таким образом, взятие пациента на учет с диагнозом алкоголизма и назначение ему соответствующего лечения снижает уровень преступности, уменьшая количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

Нами была проанализирована динамика числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и совершенных в состоянии алкогольно-

Таблица 1.

Затраты на покупку алкогольных напитков, % семейного бюджета и затраты на питание, % семейного бюджета, по данным выборочного обследования домохозяйств

Год	Затраты на покупку алкогольных напитков, % семейного бюджета	Затраты на покупку продуктов питания, % семейного бюджета
1995	2,2	61,2
1996	2,1	60
1997	2,2	50,9
1998	3	60,5
1999	2,9	67
2000	1,7	60,4
2001	2,3	61,7
2002	2	58,4
2003	2,2	55,9
2004	1,8	51,9
2005	1,6	48,2
2006	1,5	46,6

го опьянения в Тульской области за период 1995-2006 гг. Данный период характеризуется сложной социально-экономической обстановкой, в 1998 году произошел дефолт, однако весь анализируемый период сопровождался сложной экономической ситуацией.

Социально-экономическая ситуация отразилась на алкоголизации населения: одновременно с ростом трат на покупку продуктов питания росли траты на покупку алкогольных напитков, что вело к увеличению числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Однако статистический анализ показал действенность профилактических и лечебных мероприятий: увеличение числа лиц, взятых на диспансерный учет сопровождается снижением числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения.

2001 год характеризуется максимальным числом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков и наибольшим количеством лиц, впервые взятых на диспансерный учет с диагнозом употребления наркотических средств. С 2002 началось одновременное снижение этих показателей. Однако два года спустя на фоне снижения числа лиц, взятых на диспансерный учет, регистрируется нарас-

Рис. 3. Число преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения и количество лиц, впервые поставленных на диспансерный учет с диагнозом алкоголизм

тание числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Следовательно, появление новых наркотических веществ, которые еще не были внесены в список наркотических, привело к тому, что лица, употребляющие данные препараты, не были взяты на диспансерный учет, поскольку юридически в данную категорию не входили. Следствием такого дисбаланса является рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, лечебно-профилактическая работа с состоящими на учете по поводу злоупотребления алкогольными напитками лицами является действенной мерой по профилактике правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Взятие на диспансерный учет лиц, употребляющих наркотические вещества не дает снижения уровня преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Более того, несовершенство законодательства, не относящего часть новых препаратов к группе наркотических веществ, не дает возможности поставить употребляющих их граждан на ДУ, и они остаются вне поля зрения, что приводит к росту числа преступлений без возможности проводить профилактические и лечебные мероприятия с данной группой лиц.

Список литературы

1. *Бахтеев С.* С. Проблемы алкоголизма и преступности // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. №1 (2). – С.101-103.
2. Здравоохранение Тульской области. 2006: Стат. Сборник. Тула: Туластат, 2007. С. 67-69.
3. *Миннебаев Р.* Х. Наркотизация как фактор преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4 (28). – С. 145-150.

References

1. *Bakhteev S.* S. Problems of alcoholism and crime // Law and order: history, theory, practice. 2014. No1 (2).
2. Health care in the Tula region. 2006: Stat. Collection. Tula: Tulastat, 2007. – 137 p.
3. *Minnebaev R.* Kh. Drug abuse as a crime factor // Jurisprudence and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. N 4 (28).

УДК 343.2

Быков А.И.,
научный сотрудник, НИЦ-1 ФГУ Национальный
научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы Российской Федерации,
HellSinG199@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗМЕРЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Статья посвящена анализу такой меры уголовно-правового характера, как судебный штраф. Автор рассматривает ее как один из результатов процесса гуманизации уголовного законодательства Российской Федерации. Автором рассмотрены: понятие, условия применения, приводятся статистические данные, на которых отчетливо видно увеличение применения иной меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. По результатам анализа было выявлено, что судебный штраф обладает как положительными, так и отрицательными сторонами. К положительным сторонам автор относит: уменьшение количества осужденных, нагрузки на суды, органы следствия и дознания, упрощение некоторых категорий дел, возможность для обвиняемого или подсудимого избежать судимости. К отрицательным сторонам, по мнению автора, относятся: отсутствие нижнего предела суммы судебного штрафа, отсутствие мотивировки суммы судебного штрафа по конкретному делу, а также отсутствие учета специальных факторов, влияющих на его размер. Автором рассмотрены вышеприведенные проблемы и сделаны выводы.
Ключевые слова: судебный штраф, иная мера уголовно-правового характера, гуманизация, суды, сумма нижнего предела судебного штрафа

Bykov A.,
research Fellow, SIC-1, FSI National Research Institute
of the Criminal Executive System of the Russian Federation

TO THE QUESTION OF THE SIZE OF THE JUDICIAL FINE

The article is devoted to the analysis of a different measure of criminal law – a judicial fine. The author considers it as one of the results of the process of humanization of the criminal legislation of the Russian Federation. The author has reviewed: the concept, conditions of application, provides statistical data, which clearly shows the increase in the use of a different measure of criminal law – a judicial fine. According to the results of the analysis, it was revealed that the "judicial fine" has both positive and negative sides. The author considers the positive aspects to be: reducing the number of convicts, the burden on the courts, the investigating and inquiry bodies, the simplification of certain categories of cases, the possibility for an accused or defendant to avoid a criminal record. According to the author, the negative aspects include the absence of the lower limit of the amount of the court fine, the lack of motivation for the amount of the court fine in a particular case, and the lack of consideration of special factors affecting its size. The author reviewed the above problems and made conclusions.
Keywords: judicial fine, a different measure of criminal law, humanization, courts, the amount of the lower fine.

В течение последних нескольких лет стала активно развиваться тенденция гуманизации и либерализации уголовного законодательства. Одним из проявлений такой тенденции является введение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) иной меры уголовно-правового характера – судебного штрафа. Она нашла свое отражение в статье 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа» УК РФ и главе 15.2. «Судебный штраф» УК РФ [1(8)]. По сути, эта мера уголовно-правового характера, в сущности, является наказанием без судимости [2(1), с. 17].

Судебный штраф как мера освобождения от уголовной ответственности представляет собой денежное взыскание, которое назначается по инициативе суда или по рассмотрению ходатайства следователя с согласия руководителя следственного органа, либо дознавателем с согласия прокурора, в случае если выполнены определенные условия:

1. Преступление должно быть совершено впервые;

2. Преступление должно быть небольшой или средней тяжести;

3. Лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред.

Помимо этого необходимо учесть, что данная мера может быть назначена в любой момент стадии судебного разбирательства производства по уголовному делу до момента удаления суда в совещательную комнату.

Исходя из статистических данных Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, можно сказать, что применение судебного штрафа имеет достаточное распространение. Так, если в 2017 году было прекращено 18346 уголовных дел в связи с решением о назначении судебного штрафа на общую сумму 283 728 821 рублей, то за первое полугодие 2018 года подобное решение было принято в отношении 7148 уголовных дел, на общую сумму 232 580 121 рублей [3]. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении сумм судебных штрафов.

Так как одним из основных условий является возмещение ущерба потерпевшему или иной способ заглаживания вреда, то стоит отметить, что размер данной выплаты не устанавливается законодательством и полностью зависит от потерпевшего. Обвиняемый или подозреваемый будут заинтересованы в применении судебного штрафа, потому что он сможет избежать уголовной ответственности, а как следствие судимости. Нельзя не согласиться с мнением В. Куликова: «Лицо, впервые совершившее не тяжкое или среднее преступление, суд может освободить от уголовной ответственности полностью. Воспользоваться новеллой сможет тот, кто раскаялся и возместил ущерб» [4(2)].

Рассмотрев теоретические вопросы, условия применения, реализацию и судебную практику судебного штрафа можно сказать, что законодатель при внесении изменений в УК РФ видел исключительно положительные стороны данной новеллы:

- гуманизация и либерализация уголовного законодательства;
- возможность для обвиняемого, подсудимого избежать негативного статуса в виде судимости;
- сокращение количества осужденных;
- уменьшить нагрузку на суды, органы следствия и дознания;
- упростить производство уголовных дел по определенным категориям.

Однако помимо положительных моментов имеется ряд проблемных вопросов, возникающих при применении судебного штрафа.

Наиболее важным вопросом является определение размера судебного штрафа. В ч.2 ст. 104.5. УК РФ указано, что величина определяется с учетом тяжести совершенного преступления, имущественного положения лица, а также возможности получения заработной платы или иного дохода. Определен верхний порог судебного штрафа – это либо не более половины максимального размера штрафа по соответствующей статье УК РФ, либо не более двухсот пятидесяти тысяч рублей. По поводу нижнего предела размера судебного штрафа в ученых кругах возникают некоторые вопросы. Так, по мнению М. Юсупова, в случае назначения судебного штрафа в размере 100 рублей при условии мотивировки его размера имущественным положением лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи формально решение суда будет соответствовать закону, но фактически превращается в фикцию [5 (9), с. 128]. Как показывает анализ правоприменительной практики, минимальный порог судебного штрафа, определяемый судами общей юрисдикции является – тысяча рублей [6(4)]. Данный факт, по мнению ученых в данной области, является недопустимым и предоставляет правоприменителю широкие полномочия по данному вопросу. Исходя из этого, очевидна необходимость установления нижнего предела судебного штрафа. Так как в случае, если размер судебного штрафа будет меньше минимального порога, то карательная функция для виновного будет лишь видимостью. Так, по мнению З. Соктоевой, необходимо придерживаться нижнего предела судебного штрафа, установленного для штрафа как вида наказания [7, с. 90]. Нельзя не согласиться с данной позицией, потому что фактически судебный штраф носит характер санкции по содержанию. Поэтому данная уголовно-правовая мера должно коррелировать с наказанием в виде штрафа не только относительно верхнего предела, но и нижнего.

Обратимся к вопросу определения самого размера судебного штрафа. При его определении суд обязан тщательно проверить факторы, влияющие на его размер и в последствие указать в постановлении о прекращении уголовного дела законную позицию о вынесенном решении и размере судебного штрафа. Однако проанализировав судебную практику, пришел к выводу о том, что в большинстве случае судьи назначают судебный штраф, не учитывая факторы, влияющие на его размер. Так, судьей было вынесено решение о назначении судебного штрафа в определенной сумме, при этом не были описаны факторы, которые повлияли бы на размер: имущественное положение лица, возможность получения заработной платы или иного заработка [8(5)]. Данное решение было вынесено в отношении лица, которое совершило общественно-опасное деяние, но возместило причиненный вред пострадавшему и раскаялось. Однако в постановлении не были указаны мотивы правоприменителя на конкретный размер судебного штрафа по данному делу [9(6)]. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод, что некоторое судьи не учитывают данные факторы, либо относятся к ним формально.

Список литературы

1. *Антонов А.Г.* Является ли основанием освобождения от уголовной ответственности ст. 76^2 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа»)? / Антонов А.Г. // Российская юстиция. 2018. № 9. С.17-19.
2. За нетяжкие преступления не посадят // Российская газета. 2016. 7 июля. [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 07.02.2019)
3. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 06.02.2019)
4. Постановление № 1-69/2018 от 30 июля 2018 г. по делу № 1-69/201 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/eLIgBWMKJuNr/ (дата обращения 25.02.2019)
5. Постановление № 1-370/2018 от 30 июля 2018 г. по делу № 1-370/2018 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/dYnEaJB0Lqo/ (дата обращения 25.02.2019)
6. Постановление № 1-430/2018 от 30 июля 2018 г. по делу № 1-430/2018 [Электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/XsufNL1HULlB/ (дата обращения 25.02.2019)
7. *Соктоев З.Б.* Проблемы применения норм о судебном штрафе / Соктоев З. Б. // Уголовное право. 2017. № 1. С. 90-94.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. *Юсупов М.* Ю. Вопросы применения нового вида освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Юсупов М. Ю. // Уголовной право. 2016. № 6. С.122-128.

References

1. Antonov A.G. YAvlyaetsya li osnovaniem osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti st. 76^2 UK RF («Osvobozhdenie ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa»)? / Antonov A.G. // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 9. S.17-19.
2. Za netyazhkie prestupleniya ne posadyat // Rossijskaya gazeta. 2016. 7 iyulya. [EHlektronnyj resurs] // SPS Konsul'tant Plyus (data obrashcheniya: 07.02.2019)
3. Oficial'nyj sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii // [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (data obrashcheniya 06.02.2019)
4. Postanovlenie № 1-69/2018 ot 30 iyulya 2018 g. po delu № 1-69/201 [EHlektronnyj resurs] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/eLIgBWMKJuNr/ (data obrashcheniya 25.02.2019)
5. Postanovlenie № 1-370/2018 ot 30 iyulya 2018 g. po delu № 1-370/2018 [EHlektronnyj resurs] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/dYnEaJB0Lqo/ (data obrashcheniya 25.02.2019)
6. Postanovlenie № 1-430/2018 ot 30 iyulya 2018 g. po delu № 1-430/2018 [EHlektronnyj resurs] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/XsufNL1HULlB/ (data obrashcheniya 25.02.2019)
7. *Soktoev Z.* B. Problemy primeneniya norm o sudebnom shtrafe / Soktoev Z. B. // Ugolovnoe pravo. 2017. № 1. S. 90-94.
8. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. *Yusupov M.Yu.* Voprosy primeneniya novogo vida osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa / YUsupov M. YU. // Ugolovnoj pravo. 2016. № 6. S.122-128.

УДК 341.1/8

Вологдина Е.С.,
старший преподаватель кафедры Административного права и таможенного дела,
Юридический факультет ФГБОУ ВО, Забайкальский государственный университет,
ek.antsiferowa@yandex.ru

ИНТЕГРАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС

В статье рассматриваются вопросы совершенствования информационного взаимодействия таможенных органов Евразийского экономического союза посредством интеграции информационных ресурсов. В результате проведенного анализа некоторых правовых актов автором отмечается, что информационное взаимодействие и обмен электронными документами обеспечивается в рамках трансграничного пространства доверия при помощи информационных ресурсов. Автор акцентирует внимание на применении в работе таможенных органов отдельных ресурсов – механизма «единого окна», уникального идентификационного таможенного номера, процедуры предварительного информирования, сервиса «доверенной третьей стороны». Представляется важной автоматизация и интеграция всех таможенных процессов на уровне Союза в целом, что позволит повысить удобство и доступность обмена электронными документами в рамках Евразийского экономического союза и других государств и будет способствовать повышению уровня надежности и защищенности трансграничного межгосударственного информационного взаимодействия.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, информационное взаимодействие, информационные ресурсы, механизм «единого окна», доверенная третья сторона, электронное взаимодействие, электронный документ

Vologdina E.,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Customs Faculty of Law,
FSBEI HE Transbaikal State University

INTEGRATION OF INFORMATION RESOURCES AS A TOOL FOR INTERACTION BETWEEN CUSTOMS AUTHORITIES OF EAEU MEMBER STATES

The article considers the issues of improving the information interaction of the customs authorities of the Eurasian Economic Union through the integration of information resources. As a result of the analysis of some legal acts, the author notes that information interaction and the exchange of electronic documents is provided within the transboundary space of trust with the help of information resources. The author focuses on the application of certain resources in the work of the customs authorities – the "single window" mechanism, a unique customs identification number, the preliminary notification procedure, and the "trusted third party" service. It seems important to automate and integrate all customs processes at the level of the Union as a whole, which will increase the convenience and accessibility of electronic document exchange within the Eurasian Economic Union and other states and will increase the level of reliability and security of cross-border interstate information interaction.

Keywords: Eurasian Economic Union, information interaction, information resources, Single Window mechanism, trusted third party, electronic interaction, electronic document

В современных условиях активного формирования единого экономического пространства Евразийского экономического союза актуальными становятся вопросы совершенствования информационного взаимодействия посредством интеграции и внедрения перспективных таможенных технологий. В этой связи следует подчеркнуть особую роль взаимодействия между органами государственной власти, а именно таможенных органов государств-участников Евразийского экономического союза. Как отмечалось ранее, государства-члены ЕАЭС проводят согласованную политику в области информатизации [7], целью которой является координация и обеспечение создания благоприятных условий эффективного взаимодействия государственных систем и ресурсов. Вышесказанное подтверждается разнообразием принятых специальных правовых актов в исследуемой сфере.

Особое значение имеют положения Протокола «О информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза» [5], где определены основополагающие принципы информационного взаимодействия и координации его осуществления между государствами-членами Евразийского экономического союза. Названный документ определил «электронную форму взаимодействия» государств-участников Союза как один из способов информационного взаимодействия, основанный на применении информационно-коммуникационных технологий. В связи с этим, государства-члены ЕАЭС обеспечили закрепление в национальном законодательстве возможности обмена электронными документами в рамках системы электронного документооборота при взаимодействии органов государственной власти государств-членов между собой и с Евразийской экономической комиссией с использованием интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза [4]. Результатом такой работы стал обмен электронными документами с использованием криптографических стандартов, утвержденный Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 18.09.2014 г. № 73 «О Концепции использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов». Согласно положениям Концепции, с целью эффективного электронного взаимодействия интегрированной системы Союза и сервисов службы доверенной третьей стороны, Евразийская экономическая комиссия утвердила криптографический стандарт электронной цифровой подписи (ЭЦП) и согласованный криптографический стандарт функции хэширования. Вышесказанное позволяет сделать вывод, что одним из направлений совершенствования межгосударственного информационного взаимодействия является решение задач результативной и надежной интеграции территориально распределенных информационных ресурсов органов государств-членов Евразийского экономического союза. Необходимо отметить, что вопросы обеспечения взаимодействия органов власти в электронном виде, включая предоставление возможности обмена электронными документами, имеющими юридическую силу или взаимно признаваемыми таковыми [6] приобретают особую актуальность.

Таким образом, за счет слаженных и скооперированных взаимоотношений сформирована нормативно-правовая база, определяющая информационное взаимодействие между таможенными органами государств-членов ЕАЭС с целью дальнейшего формирования общих информационных ресурсов, повышения оперативности информационного обеспечения уполномоченных органов, осуществляющих государственный контроль, а также реализации общих процессов в рамках Союза.

На современном этапе динамично разрабатываются и активно применяются средства, методы и механизмы информационного взаимодействия стран Союза. Результат такой работы очевиден – внедрение на всей территории Евразийского экономического союза технологии «Единое окно», уникального идентификационного таможенного номера, функционирование института предварительного информирования, использование сервиса доверенной третьей стороны (далее – ДТС) и другие.

Значительным шагом в интеграции информационных ресурсов явился механизм «единого окна», который определил особый, упрощенный порядок взаимодействия между государственными органами и участниками внешнеэкономической деятельности, суть которого состоит в том, что участники ВЭД через единый пропускной канал однократно предоставляют документы в стандартизированном виде заинтересованным субъектам – органам власти и организациям.

В результате построения механизма «единого окна» государствами-участниками Евразийского экономического союза проведена согласованная работа, результатом которой явилась успешная реализация системы межведомственного информационного взаимодействия и единой автоматизированной системы таможенных органов, а также разработка и ведение электронных реестров разрешительных документов. Тем самым реализован интегрированный контроль на границе, суть которого состоит в том, что в пунктах пропуска таможенным органам были переданы функции по осуществлению документального контроля от других государственных органов. Отметим, что в морских пунктах пропуска активно ведутся работы по внедрению информационного ресурса – локального механизма «единого окна». Ярким примером следует назвать, портал «Морской порт» в Российской Федерации, который позволяет осуществлять взаимодействие не только участников внешнеэкономической деятельности, администрации порта, перевозчиков, но и государственных контролирующих органов в морских пунктах пропуска.

Оценивая опыт некоторых стран, которые автоматизировали бизнес-процессы и внедрили механизм «единого окна» можно констатировать, что этот механизм позволил им занять лидирующие позиции в рейтингах международной торговли и добиться значительного роста товарооборота. Государства-члены Евразийского экономического союза также уделяют большое внимание данным вопросам. Так, страны ЕАЭС совместно с Евразийской экономической комиссией проводят тематические исследования текущего состояния национальных механизмов «единого окна» и определяют перспективы развития.

В ходе исследования, установлено, что одним из недостатков технологии «Единое окно» является переход процессов с бумажной на электронную форму, внедрение новых информационных систем не всегда сопровождается соответствующими правовыми актами и, как следствие – недостаточно правовых оснований для использования документов в электронной форме. Кроме того, что недостаточно развитый уровень технического обслуживания или отсутствие у государственных органов, являющихся потенциальными пользователями механизма «единого окна», соответствующих информационных систем и ресурсов способствуют снижению результативности взаимодействия органов власти в исследуемой сфере.

Исходя из проведенного анализа состояния и развития технологии «Единое окно» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности в государствах-членах ЕАЭС, можно утверждать о низком уровне заинтересованности и вовлеченности информационного обмена в электронном виде между участниками внешнеэкономической деятельности, государственными органами. Что приводит к отсутствию гармонизированного подхода к представлению данных. Следует акцентировать внимание на недоверии у заинтересованных лиц из сферы бизнеса к инновациям и виртуальному взаимодействию и отсутствии необходимых финансовых ресурсов.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства негативно отражаются на практике в виде требования предоставления бумажных форм документов, это в свою очередь, обусловлено тем, что принцип однократности и межведомственное информационное взаимодействие соблюдается не всеми государственными органами – участниками Евразийского экономического союза.

Таким образом, несмотря на положительную динамику использования механизма «единого окна» в процессе информационного взаимодействия таможенных органов, существуют проблемы в практическом применении, которые требуют дальнейшего разрешения. Представляется важным отметить, что в условиях цифровой трансформации повышаются эффективность и скорость работы хозяйствующих субъектов, возникают новые бизнес-модели за счет автоматизации и внедрения прогрессивных информационных технологий. В связи с этим, технологические инновации предъявляют новые требования к функциональным возможностям механизма «единого окна», открывая новые возможности для сферы внешнеэкономической деятельности. На современном этапе государства-члены ЕАЭС реализуют комплекс мер, направленных на устранение барьеров для создания прозрачной и комфортной системы взаимодействия государства и бизнеса с использованием новой эталонной модели технологии «Единое окно». Необходимо подчеркнуть, что Согласно Распоряжения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 февраля 2019 г. № 31 «Об описании эталонной модели национального механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности», эталонная модель национального механизма «единого окна» призвана обеспечить переход на новую траекторию развития, а также реализацию эффективного управления данными, процессами и информационным взаимодействием (в том числе хозяйствующих субъектов с государственными органами государств-членов (B2G/G2B), государственных органов государств-членов между собой (G2G) и хозяйствующих субъектов между собой (B2B)).

Развитие информационного взаимодействия между таможенными органами Евразийского экономического союза связано с механизмом уникального идентификационного таможенного номера. Внедрение данного механизма осуществлялось посредством интеграции национальных систем регистрации с целью проведения уникальной идентификации юридических и физических лиц государств-членов Союза, в том числе иностранных и зарегистрированных лиц в странах Евразийского экономического союза.

Изучение практического опыта использования механизма уникального идентификационного таможенного номера в вопросах совершенствования информационного взаимодействия государств-членов ЕАЭС объективно доказывает, что одним из достоинств является применение упрощенных, стандартизированных бланков документов, необходимых для таможенных целей, форматов и структур их электронных копий, что позволяет повысить достоверность содержащихся в них сведений. В этой связи механизм оказывает положительное влияние на процессы электронного взаимодействия таможенных органов.

Предполагается, что дальнейшее развитие и использование уникального идентификационного таможенного номера напрямую будет способствовать решению актуальной задачи, поставленной главами государств-участников ЕАЭС, по синдикации информационных систем и ресурсов таможенных служб и иных органов государственной власти Евразийского экономического союза в целях обеспечения прослеживаемости движения товаров и создания благоприятных условий эффективного взаимодействия таможенных органов стран ЕАЭС.

Одним из перспективных векторов развития информационных таможенных технологий является институт предварительного информирования, который получил свое развитие в 2012 году и активно применяется в работе таможенных органов в настоящее время. Специфика рассматриваемого института состоит в том, что таможенные органы заблаговре-

менно получают необходимые сведения о трансграничном перемещении внешнеторгового груза, с помощью чего фактически определяются необходимые объекты контроля, формы таможенного контроля и меры, обеспечивающие контроль товаров до их прибытия на территорию Евразийского экономического союза.

Таким образом, «предварительное информирование» является одним из действенных инструментов взаимодействия таможенных органов государств-членов ЕАЭС.

В настоящее время процесс автоматизации в деятельности таможенных органов государств-членов Союза в рамках трансграничного пространства доверия обеспечивается при помощи сервисов, предоставляемых операторами общей инфраструктуры документирования информации, в том числе сервисов доверенной третьей стороны (ДТС). Основное предназначение службы доверенной третьей стороны состоит в обеспечении эффективного межгосударственного обмена электронными документами. В этой связи, работа ДТС ориентирована на автоматизацию процессов подтверждения подлинности электронной цифровой подписи, идентичности и целостности электронного документа. И как следствие – признание юридической силы и достоверности электронного документа, защиты данных и обеспечения архивного хранения электронных документов.

Для реализации названных положений в организационной структуре Евразийской экономической комиссии был создан удостоверяющий центр службы доверенной третьей стороны интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза. Отметим, что основным назначением данного структурного подразделения является «обеспечение сертификатами ключей проверки ЭЦП уполномоченных доверенных третьих сторон ЕЭК и государств-членов в составе службы ДТС для обеспечения с применением ЭЦП юридической силы документов при международном (трансграничном) обмене электронными документами в рамках Союза [3].

В связи с этим, можно констатировать, что применение сервиса ДТС позволяет повысить удобство и доступность обмена электронными документами различных государств, следовательно, способствует повышению уровня надежности и защищенности трансграничного межгосударственного информационного взаимодействия.

Несмотря на значительный объем работы, проводимой в государствах-членах ЕАЭС, в частности, по внедрению перспективных информационных сервисов электронного взаимодействия участников ВЭД с государственными контролирующими органами, это не привело к полному отказу от предоставления документов на бумажном носителе, а также необходимости непосредственного обращения к представителям государственных органов, поскольку такие сервисы слабо интегрированы либо не интегрированы между собой.

Таким образом, активное применение и внедрение информационных технологий и ресурсов является инструментом взаимодействия таможенных органов государств-членов Евразийского экономического союза. Обращаясь к решению проблемы информационного взаимодействия, представляется важной автоматизация и интеграция всех таможенных процессов на уровне Союза в целом. Необходимо отметить, что существует значительная разница в темпе внедрения информационных ресурсов, рассмотренных выше. Например, механизм «единого окна» стал внедряться в работу таможенных органов государствами-членами Союза в различные периоды времени. Так, в Республике Беларусь – с 2006 года, в Кыргызской республике – с 2007 года, в Республике Казахстан – с 2011 года, в Республике Армения – с 2013 года, а в Российской Федерации – с 2014 года.

Следует сказать, что Российская Федерация начала вести работу по созданию механизма «единого окна» по достижении договоренностей, зафиксированных в рамках Евразийского экономического союза. Поэтому, непосредственная работа по внедрению механизма началась значительно позже. Вместе с тем, в Российской Федерации проводились активные мероприятия по автоматизации процессов в деятельности государственных органов, актуализации системы межведомственного информационного взаимодействия, реализации портала государственных услуг. Как известно, начиная с 2002 года, реализуются Федеральные целевые программы, например, «Электронная Россия» (2002-2010 годы), «Информационное общество» (2011-2020 годы). В сфере внешнеэкономической деятельности особое внимание акцентировано на совершенствовании правовой базы, регламентирующей процессы информационного электронного взаимодействия таможенных органов и бизнеса, автоматизации деятельности таможенных органов и внедрении электронного декларирования. Как следствие – создание в отдельных регионах центров электронного декларирования. В связи с этим, отсутствие концепции развития механизма «единого окна» в Российской Федерации не является сдерживающим фактором взаимодействия таможенных органов в рамках Союза, поскольку отдельные элементы национального механизма внедрены и имеют положительную динамику функционирования.

Автор полагает, что интеграция информационных ресурсов будет способствовать созданию перспективных форм взаимодействия таможенных органов для формирования в странах Евразийского экономического союза новой культуры обмена данными

в режиме реального времени. Принимая во внимание особую роль взаимодействия между таможенными органами государств-членов Союза и новизну информационных процессов, становится очевидным процесс активного перехода к онлайн-сервисам во взаимоотношениях государства и общества, органов власти и бизнеса стран-участниц Евразийского экономического союза. В связи с этим одна из ключевых задач – создание безопасных и эффективных инструментов межгосударственного информационного взаимодействия.

Список литературы

1. Договор «О Евразийском экономическом союзе» [от 29 мая 2014 г.] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
2. Об основных направлениях развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности: решение Высшего Евразийского экономического совета от 29.05.2014 № 68 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
3. Об удостоверяющем центре службы доверенной третьей стороны интегрированной информационной системы Евразийского экономического союза: решение Евразийской Экономической комиссии от 25.09.2018 № 154 // Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org.
4. Об утверждении Положения об обмене электронными документами при трансграничном взаимодействии органов государственной власти государств-членов Евразийского экономического союза между собой и с Евразийской экономической комиссией: решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28.09.2015 № 125 // Официальный сайт Евразийского экономического союза www.eaeunion.org.
5. О информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза: протокол (приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
6. О Концепции использования при межгосударственном информационном взаимодействии сервисов и имеющих юридическую силу электронных документов: решение Совета Евразийской экономической комиссии от 18.09.2014 г. № 73 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии www.eurasiancommission.org.
7. *Вологдина Е.С.* К вопросу о применении информационных технологий в государствах-членах Евразийского экономического союза: правовой аспект / Е.С. Вологдина // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1 (54). С.119-123.

References

1. The Treaty "On the Eurasian Economic Union" [dated May 29, 2014] // The official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
2. On the main directions of the development of the Single Window mechanism in the system of regulating foreign economic activity: Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated May 29, 2014 No. 68 // Official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
3. On the certification center of the trusted third party service of the integrated information system of the Eurasian Economic Union: decision of the Eurasian Economic Commission of September 25, 2018 No. 154 // Official website of the Eurasian Economic Union www.eaeunion.org.
4. On approval of the Regulation on the exchange of electronic documents in cross-border interaction of state authorities of the member states of the Eurasian Economic Union with each other and with the Eurasian Economic Commission: decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of September 28, 2015 No. 125 // Official website of the Eurasian Economic Union www.eaeunion .org.
5. On information and communication technologies and information interaction within the framework of the Eurasian Economic Union: protocol (Appendix No. 3 to the Treaty on the Eurasian Economic Union) // Official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
6. On the Concept of using services and legally binding for interstate information interaction electronic documents: decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of September 18, 2014 No. 73 // Official website of the Eurasian Economic Commission www.eurasiancommission.org.
7. *Vologdina E.S.* On the issue of the use of information technology in the member states of the Eurasian Economic Union: legal aspect / E.S. Vologdina // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. No 1 (54). S.119-123.

УДК 349.6

Духно Н.А.,
доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института,
Российский университет транспорта (МИИТ),
naduhno@ui-miit.ru

ЭКОЛОГИЯ НА ТРАНСПОРТЕ И ЗДОРОВЬЕ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена актуальной проблеме увеличения заболеваний людей вследствие плохой экологии, усугубляемой транспортной деятельностью. Оценка влияния транспортного комплекса на окружающую среду подтверждает факты роста вредного воздействия транспорта на объекты природы, что стало причиной тяжелых заболеваний людей. Отрицательному воздействию на здоровье плохой экологией подвергаются не только те, кто связан с деятельностью транспорта, но и многие другие обитатели мест, где транспортные средства ухудшают экологию, увеличивая уровень загрязнения окружающей среды, умножая причины роста заболеваний. Страдания больных побуждают к поиску новых способов сохранения окружающей среды в том состоянии, какое не будет наносить вред здоровью человека. Поддерживать хорошую экологию, укреплять здоровье людей и развивать транспорт – это задачи первостепенной важности, которые могут плодотворно решаться, если каждая из них будет подчинена охране прав и законных интересов человека.
Ключевые слова: транспорт, экология, здоровье человека, болезни от плохой экологии, вредные вещества

Dukhno N.,
doctor of law, professor, Director of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

ECOLOGY ON TRANSPORT AND HUMAN HEALTH

The article is devoted to the urgent problem of increasing diseases of people due to poor ecology, exacerbated by transport activities. An assessment of the environmental impact of the transport complex confirms the growth of the harmful effects of transport on natural objects, which has caused serious illnesses in people. Not only those who are connected with the activity of transport, but also many other inhabitants of places where vehicles worsen the environment, increasing the level of environmental pollution, multiplying the causes of the growth of diseases, have a negative impact on health. The suffering of patients prompts the search for new ways to preserve the environment in a state that will not harm human health. Maintaining a good environment, strengthening people's health and developing transport are tasks of paramount importance that can be fruitfully solved if each of them is subordinate to the protection of human rights and legitimate interests.
Keywords: transport, ecology, human health, diseases from poor ecology, harmful substance

С увеличением потребности человека, общества, государства в расширении транспортных услуг ускоряется процесс развития, интенсивной эксплуатации транспортного комплекса, что становится причиной увеличения нагрузки на окружающую среду. Загрязнения, сбросы и разрушения природных объектов функционирующим транспортом создают экологическую опасность. Естественную природную среду сохранить на транспорте, при его состоянии, практически невозможно. Авторитетные источники свидетельствуют, что в XXI в. удельный вес всех вредоносных транспортных воздействий на окружающую среду достигает предельного уровня. Он уже превысил аналогичные показатели в энергетике, металлургии, газовой и многих других отраслях промышленности [3]. Транспорт является связующим звеном между всеми этими и другими отраслями, и если вредное воздействие на окружающую среду продолжится, то экологическая опасность только увеличится.

Неблагоприятная окружающая среда оказывает сильное влияние на состояние здоровья человека. Показатели здоровья людей, как зеркало, отражают состояние окружающей среды. Плохая экология указывает на появление экологической опасности, угрожающей подрыву здоровья людей, появлению у них различных заболеваний. Угасание жизненных сил у людей под влиянием экологической опасности не может не тревожить. Здравый смысл заставляет задуматься, сколько жизненных сил, энергии затрачивается человечеством на развитие промышленности, на

индустриализацию, результатом которой становится загрязнение и разрушение природных объектов, распространение экологических угроз, опасность которых увеличивается с той же прогрессией, с какой идет процесс уничтожения естественных свойств развития природы. Жажду потребительских интересов можно погасить только изменением мышления, направляя его на развитие способностей проявлять постоянную заботу об укреплении здоровья людей. Чистая окружающая среда становится необходимым условием для предупреждения заболеваний. Пока охрана окружающей среды ограничивается стремлением к снижению загрязнений, сбросов, выбросов вредных веществ, но как отражается на здоровье людей сложившаяся экология на транспорте, ответ на этот вопрос не найден. Развитие транспорта окажется ущербным, если продолжится отравление окружающей среды, поражающей здоровье людей.

Сильные загрязнения окружающей среды продолжаются автотранспортными средствами отечественного производства, которые не соответствуют современным требованиям экологии. Стремительный рост автомобильного парка приводит к возрастанию вредного воздействия на окружающую среду. Доля автомобилей, использующих более чистое газовое топливо, не превышает 2%, а доля автобусов, работающих на дизельном топливе, составляет 13%. К концу 1990-х гг. на долю автотранспорта в России приходилось 80% выбросов свинца, 59% оксида углерода и 32% оксидов азота [3], опасно действующих на здоровье человека.

Вредное локальное экологическое загрязнение от автотранспорта в городах и вдоль трасс представляет серьезную опасность для здоровья людей, которые проживают в таких местах. Зависимость здоровья людей от загазованности атмосферного воздуха автомобильным транспортом выше для тех, кто проживает в таких местах, чем тех, кто проживает вдали и испытывают меньшее воздействие вредных выбросов. Самое большое влияние на здоровье человека оказывает экология его рабочего места, или жилища, расположенного вблизи загазованной местности, где сосредоточивается большое количество автотранспорта. Больше всего загрязнителей попадает в организм человека через легкие. Проведенными исследованиями подтверждается, что при ежедневном вдыхании загрязненного воздуха в организм человека проникает больше вредных веществ, чем с водой, с пищей, с грязных рук, через кожу. При этом ингаляционный путь поступления загрязнителей в организм является еще и наиболее опасным, так как:

– воздух загрязнен широким ассортиментом ядовитых веществ, некоторые из них способны усиливать пагубное воздействие при соединении одного с другим;

– загрязнения, попадая в организм через дыхательные пути, минуют защитный биохимический барьер – печень, в результате их токсическое воздействие оказывается в 100 раз сильнее;

– усвояемость вредных веществ, поступающих в организм через легкие, намного выше, чем загрязнителей, проникающих с пищей и водой;

– от атмосферных загрязнителей тяжело укрыться: они оказывают влияние на здоровье человека 24 часа в сутки 365 дней в году [7, 86-88].

От вредного воздействия транспорта на окружающую среду постоянно растет экологическая опасность в районах, занимаемых транспортной системой. Экологическая опасность проявляется в повышенном, по сравнению с естественным состоянием, уровне загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов, почвенного покрова, а также связана с высоким шумом вдоль транспортных магистралей. Экологическая опасность может возрастать до тех пор, пока не будут устранены основные причины:

– изношенность и старение транспортных средств и транспортной инфраструктуры;

– слабое внедрение современных чистых технологий в работу транспортной системы;

– рост аварийных ситуаций на транспорте;

– несовершенство экологического законодательства;

– низкая экологическая культура, отсутствие у большинства людей умений мыслить о способах укрепления своего здоровья.

Транспорт признается основным источником шума в городах, и его шумовое воздействие постоянно растет. Транспортный комплекс сохраняет лидирующее положение в шумовом воздействии на окружающую среду. По оценкам специалистов, в условиях повышенной шумовой нагрузки от автомобильного, железнодорожного и авиационного транспорта в России проживает около 38 млн человек. Основной причиной повышения уровня шума является интенсивность транспортного потока. Высокий уровень шума фиксируется на магистральных улицах больших городов при росте интенсивности движения от 2 до 3 тыс. автомобилей в час. В Москве по основным радиальным и кольцевым магистралям движение увеличивается от 5 до 7 тыс. автомобилей в час, а часто и того больше. По данным социологических опросов, автотранспортные шумы ощущают 2 млн жителей столицы, железнодорожные шумы в черте города ощущает 500 тыс. человек. Повышенную шумовую нагрузку испытывают жители одной третей части всей территории Москвы. Автотранспорт создает шум в городах, который вызывает у 60% населения различные заболевания. На рост уровня шума оказывают влияние: скорость транспортных потоков; состав транспортных потоков; тип двигателя; качество и тип

дорожного покрытия; наличие разного уровня транспортных развязок; подъемы, извилистость, спуски транспортных магистралей.

Повышенные уровни шума в местах работы и проживания людей являются одним из агрессивных раздражителей центральной нервной системы, что вызывает ее перенапряжение. Шум оказывает неблагоприятное влияние и на сердечно-сосудистую систему человека. Ишемическая болезнь сердца, гипертоническая болезнь, повышенное содержание холестерина в крови, психическое и нервное расстройство, снижение слуха и постоянное чувство усталости – встречаются чаще у лиц, проживающих или работающих в условиях постоянного воздействия шума. Наиболее чувствительны к действию шума лица старших возрастов. Так, в возрасте до 27 лет на шум реагируют 46% людей, в возрасте 28– 37 лет – 57%, в возрасте 38–57 лет – 62%, а в возрасте 58 лет и старше – 72%. Большое число жалоб на шум у пожилых людей связано с возрастными особенностями и состоянием центральной нервной системы этой группы населения [3].

Железнодорожный транспорт характеризуется различными неблагоприятными для здоровья факторами, которые превышают предельно допустимые уровни. К главным из них можно причислить пыль, шум и вибрацию [15].

Негативное влияние на здоровье человека оказывает авиационный транспорт: вредные выбросы двигателей; высокий шумовой «вброс»; звуковые удары, характерные для полетов на сверхзвуковых скоростях. Поражая окружающую среду, вредоносное воздействие отражается на состоянии здоровья людей, попадающих под влияние повышенных шумов и загрязненный атмосферный воздух. Но проблемы ограничиваются не только этим, на здоровье людей негативно влияет вода, попадающая для питья из загрязненных транспортными структурами водных объектов.

В настоящее время с аэропорта Шереметьево из-за пришедших в негодность устаревших очистных сооружений вредные отходы попадают в реку Клязьма, образующую Клязьминское и Пироговское водохранилища – крупнейшие водохранилища Московского региона. В Шереметьево пока только обещали очистные сооружения реконструировать к 2020 г., потом, спустя время, уточнили, что справиться с этой экологической проблемой могут в 2021 г. Сколько опасных отходов будет еще сброшено в реку Клязьма, воды которой попадут в водохранилища, и как загрязненная вода может повлиять на здоровье людей – эти вопросы пока остаются без ответа.

Транспорт, используемый в промышленных районах, усугубляет проблемы экологии. От наступившего в городе Киселевске Кемеровской области экологического бедствия и безвыходного положения жители вынуждены были обратиться к премьер-министру Канады и генсеку ООН с просьбой предоставить им статус беженцев из-за плохой экологической ситуации в регионе и отсутствия питьевой воды [6]. В районе жилой зоны размещаются объекты первого и второго классов опасности, что запрещено п. 3.1.5 СанПин 2.1.6.1032-01 «Гигиенические требования к обеспечению качества атмосферного воздуха населенных мест». В жилой зоне идет процесс добывания угля открытым способом. Грязь, пыль от открытой добычи угля увеличивается от сооружений породных отвалов, что сильно загрязняет объекты природы и подрывают здоровье людей. Статистические данные исследований атмосферного воздуха в жилой зоне скрываются от населения [9]. Процесс загрязнения окружающей среды увеличивается под влиянием транспортировки угля и перевозки отходов, перемещаемых на свалки муниципальным грузовым транспортом. В начале июня 2019 г. губернатор Кемеровской области передал угольным предприятиям еще 21 земельный участок сельскохозяйственного назначения общей площадью около 467 га. В мае 2019 г. угольщикам было передано 113 га. Рядом с угольными разрезами в регионе живут более 200 тыс. человек. Жители испытывают постоянное ухудшение здоровья, сопровождаемое тяжелыми заболеваниями, связанными с неблагоприятными экологическими условиями [5] практически живут в условиях экологической катастрофы. Смог из угольной пыли полностью накрывает район. В этом районе нет водопровода. Воду приходится набирать в колодцах, которые есть далеко не на каждой улице, да и не в каждом колодце есть вода, пригодная для питья.

Заболевания сердца и сосудов, онкология и бесплодие у жителей Кемеровской области – это результат не только неправильного образа жизни, но и промышленных, транспортных выбросов. Самое вредное воздействие на организм человека оказывает бензапирен. Количество этого загрязняющего вещества в атмосфере кузбасских городов превышает все допустимые показатели и с каждым годом увеличивается. По данным областного экологического доклада, в 2018 г. среднегодовая концентрация бензапирена в атмосфере города Кемерово была в 3,4 раза выше установленной нормы.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, только в 2012 г. твердые частицы, пыль, сажа, песок стали причиной смерти 3 млн человек во всем мире. Был составлен специальный рейтинг стран с наибольшей смертностью из-за экологических факторов. Россия оказалась в первой пятерке с показателем 140 тыс. человек, погибших от загрязненного воздуха, за один год [12].

Экологические причины, вызывающие ухудшение здоровья людей, доводя до летальных исходов,

побуждают призадуматься, как устроен процесс охраны здоровья в нашей стране в целом, и на транспорте в частности, какие установлены государственные гарантии. Федеральное законодательство дает определение понятию охраны здоровья граждан. На законодательном уровне понятие «охрана здоровья» представлено как система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического, характера. Все указанные меры обязаны осуществлять органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, организации, их должностные лица и иные лица, граждане в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). В числе мер по охране здоровья не выделены способы установления экологического благополучия, сопутствующего укреплению здоровья людей. При существующей экологической культуре отсутствие в нормативных правовых актах четких и полных требований к охране здоровья ведет этот процесс к неудовлетворительным показателям. Вице-премьер Татьяна Алексеевна Голикова 2 июля 2019 г. на совещании с членами научно-образовательного медицинского кластера Северо-Западного федерального округа «Западный» заявила о катастрофической убыли населения России, показав, что за четыре месяца 2019 г. естественная убыль населения составила 149 тыс. человек. Падает рождаемость, увеличивается смертность. Многие регионы России сознательно, в погоне за лучшей статистикой, снижали показатели смертности от онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний. Фактически картина выглядит другой. В Воронежской области повысилась смертность от онкологии за 2018 г., по сравнению с 2017 г., на 1,2%, а за четыре месяца 2019 г. увеличилась – на 20%. Ивановская область демонстрирует увеличение за четыре месяца 2019 г. количества смертей от сердечно-сосудистых заболеваний на 35,9% [10]. По данным Всемирной организации здравоохранения, более 33% детских заболеваний вызваны экологическими факторами. Ежегодно в мире погибает более 13 млн. людей вследствие экологических проблем. Основными источниками загрязнения воздуха являются автомобили. Из-за отсутствия достоверной экологической информации становится невозможным определить истинную величину заболевших людей от плохой экологии [2].

Проблема использования транспорта в экологически загрязненных регионах, где деятельность транспорта направлена не на предотвращение экологических угроз, а сопутствует увеличению экологической опасности, должна решаться комплексом мер по недопущению таких явлений. В экологическом и транспортном законодательстве необходимо устанавливать правовые нормы, запрещающие использовать транспорт в экологически опасных местах, где транспортные средства могут существенно увеличить уровень экологической опасности. Повышение экологических рисков не соответствует принципам охраны здоровья граждан и ведет к увеличению заболеваний.

Проблемы экологии на транспорте усугубляются, когда ощущается недофинансирование введения новых технологий и новых экологически чистых транспортных средств, которые во много раз способны снизить нагрузку на окружающую среду, уменьшить вредные выбросы. Пока заметно, что уход от требуемого уровня финансирования влечет за сбой причинение экологического вреда, последствия которого нужно устранять, а это ведет к увеличению затрат. Неправовые способы финансирования охраны окружающей среды ведут к росту проблем, решать которые становится все труднее. Растут также масштабы экологической опасности, на устранение которой требуется значительно больше финансовых средств, в сравнении с теми, какие следовало бы вкладывать на поддержку чистой экологии.

Однако ростки позитивных перемен появляются. 23 апреля 2019 г. на Рижском вокзале Москвы холдинг РЖД представил новый купейный вагон с душем, сейфами, холодильниками и микроволновками [13]. Это вагон нового поколения, выполненный по современным технологиям, из экологически чистых материалов, значительно снижающий нагрузку на объекты природы. Если вагоны такого типа будут введены в эксплуатацию, то экологическая безопасность на железнодорожном транспорте будет обеспечена при выполнении других эколого-правовых требований. Но это только ожидаемые перемены к улучшению экологического благополучия.

По наблюдениям Минздрава России, 20% здоровья людей зависит от экологической обстановки. Минздрав предоставил сведения за 2018 г., в каких регионах страны отмечены самые высокие показатели распространенности злокачественных новообразований. На первом месте Курская область. Здесь онкологических заболеваний зарегистрировано 3331 на 100 тыс. населения. На каждые 30 человек один страдает раковым заболеванием. В целом по стране показатель распространенности злокачественных новообразований в 2018 г. составил 2562 на 100 тыс. населения. Отмечается, что за последние десять лет это значение выросло почти на 40% [8]. Курская область испытывает острый недостаток водных ресур-

сов, особенно питьевой воды. Обеспеченность водными ресурсами в области на одного человека в 14 раз меньше, чем в России в целом.

Подземные воды плохо защищены от загрязнения. Значительную часть питьевой воды потребляют разные предприятия, которые сбрасывают недоочищенную или вообще неочищенную сточную воду. В реки и водоемы продолжают поступать загрязненные промышленные и бытовые воды, стоки животноводческих комплексов и ферм, горюче-смазочные вещества от автомашин и тракторов, минеральные удобрения и ядохимикаты с сельскохозяйственных угодий. Поэтому в реках увеличилось содержание солей аммония, железа, меди, нефтепродуктов, нитритов. Питьевая вода плохого качества является причиной многих заболеваний. Если в воде находятся хлорсодержащие органические соединения, обладающие мутагенными и канцерогенными свойствами, которые принято называть тригалометанами, то это угрожает появлению рака мочевого пузыря. В регионах с повышенной концентрацией тригалометанов в воде, которая становится источником питьевой воды, зафиксировано до 20% заболеваний раком.

Загрязненная среда обитания наносит колоссальный вред здоровью людей, процесс наращивания негативного влияния на окружающую среду не угасает, а растет, увеличивая риски заболеваний. Логика мышления должна бы убеждать, что для предотвращения заболеваний следует устранять причины, но вопреки здравому смыслу основная масса людей борется не с причинами, вызывающими болезни, а с самими заболеваниями, тратя огромные средства на изготовление лекарственных препаратов, умножая причины возникновения новых болезней. Попадая под вредное воздействие отравленных природных объектов, человек заболевает, а чтобы заглушить болезнь, принимаются лекарственные препараты. Миллионы тонн разнообразных лекарств выпускают фармацевтические фабрики, люди их интенсивно потребляют. Неожиданно для многих от массового употребления лекарств произошло отравление уникальных природных объектов. В курортных зонах Альп обнаружили, что подземные питьевые источники отравлены. 30 видов наиболее распространенных лекарств, пройдя через человеческий организм, не расщепляются, сохраняя свои химические свойства, вместе с мочой попадают в сточные воды. Сбросы загрязненной воды попадают в водные объекты, из них отравленная вода проникает в подземные питьевые воды. Оказалось, люди, оздоровляя свой организм, отравили питьевую воду. Такая вода еще больше подрывает здоровье человека, ослабляя его организм. Он становится не способным бороться с вредными микроорганизмами, с вирусами, грибкам, микробами, против которых современные лекарства бессильны. Появляется потребность в изготовлении более мощных лекарственных препаратов, вред от которых трудно предугадать.

Нужно остановить эту бесполезную гонку, перестать отравлять окружающую среду и создавать условия для полноценной жизни, укрепляя здоровье безвредными средствами. Соотношение лекарственных препаратов с естественными средствами оздоровления человека следует измерять уровнем здоровья людей.

Отравленная окружающая среда мешает человеку правильно организовать свою жизнь, не может поставить ее на путь полноценного и здорового обитания. Исследования, проведенные доктором медицинских наук, профессором, главным специалистом Минздрава России по кардиологии в Сибирском федеральном округе Ольгой Барбараш, показали, что продолжительность жизни человека на 30% зависит от уровня здравоохранения, на 33% – от образа жизни и на 37% – от социально-экономических факторов, таких как место жительства; состояние инфраструктуры; состояние экологии. Как утверждает профессор: «Сибирь занимает первое место по экологическому неблагополучию», опираясь на данные государственного экологического доклада по загрязнению атмосферы, доля сердечно-сосудистых заболеваний в уровне смертности в Кузбассе немного снижается, но этот недуг по-прежнему остается главной причиной ухода кузбассовцев из жизни. Если в 2015 г. было 40% смертей от болезней системы кровообращения, то в 2018 г. произошло снижение на два процента и составило 38% [1]. Болезни могут быть самыми разными, и проявляются они не всегда сразу, а через время, отдаляющее факт заболевания человека от факта вредного влияния загрязненной окружающей среды.

Тревогу вызывают свалки, где сосредоточивается много токсических веществ, которые загрязняют почву. Центральное место занимает почва в биосфере, которая является исходным звеном большой цепи, связывающей все природные объекты. Загрязненная почва становится источником вторичного загрязнения атмосферного воздуха, водоемов, подземных вод, растительного и животного мира. Потом вредные элементы попадают в продукты питания, употребление которых наносит вред здоровью людей. В образовании свалок активно участвуют транспортные средства, доставляя отходы в места свалок. Отношения по поводу отходов, свалок, использования транспорта и обеспечения чистой экологии не урегулированы действующим законодательством. Проблемы решаются путем применения властных распоряжений, при этом не используются правовые регуляторы.

Зависимость здоровья от состояния экологии побуждает к усвоению понимания категории «здоро-

вье». Наиболее удачное определение понятию здоровья дала Всемирная организация здравоохранения. Данное ею понятие здоровья стало общепринятым на международном уровне. Здоровье определяется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия человека, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Такое определение здоровья дано в Уставе, принятом Международной конференцией здравоохранения, проходившей в Нью-Йорке в период с 19 июня по 22 июля 1946 г. Устав, подписанный 22 июля 1946 г. представителями 61 страны, вступил в силу 7 апреля 1948 г.

В мае месяце 2019 г. Всемирная организация здравоохранения признала болезнью синдром состояния стресса человека. Теперь состояние стресса должно определяться как «синдром, возникающий в результате хронического стресса на рабочем месте, с которым не удается справиться». Признание стресса заболеванием дало основание для внесения его в каталог Международной классификации болезней (МКБ-11). Закрепление в международных правовых нормах стресса как болезни дает возможность страдающим от стресса на работе людям реализовывать право на оказание им медицинской помощи. Многочисленные опросы общественного мнения подтверждают, что этой проблемой следовало давно заняться. Со стрессами на рабочем месте в России сталкиваются 70% работников. Не решенная проблема большого количества людей, подвергающихся стрессовому состоянию на рабочих местах, требует правового регулирования, утверждает проректор Академии труда и социальных отношений Александр Сафонов [11].

Собственно, в нашей стране принимались меры к освоению международного опыта в сфере охраны здоровья (см., к примеру, приказ Минздрава России от 27 мая 1997 г. № 170 «О переходе органов и учреждений здравоохранения Российской Федерации на Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем X пересмотра»).

Под влиянием разных факторов законодательство об охране здоровья в России развивается, включая сложившееся в отечественной культуре понятие здоровья, которое определяется как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Приказом Минздрава России от 29 июня 2016 г. № 430н утвержден Административный регламент Росздравнадзора по исполнению государственной функции по осуществлению контроля за достоверностью первичных статистических данных, предоставляемых медицинскими организациями и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность. Создана и функционирует Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения.

Нормативно правовые акты по определению понятия здоровья, исполнительные органы власти, осуществляющие контроль за объективностью сведений о состоянии здоровья людей, созданы, но как решаются поставленные задачи – люди ощущают на своем здоровье. До тех пор, пока уровень экологии будет опасным, процесс лечения людей уподобляется борьбе со следствием, которая будет только расширяться под влиянием неустраненных причин, умножающих количество заболеваний людей. Чем ближе станет окружающая среда к показателям, определяющим ее как благоприятную, тем меньше будет больных людей и сохранятся средства, какими можно увеличить затраты на профилактические меры, предупреждающие заболевания. Следуя таким курсом, можно достичь высоких показателей в состоянии здоровья людей, которые устремят свои здоровые силы на повышение производительности труда, увеличение его интенсивности в экологически чистой среде обитания. Силами и средствами, какие доведут окружающую среду до уровня благоприятной, устраняются причины появления и развития многих заболеваний. При хорошей экологии в медицине разовьются плодотворные процессы переориентации от лечебных функций к профилактическим мерам, направленным на предупреждение заболеваний, создание условий для здорового образа жизни.

Регуляторами экологических отношения является право, но оно, созданное под усилием правоведов, не может влиять на отношения, в рамках которых меняется окружающая среда. Когда большинство живет не по правовым принципам, а по правилам приспособления к нравам начальника, тогда право остается не тронутым мыслью о сбережении природы. Только усердное изучение права формирует правовое мировоззрение, которое управляет поведением человека. Если право не изучается или изучается формально, и до сознания не доводится убеждение в том, что любая деятельность должна подчиняться правовым принципам, тогда право остается только на бумаге, но не в головах людей. Воспринимая нашу действительность, не сложно заметить, что в большой части деятельности людей видны не правовые поступки, а те, которые ухудшают экологию. Отходы своей деятельности мы не научились использовать так, чтобы они не причиняли вреда окружающей среде. Будет ли прогресс успешным, если последствия деятельности создают опасность, угрожающую жизни и здоровью миллионов людей, а гарантии их защиты остаются формальными.

Желание большинства людей жить здоровой и полноценной жизнью не реализуется в полной мере по многим причинам. Существенными из них следует признать низкий уровень правовой культуры; нравственное состояние общества, где большинство ко всему относится равнодушно; цепкость к старым привычкам рабски, слепо следовать указаниям начальника или чиновника. Плохая экология, рост числа заболеваний – это следствие растущих причин, какие не изживутся до той поры, пока просвещение большинства людей не достигнет уровня, способного охранять природу и права человека. В настоящее время правовые принципы не воплощаются в жизнь. Принимаемые законы не наполняют ум людей правовым знанием, правовые нормы как застывшие остаются на бумаге, между деятельностью и содержанием законов общего почти ничего не заметно. Конституция Российской Федерации провозглашает сущностное понятие социального государства, оно определяет направление внутренней политики, которая должна быть устремлена к обеспечению достойной жизни человека, в том числе в соответствии с ч. 2 ст. 7 и граждан, находящихся в социально незащищенном положении и нуждающихся в государственной поддержке. Это инвалиды и люди пожилого возраста. Вдумайтесь в смысл нашей Конституции и посмотрите на реальную жизнь, и вы заметите, как чиновники формально относятся к конституционным требованиям.

Закономерности развития общества и рост потребительских интересов побуждают к совершенству профессиональной деятельности во всех сферах, в том числе и в транспортной, что возможно при крепком состоянии здоровья, психической устойчивости, физическом развитии человека. Продуктивность профессиональной и социальной деятельности человека полностью обусловлена здоровьем [14, 79-82].

Законодательство России, международно-правовые акты содержат много юридических правил, обращенных к охране здоровья человека. Право на охрану здоровья закреплено в ст. 41 Конституции РФ. Международно-правовыми нормами право на охрану здоровья признается высшей ценностью, что подтверждает Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Часть 3 ст. 41 Конституции РФ под страхом привлечения к юридической ответственности указывает на недопустимость сокрытия должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу жизни и здоровью людей. Кто из нас знает реальную экологическую обстановку в местах, где мы живем и работаем? Только отрывочные и далеко не объективные вкрапления экологической информации появляются не по требованиям законодательства, а по воле чиновников. Плохую экологию создают люди, не понимая, что их деятельность направлена на подрыв здоровья.

Для развития транспорта, как и всех других отраслей экономики, нужны профессионалы. Воспитание грамотных специалистов возможно при изменении нашего образования. В нем следует освободиться от формальностей, от ненужных дисциплин и наполнить его методиками, которые научат человека учиться на основе достоверных сведений. Сколько сил и средств затрачивает наше образование на изучение материалов, в которых много лишнего и ложного. Не получится воспитать хорошего специалиста на неправдоподобных сведениях. Воспитание следует сопровождать качественным обучением сотрудников, доводя их мышление до понимания необходимости охраны окружающей среды. С глубоким эколого-правовым убеждением специалисты поймут, в какие технологии развития следует вкладывать финансовые средства, как их распределять, в какой последовательности, какими способами развивать производство, чтобы окружающая среда оставалась благоприятной.

В чистой экологической среде человек ощутит крепкое здоровье, появятся новые силы для роста производительности труда, снизится уровень заболеваний, появится возможность увеличить средства на повышение нашей просвещенности.

Список литературы

1. Бегство или вымирание? Как экология влияет на жизнь кузбассовцев // http://www.kuzbass.aif.ru/health/begstvo_ili_vymiranie_kak_ekologiya_vliyaet_na_zhizn_kuzbassovcev (дата обращения 10.08.2019).
2. Болезни грязного воздуха, воды и еды // Портал о здоровье: http://www.likar.info/coolhealth/article-80592-bolezni-i-ekologiya-ugroza-s-vozduha-vody-pochvy-i-vashego-doma/ (дата обращения 10.08.2019).
3. Влияние разных видов транспорта на экологию: цена комфорта // https://legkopolezno.ru/ekologiya/prostranstvo-vokrug-nas/vliyanie-transporta-na-ekologiyu/ (дата обращения 10.08.2019).
4. Влияние транспорта на окружающую среду и здоровье человека // https://vuzlit.ru/354119/vliyanie_transporta_okruzhayuschuyu_sredu_zdorove_cheloveka (дата обращения 10.08.2019).
5. В Канаде ответили на просьбу жителей Кузбасса об убежище // http://kuzpress.ru/politics/12-06-2019/68126.html (дата обращения 10.08.2019).
6. Жители российского города массово захотели бежать в Канаду // Лента ру: https://lenta.ru/news/2019/06/10/gotocanada/? (дата обращения 10.08.2019).
7. *Константинов А*. П. Экология и здоровье: опасности мифические и реальные // Экология и жизнь. 2012. № 7. С. 82– 85; № 11. С. 84– 87; № 12. С. 86– 88.

8. Названы регионы России с высокой распространённостью рака // https://russian.rt.com/russia/news/641689-regiony-rossii-rak? (дата обращения 10.08.2019).
9. О экологии г, Киселевска Кемеровской области и сносе ветхого жилья // https://napisat-pismo-putinu.ru/raznoe/o-ekologii-g-kiselevska-kemerovskoj-oblasti-i-snose-vetxogo-zhilya (дата обращения 15.08.2019).
10. Плоды оптимизации: смертность в России поднялась до уровня национального бедствия // https://newizv.ru/news/society/03-07-2019/plody-optimizatsii-smertnost-v-rossii-podnyalas-do-urovnya-natsionalnogo-bedstviya (дата обращения 15.08.2019).
11. Попал под напряжение. Эффект «выгорания на работе» признали болезнью // Российская газета: https://rg.ru/2019/06/03/effekt-vygoraniia-na-rabote-priznali-bolezniu.html (дата обращения 30.06..2019).
12. Россияне задыхаются как азиаты // https://www.gazeta.ru/science/2016/06/28_a_8338619.shtml (дата обращения 15.08.2019).
13. РЖД показали новый купейный вагон с душем и холодильником // https://ria.ru/20190423/1552961092.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 15.08.2019).
14. *Тюрикова Ю.* Б., *Тюрикова Г. Н.* Социально-правовой аспект проблемы здоровьесбережения // Актуальные проблемы естественнонаучного образования, защиты окружающей среды и здоровья человека. 2017. № 6. С. 79– 82.
15. Факторы формирования хронических заболеваний у железнодорожников // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2010. № 2 (20). С. 10-14 // http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/23131/2-Ponomarenko.pdf?. (дата обращения 15.08.2019).

References

1. Escape or extinction? How ecology affects the life of Kuzbass residents // http://www.kuzbass.aif.ru/health/begstvo_ili_vymiranie_kak_ekologiya_vliyaet_na_zhizn_kuzbassovcev (accessed 08.08.2019).
2. Diseases of dirty air, water and food // Health portal: http://www.likar.info/coolhealth/article-80592-bolezni-i-ekologiya-ugroza-s-vozduha-vody-pochvy-i-vashego -doma / (accessed 08/10/2019).
3. The impact of different modes of transport on the environment: the price of comfort // https://legkopolezno.ru/ekologiya/prostranstvo-vokrug-nas/vliyanie-transporta-na-ekologiyu/ (accessed 08.08.2019).
4. The impact of transport on the environment and human health // https://vuzlit.ru/354119/vliyanie_transporta_okruzhayuschuyu_sredu_zdorove_cheloveka (accessed 08/10/2019).
5. In Canada, they answered the request of the residents of Kuzbass for asylum // http://kuzpress.ru/politics/12-06-2019/68126.html (date of appeal 10.08.2019).
6. Residents of the Russian city massively wanted to flee to Canada // Lenta ru: https://lenta.ru/news/2019/06/10/gotocanada/? (accessed date 08/10/2019).\
7. *Konstantinov A.* P. Ecology and health: mythical and real dangers // Ecology and life. 2012. No. 7. P. 82-85; No. 11. P. 84–87; No. 12. P. 86-88.
8. Are the regions of Russia with a high prevalence of cancer named // https://russian.rt.com/russia/news/641689-regiony-rossii-rak? (accessed date 08/10/2019).
9. On the ecology of the city of Kiselevsk, Kemerovo region and the demolition of dilapidated housing // https://napisat-pismo-putinu.ru/raznoe/o-ekologii-g-kiselevska-kemerovskoj-oblasti-i-snose-vetxogo-zhilya (date appeals on 08/15/2019).
10. The fruits of optimization: mortality in Russia rose to the level of national disaster // https://newizv.ru/news/society/03-07-2019/plody-optimizatsii-smertnost-v-rossii-podnyalas-do-urovnya-natsionalnogo -bedstviya (accessed 08.15.2019).
11. Has come under voltage. The effect of "burnout at work" was recognized as a disease // Rossiyskaya Gazeta: https://rg.ru/2019/06/03/effekt-vygoraniia-na-rabote-priznali-bolezniu.html (accessed June 30, 2019).
12. Russians gasp as Asians // https://www.gazeta.ru/science/2016/06/28_a_8338619.shtml (accessed 08.15.2019).
13. Russian Railways showed a new compartment car with a shower and a refrigerator // https://ria.ru/20190423/1552961092.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed 08.15.2019).
14. *Tyurikova Yu.B., Tyurikova G. N.* Socio-legal aspect of the problem of health conservation // Actual problems of natural science education, environmental protection and human health. 2017. No. 6. P. 79–82.
15. Factors of the formation of chronic diseases in railway workers // Actual problems of transport medicine. 2010. No. 2 (20). S. 10-14 // http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/23131/2-Ponomarenko.pdf ?. (date of treatment 08.15.2019).

УДК 341.456

Жданов С.П.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (город Москва);
доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия (город Люберцы),
zhdanov120009@yandex.ru

О ПОНЯТИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются различные точки зрения ученых (В.П. Божьев, К.Ф. Гуценко, С.Л. Лонь и др.) относительно термина «правоохранительная деятельность» и его содержания. С учетом статьи 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза автор делает вывод, что правоохранительная деятельность – это деятельность государственных органов, направленная на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства и осуществляемая в соответствии с законом органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях, оперативно-разыскными органами и органами осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях. Следовательно, основные направления правоохранительной деятельности включают в себя: 1) производство по делам об административных правонарушениях; 2) производство по уголовным делам; 3) оперативно-розыскная деятельность.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, оперативно-розыскная деятельность, производство по делам об административных правонарушениях, производство по уголовным делам

Zhdanov S.
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Russian University of Economics G.V. Plekhanov (Moscow city); Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy (Lyubertsy city)

ON THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT AND ITS MAIN DIRECTIONS IN THE CONDITIONS EURASIAN ECONOMIC UNION

The article deals with different points of view of scientists (V.P. Bozhev, K.F. Gutsenko, S.L. LON, etc.) regarding the term "law enforcement" and its content. Subject to article 354 of the Customs code of the Eurasian economic Union, the author concludes that law enforcement is the activity of state bodies aimed at protecting the rights and legitimate interests of individuals, society and the state, and carried out in accordance with the law by bodies of inquiry and (or) investigation in cases of crimes, investigative agencies and bodies conducting the proceedings on cases of administrative offences. Therefore, the main directions of law enforcement activities include: 1) proceedings in cases of administrative offenses; 2) proceedings in criminal cases; 3) operational investigative activities.

Keywords: Eurasian economic Union, law enforcement, law enforcement agencies, operational and investigative activities, proceedings in cases of administrative offenses, criminal proceedings

До настоящего времени в юридической литературе не достигнута общепризнанность используемой в правотворчестве терминологии относительно понятия «правоохранительная деятельность» [1; 2; 3].

При характеристике понятия правоохранительной деятельности важно иметь ввиду, что в наши дни существует довольно распространенная тенденция вкладывать в него разное и нередко крайне ограниченное содержание. Например, для одних такая деятельность – это лишь то, что делается компетентными государственными органами в сфере борьбы с преступлениями (другими словами, ставится знак равенства между понятием «правоохранительная деятельности» и понятием «борьба с преступностью»);

для других – это борьба с преступлениями и с иными правонарушениями (в основном теми, ко-

торые принято называть административными проступками);

для третьих – это то, что принято называть поддержанием общественного порядка (патрулирование в общественных местах, контроль за правильным поведением массовых мероприятий – демонстраций, митингов, пикетирования, применение специальных средств для усмирения «разбушевавшейся» толпы и т.д.) [4, с. 5-6].

Итак, К.Ф. Гуценко под правоохранительной деятельностью понимает, государственную деятельность, которая осуществляется с целью охраны права специально уполномоченными органами путем применения юридических мер воздействия в строгом соответствии с законом и при неуклонном соблюдении установленного им порядка [4, с. 5]. По мнению ученого, в соответствии с существующими доктринальными разработками рассматриваемый вид государственной деятельности, самым непосредственным образом связанной с охраной права (отсюда и ее название – правоохранительная деятельность), обладает рядом существенных признаков.

Один из них проявляется в том, что имеется в виду охрана права, которая может осуществляться не любым способом, а лишь с помощью применения юридических мер воздействия. К последним принято относить регламентируемые законом меры государственного принуждения и взыскания, предупреждения противоправных действий, их профилактики.

Вторым существенным признаком правоохранительной деятельности является то, что применяемые при ее осуществлении юридические меры воздействия должны строго соответствовать предписаниям закона.

В-третьих, характерным для правоохранительной деятельности является и то, что она реализуется в установленном законом порядке, то есть с соблюдением определенных процедур.

Наконец, существенным признаком правоохранительной деятельности считается то, что ее реализация возлагается, прежде всего, на специально уполномоченные государственные органы. Они комплектуются соответствующим образом подготовленными служащими, по большей части юристами, а также специалистами, обладающими познаниями в других областях [4, с. 3-5].

В свою очередь, С.Л. Лонь обращает внимание на то, что большинство авторов учебников и учебных пособий определяют понятие «правоохранительные органы» через категорию «правоохранительная деятельность» и такой подход представляется вполне обоснованным, так как органы, осуществляющие правоохранительную деятельность, являются правоохранительными [2, с. 22]. Однако в таком случае понятие «правоохранительная деятельность», по его мнению, требует дополнительного раскрытия, опираясь на положения теории государства и права ученый выделяет шесть основных черт правоохранительной деятельности:

1) назначение правоохранительной деятельности – охрана и защита прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей;

2) начало правоохранительной деятельности, как правило, связано с наличием повода, в качестве которого чаще всего выступает сообщение о правонарушении либо необходимости его предупреждения;

3) правоохранительная деятельность осуществляется только на основании закона и в соответствии с законом (то есть определенный вид правоохранительной деятельности должен быть предусмотрен действующим законодательством), а в некоторых случаях – исключительно в установленной процессуальной форме. Под процессуальной формой понимается установленный процессуальным законом порядок производства по делу в целом, а также условия, последовательность, порядок совершения отдельных действий;

4) правоохранительная деятельность осуществляется специально уполномоченными законом субъектами, наделенными для этого определенными правами и обязанностями. Лица, осуществляющие правоохранительную деятельность, как правило, должны иметь юридическое образование;

5) в ряде случаев правоохранительная деятельность связана с применением законных мер государственного принуждения к лицам, допустившим правонарушение. Эти меры различаются в зависимости от компетенции органа и тяжести совершенного правонарушения;

6) законные и обоснованные решения, принятые субъектами правоохранительной деятельности, подлежат обязательному исполнению должностными лицами и гражданами. Неисполнение этих решений образует самостоятельное правонарушение, влекущее дополнительную ответственность [2, с. 23].

По мнению С.Л. Лонь, правоохранительную деятельность могут выполнять различные органы государства. Однако не все они являются правоохранительными. Для того чтобы орган можно было отнести к числу правоохранительных, необходимо, чтобы правоохранительная деятельности занимала значительное место в объеме его работы и не была побочной, эпизодической. В связи с этим ученый формулирует следующее определение: «правоохранительные органы – это специальные государственные органы, профессиональные объединения и особые физические лица, которые в силу закона обладают специфическими полномочиями по осуществлению правоохранительной деятельности» [2, с. 24-25]. В свою

очередь, правоохранительная деятельность ученым определяется как «предусмотренная действующим законодательством государственная или санкционированная государством деятельность, направленная на охрану и защиту прав граждан, юридических лиц и государства и обеспечение выполнения ими своих обязанностей, осуществляемая, как правило, в определенном процессуальном порядке специально уполномоченными на то лицами и связанная с применением законных мер государственного принуждения» [2, с. 24].

Необходимо отметить, что термины «правоохранительная деятельность», «деятельность» и обоснование необходимости их включения в научную специальность 12.00.11, были предметом научной дискуссии в рамках модернизации этой научной специальности.

Так, научная специальность 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности, адвокатура (2007 г.); научная специальность 12.00.11 – Судебная власть, прокурорский надзор, организация правоохранительной деятельности (2010 г.); научная специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (2018 г.). При этом термин «правоохранительная деятельность» используется в различных наименованиях тем диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата юридических наук [5;6; 7; 8].

Уместно напомнить, что на первом координационном совещании руководителей диссертационных советов по юридическим наукам в Саратовской государственной академии права 23 апреля 2010 г. предлагалась новая редакции научной специальности 12.00.11. Причина предлагаемой редакции, по мнению руководителей диссертационных советов, в следующем: предыдущая формула в определенной мере дублировала другие научные специальности. В обосновании данной специальности более точным им представлялось использование категории «деятельность», ибо это как раз тот случай, когда невозможно полностью уйти от отраслевой систематизации знаний. Категория «юридическая деятельность» и ее виды достаточно проработаны в юридической науке. Под понятием «деятельность» охватывается комплекс проблем, связанных с ее правым, социальными, этическими и организационными условиями. Именно такой системный подход обеспечит благоприятные перспективы развития соответствующих научных направлений, будет способствовать расширению поля познания и поиску нетривиальных решений. В итоговом варианте научная специальность 12.00.11 предложенная рабочей группой, звучит следующим образом: «Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность» [9].

Термин «правоохранительная деятельность» и обозначаемое им понятие являются сравнительно молодыми. Они введены в юридический обиход все лишь в конце 50-х – начале 60-х годов XX столетия и понятие «правоохранительная деятельность» до сих пор еще не «устоялось». Вокруг него идут активные споры, высказываются разные суждения, а вместе с этим – и разные мнения о том, какие органы надо считать правоохранительными [4, с. 3]. В действующем законодательстве по данному поводу четких указаний нет. Однако в международном договоре о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, государствами-членами которого являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация, ст. 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза посвящена правоохранительной деятельности таможенных органов. В ней определены три основных ее направления применительно к таможенным органам: а) являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях; б) осуществляют оперативно-разыскную деятельность; в) ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях [10, с. 378-379].

При этом возникает вопрос, помимо таможенных органов какие еще органы осуществляют правоохранительную деятельность? Полагаем, те, которые: а) являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях; б) осуществляют оперативно-разыскную деятельность; в) осуществляют производство по делам об административных правонарушениях.

Более того, в юридической литературе основным объединением всех правоохранительных органов являлось то, что деятельность каждого из них направлена на защиту прав и законных интересов граждан, юридических лиц и государства в целом [11, с. 22]; основными объектами, которые должны защищаться системой государственных органов, в том числе правоохранительных, являются личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности) и государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность) [4, с. 8].

Таким образом, правоохранительная деятельность – это деятельность государственных органов, направленная на защиту прав и законных интересов личности, общества и государства и осуществляемая в соответствии с законом органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях, оперативно-розыскными органами и органами осуществляющие производство по делам об административных правонарушениях. Следовательно, основные направления правоохранительной деятельности включают в себя: 1) производство по делам об административных правонарушениях; 2) производство по уголовным делам; 3) ОРД.

Список литературы

1. Правоохранительные органы: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой, Р.С. Тамаева. 8-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. 471 с.
2. Правоохранительные органы России: учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. В.П. Божьева, Б.Я. Гаврилова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 381 с.
3. Судоустройство и правоохранительные органы: учебник для бакалавров / отв. ред. Ю.К. Орлов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 336 с.
4. *Гуценко, К.Ф., Ковалев, М.А.* Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов и факультетов. 9-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.Ф. Гуценко. М.: ИКД «Зерцало-М», 2010. 496 с.
5. *Гулягин, А.Ю.* Особенности правоохранительной деятельности в сфере административной юрисдикции: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.11 / А.Ю. Гулягин. М., 2015. 441 с.
6. *Иващук, А.В.* Межрегиональная координация правоохранительной деятельности территориальных органов МВД России (правовой и организационный аспекты): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11 / А.В. Иващук, М., 2018.
7. *Сергеев, К.А.* Теоретические основы и организационно-правовые механизмы правоохранительной деятельности по защите корпоративной собственности от криминального рейдерства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.11, 12.00.12 / К.А. Сергеев. М., 2013. 42 с.
8. *Черемных, И.Г.* Становление независимого нотариата России как института по осуществлению правоохранительной деятельности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.11 / И.Г. Черемных. М., 2007. 53 с.
9. Модернизация специальностей в юриспруденции: сб. материалов по итогам подготовки паспорта специальностей научных работников / Н.А. Власенко, И.М. Мацкевич; отв. ред. Н.И. Аристер. М.: Проспект, 2012. 240 с.
10. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: текст на 2018 год. М.: Эксмо, 2018. 480 с.
11. Правоохранительные органы России: учебник / В.П. Божьев [и др.]; под ред. В.П. Божьева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2009. 336 с.

References

1. Law enforcement agencies: textbook for University students studying in the specialty "Jurisprudence" / ed.I. I. Sydoruk, A.V. Endoltseva, R. S. tamaev. 8th ed., pererab. and additional M.: UNITY-DANA: Law and law, 2012. 471 PP.
2. Law enforcement agencies of Russia: textbook for academic baccalaureate / ed. V. p. Bozheva, B. ya. Gavrilova. 5th ed., pererab. and additional M.: yurayt Publishing house, 2017. 381 PP.
3. The judicial system and law enforcement agencies: textbook for students / ed. ed. 2nd ed., pererab. and additional M.: Prospect, 2018. 336 PP.
4. *Gutsenko, K.* F., *Kovalev, M. A.* law Enforcement agencies: textbook for law schools and faculties. 9th ed., Rev. and DOP. / Under the editorship of K. F., Guzenko. Moscow: ICD "Zertsalo-M", 2010. 496 PP.
5. *Gulyagin, A.Yu.* Features of law enforcement activity in the sphere of administrative jurisdiction: dis. ... d-RA yurid. Sciences: 12.00.11 / A. Y. Gulyagin. M., 2015. 441 PP.
6. *Ivashchuk, A.V.* interregional coordination of law enforcement activities of territorial bodies of the Ministry of internal Affairs of Russia (legal and organizational aspects): dis. ... Cand. the faculty of law. Sciences: 12.00.11 / A.V. Ivashchuk, M., 2018.
7. *Sergeyev, K.A.* Theoretical foundations and organizational and legal mechanisms of law enforcement activities for the protection of corporate property from criminal raiding: abstract. dis. ... d-RA yurid. Sciences: 12.00.11, 12.00.12 / K. A. Sergeev. Moscow, 2013. 42 PP.
8. *Cheremnykh, I.G.* the Formation of an independent notary of Russia as an institution for the implementation of law enforcement: abstract. dis. ... d-RA yurid. Sciences: 12.00.11 / I. G. Cheremnykh. M., 2007. 53 PP.
9. Modernization of specialties in law: collection of materials on the results of preparation of the passport of specialties of researchers / N. A. Vlasenko, I. M. Matskevich; Rev. ed. Moscow: Prospect, 2012. 240 PP.
10. Customs code of the Eurasian economic Union: text for 2018. Moscow: Eksmo, 2018. 480 PP.
11. Law enforcement agencies of Russia: textbook / V. p. Bozhev [et al.]; ed. 2nd ed., pererab. and additional M.: Higher education, 2009. 336 PP.

УДК 339.543.3; 343.37

Кравцов Д.В.,
транспортный прокурор Дальневосточной транспортной прокуратуры (город Магадан),
kravtsovdenis@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

В данной статье в качестве предмета исследования рассмотрены существующие проблемы, возникающие при выявлении преступных деяний, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей.
В качестве методов исследования использованы: структурный, сравнительный и системный анализ. Методология исследования включала теоретический анализ законодательных, нормативных, литературных источников и статистических данных.
Установлено, что опасность преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, связана с высокой степенью латентности, что не позволяет своевременно выявлять признаки преступлений и оказывать эффективное противодействие.
В качестве основных проблем, возникающих при выявлении преступных деяний по уклонению от уплаты таможенных платежей, отнесены следующие: неправильное определение субъекта преступных действий, дознавателями следственных органов не всегда компетентно решаются вопросы о размере ущерба при уклонении от уплаты таможенных платежей, отсутствие кластера информационного контента и оперативной сводки о наиболее распространенных способах уклонения от уплаты таможенных платежей, ограниченное использование (или неиспользование) дознавателями материалов по фактам таможенного контроля и административных расследований, ряд действующих законодательных норм и отсутствие единой позиции по оценке признаков преступления со стороны различных правоохранительных органов.
Проведенный анализ позволяет говорить о необходимости научной разработки комплекса рекомендаций, направленных на повышение эффективности борьбы с преступлениями, связанными с уклонением от уплаты таможенных платежей, тем более с учетом декриминализации контрабанды как состава уголовного преступления.
С учетом кардинальных изменений таможенного, а также уголовного законодательства, сегодня необходимо творчески переосмыслить теоретические положения, на которых ранее базировалась деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию уклонения от уплаты таможенных платежей, а также разработать практические рекомендации по совершенствованию выявления и расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей.
Ключевые слова: преступное деяние, уплата таможенных платежей, латентность, проблема

Kravtsov D.,
Transport Prosecutor of the Far Eastern Transport Prosecutor's Office (city of Magadan)

PROBLEMS OF IDENTIFYING CUSTOMS EVASION

This article examines the existing problems arising from the identification of criminal acts related to tax evasion as a subject of research.
As research methods used: structural, comparative and system analysis. The research methodology included a theoretical analysis of legislative, regulatory, literary sources and statistical data.
It has been established that the danger of crimes related to evasion of customs payments is associated with a high degree of latency, which does not allow timely detection of signs of crime and effective countermeasures.
The following problems were identified as the main problems arising in the identification of criminal acts related to tax evasion: incorrect determination of the subject of criminal actions, investigating authorities' investigators do not always competently resolve issues regarding the amount of damage when evading customs payments , the lack of a cluster of information content and an operational report on the most common ways of evading customs payments, the limited use (or non-use) of an inter-

rogator materials on the facts of customs control and administrative investigations, a number of existing legislative norms and the lack of a unified position on the assessment of the signs of a crime by various law enforcement agencies.
The analysis allows us to talk about the need for the scientific development of a set of recommendations aimed at improving the effectiveness of the fight against crimes related to tax evasion, especially taking into account the decriminalization of smuggling as part of a criminal offense.
Given the dramatic changes in customs and criminal legislation, today it is necessary to rethink the theoretical provisions on which the activity on the identification, disclosure and investigation of tax evasion was previously based, as well as develop practical recommendations for improving the detection and investigation of crimes related to tax evasion.
Keywords: criminal act, customs payments, latency, problem

Глубокие преобразования в Российской Федерации, произошедшие при переходе к рыночной экономике, вхождение в ВТО, расширение международных связей привели к значительному росту преступности в сфере внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД). Сегодня в условиях развития информационного общества экономическая преступность стала более интеллектуальной, технически изощренной и высокодоходной противоправной деятельностью. Разновидностью экономических преступлений в сфере ВЭД является уклонение от уплаты таможенных платежей. Опасная правовая природа данного вида преступлений заключается в том, что оно посягает не только на национальные интересы Российской Федерации и на ее экономическую безопасность, но также влечет за собой рост теневой экономики. Результативность же борьбы с данным видом преступлений зависит от множества факторов:

1) разработанных законодательных и ведомственных норм в области противодействия преступлениям в таможенной сфере и ВЭД;

2) правильного, точного и своевременного применения закона;

3) эффективной организации правоохранительной деятельности и др.

Актуальность проблемы выявления уклонения от уплаты таможенных платежей обусловлена ростом ВЭД, а также долей поступления таможенных платежей при формировании доходной части федерального бюджета.

Так, по данным таможенной статистики в 2018 году внешнеторговый оборот Российской Федерации составил 688 млрд. долл. США и увеличился по сравнению с 2017 годом на 18%, в том числе экспорт – 450 млрд. долл. США (рост на 26%), импорт – 238 млрд. долл. США (рост на 5%) [11].

В этой ситуации таможенные органы обеспечили поступление в бюджет Российской Федерации более 6 трлн. руб., при этом прогноз по формированию доходов бюджета Российской Федерации выполнен таможенными органами на 101,5%. Для сравнения, в 2017 году Федеральная таможенная служба России (далее – ФТС России) отправила в бюджет около 4,5 трлн. руб. Почти половину (48,7%) от общего объема перечислений ФТС России составили платежи от импорта товаров, а вывозная таможенная пошлина составила почти 60% от общего объема перечислений ФТС России [12].

Сегодня за счет налогов и таможенных платежей формируется до 85% федерального бюджета, при этом до 40% государственного бюджета составляют таможенные платежи. Очевидно, что без решения вопросов пополнения федерального бюджета за счет таможенных платежей не могут быть надлежащим образом обеспечено выполнение национальных проектов и социальных программ, направленных на развитие инфраструктуры, повышение уровня жизни малообеспеченных слоев населения, улучшение систем здравоохранения и образования, поддержку науки, предпринимательства, укрепление безопасности и обороноспособности государства [10, с. 349].

Преступления по уклонению от уплаты таможенных платежей посягают на установленный порядок в сфере внешней торговли, препятствует прогрессивному развитию экономических отношений между государствами и нарушают их государственный и экономический суверенитет. Их опасность определяется тем, что в результате нелегального ввоза в страну товаров, реализуемых затем по низким ценам, падает спрос на национальную продукцию, снижается конкурентоспособность отечественных товаров, что негативно сказывается на развитии экономики в целом [7, с. 17].

Кроме этого, рост криминализации в рассматриваемой сфере вытесняет из ВЭД добросовестных участников, которые не в состоянии конкурировать с лицами, уклоняющимися от уплаты таможенных платежей, поскольку их товары на российском рынке оказываются неконкурентоспособными [9, с. 14].

Опасность преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей, связана с высокой степенью латентности, что не позволяет своевременно выявлять признаки преступлений и оказывать эффективное противодействие. По оценкам специалистов на сегодняшний день в Российской Федерации выявляется только около 20% фактов совер-

шения указанных преступлений [8, с. 125]. В такой ситуации снижение поступления таможенных платежей ввиду преступных действий причиняет существенный вред федеральному бюджету.

Важно отметить, что уклонение от уплаты таможенных платежей как преступное деяние отсутствовало в уголовном законе и было введено только в 1996 году в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Но до настоящего времени нет разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) о применении судами уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей. Среди дознавателей таможенных органов, следователей органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, следственного комитета, сталкивающихся с данной проблемой, явно ощущается дефицит теоретических знаний и практических навыков в расследовании преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ (Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица).

Со вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) [3] и формированием единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в Российской Федерации появились новые возможностей для уклонения от уплаты таможенных платежей при одновременном сокращении таможенного контроля. Изменения в таможенном законодательстве рассчитаны на правопослушных участников ВЭД и реализации на практике либеральных идей, заложенных в новеллах кодекса. Поэтому данными свободами не могут не воспользоваться многочисленные криминальные структуры, действующие в таможенной и околотаможенной сферах.

Сотрудники подразделений дознания таможенных органов и других правоохранительных органов, выполняя поставленные перед ними задачи, ежедневно в своей практике сталкиваются с новыми и все более изощренными «схемами» недобросовестных участников ВЭД по минимизации своих издержек путем обманных деяний, которые связаны с недекларированием или недостоверным декларированием перемещаемых через таможенную границу товаров, т.е. с преступлениями, предусмотренными ст. 194 УК РФ. Однако, противостоять преступлениям данного вида, действуя традиционными методами, которые характеризуются разобщенностью действий правоохранительных и контролирующих органов, в настоящее время довольно затруднительно.

К наиболее типичным проблемным вопросам, возникающим при выявлении преступных деяний по уклонению от уплаты таможенных платежей, можно отнести следующие:

1. Неправильное определение субъекта преступных действий.

К примеру, в качестве субъекта преступления по ст. 194 УК РФ привлекаются непосредственно таможенные перевозчики, специалисты по таможенному оформлению из числа сотрудников таможенных представителей и другие физические лица, оказывающие услуги по сопровождению груза. Однако, указанные лица зачастую совершают противоправные действия, будучи введенными в заблуждение злоумышленниками, спланировавшими и организовавшими незаконное перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС. Вследствие этого, лица, которые должны признаваться в качестве субъектов преступления, таковыми не признаются, принимают участие в следственных действиях в качестве свидетелей, «изобличая» непричастных к преступлению лиц в действиях, которые они не совершали, тем самым перекладывая на них вину в уклонении от уплаты таможенных платежей. Вариация решения указанного вопроса видится в надлежащем прокурорском надзоре и ведомственном контроле за материалами уголовных дел и результатами оперативно-розыскной деятельности.

2. Дознавателями следственных органов не всегда компетентно решаются вопросы о размере ущерба при уклонении от уплаты таможенных платежей.

Дознавателями уголовные дела возбуждаются во многих случаях преждевременно, в «пограничных ситуациях», когда предполагаемая сумма недоплаченных таможенных платежей колеблется в пределах 2 млн. руб. (крупный размер согласно примечания к ст. 194 УК РФ). Если такие предположения возникли в ходе таможенного контроля, административного расследования или в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, их надо проверять в режиме исполнения требований не Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], а в порядке, предусмотренном ТК ЕАЭС [3], Федеральным законом от 3 августа 2018 года № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], Федеральным законом от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5].

Вместе с тем, дознаватели зачастую возбуждают уголовные дела, имея лишь предположительные сведения о размере неуплаченных таможенных платежей. Решением указанного вопроса является факт наличия на момент возбуждения уголовного дела уточненного расчета сумм подлежащих уплате таможенных платежей (уведомление о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей), проведение экспертизы (с выдачей экспертного заключения), заключение специалистов о сумме не-

уплаченных таможенных платежей, проведение корректировки таможенной стоимости, акт таможенного органа об обнаружении факта неуплаты или неполной уплаты таможенных платежей и т.д.).

Указанный расчет может быть получен в тесном взаимодействии правоохранительных органов со структурными подразделениями таможенных органов при обнаружении фактов уклонения от уплаты таможенных платежей.

3. Отсутствие кластера информационного контента и оперативной сводки о наиболее распространенных способах уклонения от уплаты таможенных платежей на всей таможенной территории ЕАЭС, позволяющих эффективно изобличить лиц, совершивших преступление.

Данное упущение негативно влияет на результаты расследования уголовных дел. Правонарушители постоянно «внедряют» все новые способы уклонения от уплаты таможенных платежей, используя при этом либеральные принципы проведения таможенного контроля, заложенные в ТК ЕАЭС. Незнание дознавателями основных способов уклонения от уплаты таможенных платежей не позволяет им уяснить предмет доказывания по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 194 УК РФ, и, соответственно, правильно выбирать направление расследования.

4. Ограниченное использование (или неиспользование вообще) дознавателями материалов по фактам таможенного контроля и административных расследований.

При решении вопросов о возбуждении уголовного дела об уклонении от уплаты таможенных платежей, а также привлечении лиц к ответственности за эти преступления, дознавателями не в полной мере используются результаты таможенного контроля, материалы административных дел. Это препятствует уяснению фактических обстоятельств преступления и, соответственно, правильному определению предмета доказывания.

Органы предварительного расследования не всегда учитывают то обстоятельство, что параллельно с производством по уголовному делу в отношении физических лиц об уклонении от уплаты таможенных платежей, может осуществляться административное расследование, проводиться таможенная проверка в отношении юридического лица.

В ряде случаев административное расследование может «продвинуться» значительно дальше, чем предварительное расследование в получении данных, которые можно использовать в качестве доказательств по уголовному делу. Также материалы таможенных проверок могут содержать результаты таможенного контроля, имеющие первостепенное значение при расследовании преступления (объяснения таможенных перевозчиков, таможенных представителей, получателей товаров; выписки по банковским счетам; ответы от производителей иностранных товаров).

В этой связи дознаватели правоохранительных органов должны оперативно обмениваться соответствующей информацией с подразделениями таможенных органов, осуществляющих административное расследование и таможенный контроль после выпуска товаров, и в случае необходимости затребовать нужные материалы (сведения и документы) для осуществления расследования.

5. Отсутствие единой позиции у таможенных органов и подразделений Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) и у Генеральной прокуратуры Российской Федерации (далее – Генпрокуратура РФ) единообразного подхода в определении момента окончания преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ.

Следственные органы обязательным условием наступления уголовной ответственности по ст. 194 УК РФ считают необходимость направления таможенными органами соответствующему участнику ВЭД уведомления о не уплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей. Уголовное дело может быть возбуждено лишь в случае злостного неисполнения такого уведомления.

Автор, с учетом положений действующего законодательства в сфере таможенного регулирования и норм УПК РФ, не разделяет данную позицию, считая ее ошибочной, поскольку ее сторонники под уклонением понимают сам факт неуплаты таможенных платежей как таковой, либо факт отказа от уплаты таможенных платежей лицом, обремененным конституционными обязанностями по их уплате.

Ст. 73 Федерального закона № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] определяет уведомление о неуплаченных в установленный срок суммах таможенных платежей как извещение плательщика и лица, несущего солидарную обязанность, о суммах таможенных платежей, не уплаченных в срок, установленный международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, то есть по факту о свершившемся неисполнении соответствующей обязанности.

Вышепоименованное уведомление направляется плательщику таможенных пошлин, налогов независимо от привлечения его к уголовной или к административной ответственности. Отказ плательщика от исполнения указанного уведомления является не более чем основанием для принудительного взыскания таможенных платежей в бесспорном порядке через банк (кредитно-финансовое учреждение), или в

судебном порядке, или в исполнительном производстве, в том числе и за счет имущества должника (плательщика соответствующего сбора). Поэтому следует полагать, что позиция следственных органов и прокуратуры, считающих преступления, предусмотренные ст. 194 УК РФ, совершенными лишь после того, как лицо отказалось от уплаты таможенных платежей в соответствии с выставленным уведомлением, является неправомерной.

В сложившейся ситуации таможенные органы должны строго следовать требованиям уголовно-процессуального законодательства при разрешении вопроса о возбуждении уголовного дела, не допускать возбуждения уголовных дел по ст. 194 УК РФ при отсутствии достаточных оснований о признаках объективной стороны указанного преступления.

В случаях, если прокуратурой или следственными органами необоснованно отменяются постановления таможенных органов о возбуждении уголовного дела, или такие уголовные дела прекращаются, необходимо принимать установленные законодательством меры по обжалованию таких необоснованных решений – правовых нигилизмов.

Таким образом, действующее законодательство в сфере таможенного регулирования никоим образом не связывает момент возникновения обязанности по уплате таможенных платежей, как и неисполнения по факту выставления таможенным органом соответствующего уведомления. Положительная реакция лица, совершившего преступление, на такое уведомление (уплата таможенных платежей в полном размере) для квалификации деяния по ст. 194 УК РФ никакого значения не имеет и может быть расценена лишь как смягчающее вину обстоятельство при вынесении приговора (в данной ситуации лицо возмещает материальный ущерб, ранее причиненный государству совершенным преступлением).

6. К затягиванию сроков дознания при расследовании уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 194 УК РФ, приводит исключение законодателем дознавателей из перечня субъектов, имеющих право оперативного доступа к сведениям, содержащим охраняемую законом тайну.

Так, согласно ст. 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [4] дознаватель не включен в список лиц, уполномоченных на получение выписки по счетам юридических лиц, интересующих органы дознания. Получение дознавателем судебных постановлений и последующее производство выемок, осмотров изъятых документов занимает до 1 месяца дознания, что недопустимо при его сроке, установленном в 6 месяцев согласно уголовно-процессуальным требованиям.

Таким образом, изложенное свидетельствует о необходимости научной разработки комплекса рекомендаций, направленных на повышение эффективности борьбы с преступлениями, связанными с уклонением от уплаты таможенных платежей, тем более с учетом декриминализации контрабанды как состава уголовного преступления.

С учетом кардинальных изменений таможенного, а также уголовного законодательства, сегодня необходимо творчески переосмыслить теоретические положения, на которых ранее базировалась деятельность по выявлению, раскрытию и расследованию уклонения от уплаты таможенных платежей, а также разработать практические рекомендации по совершенствованию выявления и расследования преступлений, связанных с уклонением от уплаты таможенных платежей.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.eaeunion.org.
4. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 06.06.2019) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.
7. *Грачев О.В.* Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: уголовно-правовой анализ, проблемы квалификации: уголовно-правовой анализ, проблемы квалификации: дис... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 173 с.
8. *Диденко К.В., Волков П.А.* О разрешении вопросов, связанных с уголовной ответственностью за уклонение от уплаты таможенных платежей // Ленинградский юридический журнал. 2017. №3. С. 122-128.

9. *Козодаев В.Н.* Ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей по УК РФ: дис…канд. юрид. наук. – М., 2007. – 223 с.
10. *Ложко Ю.В., Мороз Е.С.* Некоторые вопросы уголовной ответственности за уклонение от оплаты таможенных платежей // Научные исслед. современных ученых: сб. материалов XV Междунар. науч.-практ. конф. – 2016. – С. 349-350.
11. Сведения о поступлении таможенных и иных платежей в бюджет Российской Федерации // Федеральная таможенная служба [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=185&Itemid=2099.
12. Таможенная служба Российской Федерации в 2018 году: справочные материалы к расширенному заседанию коллегии ФТС России // Минфин России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/04/main/06_Federalnaya_tamozhennaya_sluzhba_v_2018_godu.pdf.

References

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 13/06/1996 No. 63-FZ (as amended on 02/08/2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.
2. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated 18/12/2001 No. 174-FZ (as amended on 02/08/2019) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (Part I). Article 4921.
3. The Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // Official website of the Eurasian Economic Union. URL: http://www.eaeunion.org.
4. Federal law dated 02/12/1990 No. 395-1 (as amended on 06/06/2019) "On banks and banking activities" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. No. 6. Article 492.
5. Federal law dated 12/08/1995 No. 144-FZ (as amended on 02/08/2019) "On operational-search activity" // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Article 3349.
6. Federal law dated 03/08/2018 No. 289-Ф3 (as amended on 05/01/2019) "On customs regulation in the Russian Federation and on the introduction of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2018. No. 32 (Part I). Article 5082.
7. *Grachev O.V.* Criminal liability for tax evasion: criminal legal analysis, qualification problems: criminal legal analysis, qualification problems: the dissertation of the candidate of legal sciences. Moscow, 2007.173 p.
8. *Didenko K.V., Volkov P.A.* On resolving issues related to criminal liability for tax evasion. Leningrad Law Journal. 2017. No 3. P. 122-128.
9. *Kozodaev V.N.* Responsibility for tax evasion under the Criminal Code of the Russian Federation: the dissertation of the candidate of legal sciences. Moscow, 2007. 223 p.
10. *Lozhko Yu.V., Moroz E.S.* Some issues of criminal liability for tax evasion. Scientific research of modern scientists: a collection of materials of the XV International scientific-practical conference. 2016. P. 349-350.
11. Information on the receipt of customs and other payments to the budget of the Russian Federation. Federal Customs Service. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=185&Itemid=2099.
12. Customs Service of the Russian Federation in 2018: reference materials for an expanded meeting of the board of the Federal Customs Service of Russia. Ministry of Finance of Russia. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2019/04/main/06_Federalnaya_tamozhennaya_sluzhba_v_2018_godu.pdf.

УДК 336.221, 342

Куприянов А.С.,
адвокат палаты адвокатов Забайкальского края,
rio@migup.ru

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ДОХОДОВ ПРИ СДЕЛКАХ МЕЖДУ ВЗАИМОЗАВИСИМЫМИ ЛИЦАМИ: РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

В статье рассматриваются вопросы развития законодательства Российской Федерации, регламентирующего налогообложение доходов при сделках, совершаемых между взаимозависимыми лицами через призму оценки эффективности нормативных преобразований. Отмечаются положительные аспекты, связанные с конкретизацией критериев признания лиц взаимозависимыми, регламентацией методов налоговой проверки данных лиц, вопросов противодействия злоупотреблениями правом, введением института международных групп компаний, проводится анализ норм налогового законодательства и правоприменительной практики с учетом отечественного и международного опыта. В исследовании выявляются недостатки, вытекающие из законодательных конструкций при регулировании вопросов налогообложения доходов от сделок между взаимозависимыми лицами, вносятся предложения по их оптимизации. В результате анализа законодательного регулирования налогообложения взаимозависимых лиц автором в целях повышения эффективности налоговой системы формулируется вывод о необходимости расширенной детализации правила осуществления симметричных корректировок и налогообложения при внешнеторговых операциях.

Ключевые слова: налоговый контроль, взаимозависимые лица, контролируемые сделки, международные группы компаний, симметричные корректировки, налоговая система, злоупотребление правом, доходы от сделок между взаимозависимыми лицами

Kupriyaniov A.
lawyer of the Chamber of Lawyers of the Trans-Baikal Territory

TAXATION OF INCOME FROM TRANSACTIONS BETWEEN RELATED PERTIES: DEVELOPMENT OF LEGISLATION AND UNRESOLVED ISSUES

The article discusses the formation of the legislation of the Russian Federation, which regulates the taxation of income in transactions between interdependent persons through the prism of evaluating the effectiveness of regulatory transformations. Positive aspects are noted related to the specification of criteria for recognizing individuals as interdependent, the regulation of tax audit methods for these individuals, issues of combating abuse of rights, and the introduction of the institution of international groups of companies, the analysis of tax legislation and law enforcement practices is carried out taking into account domestic and international experience. In addition, within the framework of the study, shortcomings arising from legislative constructions in regulating issues of taxation of income from transactions between related parties are identified, suggestions are made for their optimization. As a result of the analysis of the legislative regulation of taxation of interdependent persons by the author, in order to increase the efficiency of the tax system, a conclusion is drawn about the need for expanded refinement of the rules for symmetrical adjustments and taxation in foreign trade operations.

Keywords: tax control, interdependent persons, controlled transactions, international groups of companies, symmetric adjustments, tax system, abuse of rights, income from transactions between related parties

В настоящее время интенсификация предпринимательской деятельности в Российской Федерации приводит к тому, что налоговым органам становится все труднее осуществлять контроль над крупными холдинговыми компаниями, манипулирующими ценами сделок с целью исказить информацию о прибыли, содержащуюся в отчетных документах. Многие недобросовестные налогоплательщики используют институт взаимозависимых лиц для получения необоснованной налоговой выгоды, что наносит ущерб государству в виде недополученных платежей и взносов. Актуальность избранной темы

подтверждается еще и тем, что сделки, совершаемые между взаимозависимыми лицами, являются объектом многочисленных налоговых проверок, а также внушительной судебной практикой обжалования их результатов.

В июле 2011 года Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) был дополнен новым разделом, в котором была конкретизирована дефиниция «взаимозависимые лица», используемая в налоговом праве, а также, регламентированы вопросы налогообложения и налогового контроля при совершении сделок между взаимозависимыми лицами, в том числе, установления трансфертных цен. С принятием Федерального закона № 227-ФЗ от 18.07.2011 [1] (далее – ФЗ № 227) были усовершенствованы принципы определения цен для повышения качества нормативной регламентации вопросов трансфертного ценообразования. Данное обстоятельство позволило налоговому законодательству РФ соответствовать международным принципам налогообложения, поскольку нововведения разрабатывались с учетом Рекомендаций Организации экономического сотрудничества и развития по трансфертному ценообразованию 1979 года.

С момента вступления в силу ФЗ № 227 в науке и практике ведутся непрекращающиеся дискуссии по вопросам применения отдельных его норм. За этот период нормы раздела V.1. НК РФ изменялись и дополнялись по меньшей мере одиннадцатью Федеральными законами. Наиболее актуальные шаги к оптимизации законодательства, а также вопросы, оставшиеся нерешенными, станут предметом настоящего исследования.

Проведенный анализ норм ФЗ № 227, позволил выявить несколько положительных моментов, одним из которых, является конкретизация критериев взаимозависимости. В ранее действовавшей редакции НК РФ, основанием для признания лиц взаимозависимыми являлась возможность «оказывать влияние...», однако объективных критериев, позволяющих оценивать наличие либо отсутствие такого влияния, установлено не было, что приводило к судебным спорам, в которых вывод о взаимозависимости лиц и правомерности проведения в их отношении налогового контроля делал именно суд. Такое положение дел формировало прецедентную практику, которой фактически закрывались пробелы законодательства, что обоснованно подвергалось критике в научном сообществе. [8, С. 37] Законодатель учел это и расширил перечень оснований для признания лиц взаимозависимыми.

Таким образом, в настоящее время взаимозависимость признается:

1. На основании норм законодательства;

2. При принятии такого решения самими налогоплательщиками;

3. В соответствии с судебным решением.

В рамках проведения налогового контроля взаимозависимых лиц применяются методы, указанные в статье 105.7 НК РФ. Допустимо использование сразу нескольких методов. Также очень важным моментом является порядок определения долей участия взаимозависимых лиц, что в свою очередь регулируется статьей 105.2 НК РФ. Определение долей является достаточно щепетильным моментом, поскольку пункты данной статьи трактуются по-разному. [9, С. 54]

В налоговом праве принято подразделять все существующие сделки на два вида: контролируемые и неконтролируемые. Налоговый контроль за сделками, заключенными между взаимозависимыми лицами осуществляется вне зависимости от того, относятся ли такие сделки к категории контролируемых или нет. Если сделки относятся к контролируемым, то контроль осуществляется ФНС РФ на основании уведомления налогоплательщика о заключении такой сделки. Процедура такого контроля довольно подробно прописана в главе 14.5. НК РФ. Камнем преткновения в процессе контроля таких сделок является выбранный метод ценообразования. Налоговый орган придерживается метода сопоставимых рыночных цен, который является приоритетным с точки зрения законодателя.

Что касается налогового контроля за ценами в неконтролируемых сделках, заключенных взаимозависимыми лицами, то он осуществляется территориальными налоговыми органами в процессе проведения камеральных, а чаще выездных налоговых проверок. При этом налоговому органу необходимо установить совокупность условий, подтверждающих, что за счет манипулирования ценами налогоплательщику удалось достичь необоснованной налоговой выгоды.

Одной из наиболее актуальных новелл налогового законодательства, является введенная 19 августа 2017 года статья 54.1 НК РФ «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», фактически завершившая становление института налогового права, связанного с противодействием злоупотреблениями правом при переходе к повсеместному применению в России принципа преимущества экономической сути лица над его юридической формой. Ранее, процесс поиска реального выгодоприобретателя, определяющего «экономическую» судьбу дохода, был весьма затруднительным.

В статье 54.1. НК РФ не разрешается уменьшение налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы налога, подлежащего уплате в результате искажения информации об экономических фактах (совокупности таких фактов), по объектам налогообложения, которые необходимо отражать в налоговой и (или) бухгалтерской отчетности налогоплательщика [2] (далее Письмо ФНС от 08.09.2019). Являясь общей нор-

мой, направленной на противодействие злоупотреблениям в налоговых правоотношениях, статья 54.1 НК РФ исключила из правомерной экономической деятельности возможность любого уменьшения объемов поступления налогов, связанную с искажением сведений об экономически значимых фактах, т. е. определила по сути внешние пределы для действий налогоплательщика. Кроме того, для налогоплательщиков установлены ограничения:

- извлечение налоговой выгоды не может быть самостоятельной целью сделки, а может быть только «попутной» целью;

– обязательства по сделкам должны быть исполнены им непосредственно, его контрагентом, либо третьим лицом на основании закона или в соответствии с заключенным договором.

Причем последнее требование связано не с принципом реальности исполнения сделки, поскольку запрет на фиктивные сделки и операции «де факто» предусмотрен пунктом 1 статьи 54.1 НК РФ, а с принципом правовой определенности, поскольку фактически сделка связана с экономической деятельностью субъекта налогового права [7].

Федеральным законом от 27 ноября 2017 г. N 340-ФЗ внесены изменения в НК РФ, способствующие международному автоматическому обмену информацией с компетентными органами иностранных государств. Изменения коснулись и Раздела V.1., в который был введен институт международной группы компаний (как формы организации взаимозависимости). Кроме того, были регламентированы положения о предоставлении документации по данным компаниям для целей налогообложения. [3]

Следующей новеллой в области налогообложения взаимозависимых лиц является ограничение, установленное Федеральным законом № 436-ФЗ от 28.12.2017 г. Оно касается запрета на пересмотр налога на прибыль ФНС при проверке цен в контролируемых сделках, исчисленного в отношении прибыли контролируемых иностранных компаний, определяемой с 2016 года. [4]

Федеральный закон № 302-ФЗ от 03.08.2018 г. внес изменения в статью 105.14 НК РФ, уточняющие порядок признания внутрироссийских сделок контролируемыми. [5]

Согласно новым правилам, внутрироссийские сделки считаются контролируемыми только тогда, когда превышен порог дохода от транзакции в 1 миллиард рублей. В противном случае сделка не контролируется, даже если она соответствует требованиям пункта 2 ст. 105.14 НК РФ.

В этих признаках есть несколько изменений, в частности:

- исключен самостоятельный критерий в виде порога по доходам в 1 млрд руб. Сделка, не отвечающая признакам, которые остались в п. 2 ст. 105.14 НК РФ, не контролируется, даже если доходы по ней превышают 1 млрд руб.;

- добавлен критерий: стороны применяют разные налоговые ставки к прибыли от деятельности, в рамках которой заключена сделка. Это не касается ряда ставок, например, для дивидендов.

- исключен критерий участия стороны в региональном инвестиционном проекте.

Сделки из п. 1 ст. 105.14 НК РФ (например, через посредников) контролируются, если доходы по ним за год превышают 60 млн руб. По прежним правилам такие сделки контролировались независимо от размера дохода.

Новые правила коснулись сделок, доходы и расходы по которым налогоплательщики признают, с начала 2019 года. Дата заключения договора не важна.

Благодаря указанным нововведениям, у налоговых органов появляется возможность сфокусировать внимание на крупных сделках, имеющих существенное значение для бюджетов. Кроме того, ряд налогоплательщиков будет освобожден от обязанности составления и направления уведомлений в налоговые органы по небольшим сделкам, что не исключает контроля за ценообразованием.

Налоговые споры по вопросу дробления бизнеса имеют свою специфику. В подобных случаях налоговые органы пытаются доказать, что при разделении экономического субъекта образовались новые субъекты, чаще всего применяющие льготные режимы налогообложения. При этом налоговые органы настаивают, что такие субъекты взаимозависимы с налогоплательщиком по смыслу НК РФ или являются подконтрольными ему иным образом.

В Письме ФНС РФ с обзором судебной арбитражной практики по спорам о дроблении бизнеса, ведомством были сформулированы и обобщены признаки применения схемы дробления бизнеса. [6]

В числе иных признаков формального разделения бизнеса называются обстоятельства, являющиеся обычаем делового оборота и элементом нормальной экономической деятельности любой группы компаний:

- получение выгоды от использования схемы дробления бизнеса налогоплательщиком, его участниками, должностными лицами или лицами, осуществляющими управление схемой;

- отсутствие основных и оборотных средств, а также, кадровых ресурсов у подконтрольных лиц;

- использование участниками схемы аналогичных вывесок, обозначений, контактов, Интернет-сайтов, адресов фактического местонахождения, помещений (офисов, складских и производственных баз и т.п.), банков, в которых открываются и обслуживаются расчетные счета, контрольно-кассовой техники, терминалов и т.п.;

- фактическое управление деятельностью участников схемы одними лицами;

- бухгалтерский учет, работа с кадрами, поставщиками и покупателями, юридическое сопровождение, логистика и т.д. осуществляется в соответствии с едиными для всех участников схемы стандартами;

- одни и те же лица представляют интересы по взаимоотношениям с государственными органами и иными контрагентами (не входящими в схему дробления бизнеса).

Несмотря на это, ФНС РФ указывает, что в целях налогового контроля взаимозависимость может иметь юридическое значение, если установлен факт ее использования участниками сделки с целью осуществления действий, не обусловленных разумными экономическими и другими причинами.

Из этого же делается обратный вывод: взаимозависимость не препятствует получению обоснованной налоговой выгоды, если налогоплательщик и взаимозависимые с ним лица осуществляют согласованные действия, обусловленные разумными экономическими и иными причинами. Иными словами, налоговая выгода может быть признана обоснованной, если в действиях взаимозависимых лиц имеется деловая цель.

Анализ раздела V.1. НК РФ приводит к выводу о том, что несмотря на постоянное совершенствование законодательства в сфере налогообложения взаимозависимых лиц, в нем все еще встречаются некоторые расплывчатые формулировки, которые могут использовать недобросовестные налогоплательщики.

1. Содержание статьи 105.18 НК РФ не позволяет сделать достаточно определенный вывод о том, каким образом следует применять симметричные корректировки при использовании метода сопоставимой рентабельности или метода распределения прибыли. В таких случаях, производится доначисление налогов без установления рыночной цены сделки. Основания для проведения симметричной корректировки отсутствуют, что может повлечь возможность двойного налогообложения для другой стороны сделки вопреки принципам налогового права и международным соглашениям.

2. Недостаточно регламентирован и сам механизм проведения симметричной корректировки. В п. 6 ст. 105.18 НК РФ закреплено право другой стороны сделки на обращение в ФНС России с заявлением о выдаче уведомления о возможности проведения симметричных корректировок при наличии у него информации об исполнении решения о доначислении сумм налога. Свое требование она должна обосновать предоставлением копий подтверждающих документов, что зависит от стороны, в отношении которой ранее была проведена проверка. При их отсутствии, контролирующий орган вправе отказать в выдаче уведомления о возможности проведения симметричных корректировок. Данный пробел возможно восполнить установлением ответственности проверяющего органа, в случае несвоевременного направления контрагенту уведомления о доначислении сумм налога по акту налоговой проверки. Второй вариант – установление обязанности налогоплательщика, в отношении которого было вынесено о доначислении сумм налога, предоставить копии документов контрагенту по запросу.

3. В статье 20 НК РФ указана взаимозависимость двух лиц, но не предусмотрено участие третьего лица. Это, в свою очередь, может образовать так называемые «замкнутые циклы». В налоговом законодательстве предполагается только процентное участие, но не принят во внимание тот факт, что существуют иные возможности влияния на деятельность одного лица другим. Так, например, существуют дочерние компании или же фирмы, имеющие одного и того же акционера. В подобных ситуациях они не являются взаимозависимыми.

4. Сопоставление абз. 3 и 4 п. 4 ст. 105.18 НК РФ свидетельствует о неоднозначном толковании содержащихся в них норм. С одной стороны, законодатель предусмотрел возможность продления до шести месяцев срока направления уведомления о возможности симметричных корректировок. С другой – срок направления уведомления приостанавливается до вступления в силу судебного акта.

5. По мнению автора, проблема контроля внешнеторговых операций решена не в полном объеме. Весьма сложно установить взаимозависимость и факт получения необоснованной налоговой выгоды при проверке организаций, деятельность которых связана с экспортом товаров. В пункте 7 статьи 105.14 НК РФ установлено, что все внешнеторговые сделки с доходом свыше 60 миллионов рублей, заключенные в течение года между взаимозависимыми лицами, являются контролируемыми. И, несмотря на частичное решение вопроса для международных групп компаний, механизм доказывания взаимозависимости лиц в обозначенных сделках регламентирован недостаточно. Тем самым, формируются условия для уклонения от исполнения налоговых обязательств за счет дробления сумм сделок и привлечения либо создания посреднических организаций.

Подводя итог, необходимо отметить, что даже краткий экскурс в вопросы законодательного регулирования налогообложения взаимозависимых лиц свидетельствует о сложности задачи построения более совершенной системы специальных налоговых режимов с учетом интересов налогоплательщиков и государства. Предпринимаемые законодательные меры систематизируют и детализируют механизм налогообложения взаимозависимых лиц, минимизируя при этом возможность злоупотребления налоговым

правом. Тем не менее, нуждаются в расширенной детализации правила осуществления симметричных корректировок и налогообложения при внешнеторговых операциях. Решение данных задач может повысить эффективность налоговой системы, способствовать формированию у налогоплательщиков представлений о ее справедливости и соответствии интересам общества.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ (ред. от 05.04.2013) О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения // «Российская газета», № 159, 22.07.2011.
2. Письмо ФНС от 31 октября 2017 г. № ЕД-4-9/22123@ «О рекомендациях по применению положений статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 27.11.2017 № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» // Собрание законодательства РФ. 04.12.2017. №49. Ст. 7312.
4. Федеральный закон от 28.12.2017 № 436-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (часть 1). Ст. 20.
5. Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. №170. 06.08.2018.
6. Письмо ФНС России от 11 августа 2017 г. № СА-4-7/15895@ «О направлении обзора судебной практики, связанной с обжалованием налогоплательщиками ненормативных актов налоговых органов, вынесенных по результатам мероприятий налогового контроля, в ходе которых установлены факты получения необоснованной налоговой выгоды путем формального разделения (дробления) бизнеса и искусственного распределения выручки от осуществляемой деятельности на подконтрольных взаимозависимых лиц» // Нормативные акты для бухгалтера. 2017. № 19.
7. *Волков А.* В. Конец эпохи «оптимизации налогов» в предпринимательской деятельности // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 23-27.
8. *Чайковская Л.А., Мамрукова О.И.* Налоговый контроль за трансфертным ценообразованием: проблемы, новации законодательства и тенденции повышения эффективности // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 40 (238). С. 35-49.
9. *Кизимов А.С., Чеботарева Т.В.* Определяем долю участия в организации // Налоговая политика и практика. 2012. № 6 (114). С. 52-56.

References

1. Federal Law of July 18, 2011 No. 227-FZ (as amended on April 5, 2013) On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with Improving the Principles of Pricing for Taxation // Rossiyskaya Gazeta, No. 159, 22.07 .2011.
2. Letter of the Federal Tax Service of October 31, 2017 No. ED-4-9 / 22123 @ "On Recommendations on the Application of the Provisions of Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation // Reference and Legal System" Consultant Plus ".
3. Federal Law of November 27, 2017 No. 340-Ф3 «On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation in Connection with the Implementation of International Automatic Exchange of Information and Documentation for International Groups of Companies» // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/04/2017. No. 49. Art. 7312.
4. Federal Law of December 28, 2017 No. 436-Ф3 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 01/01/2018. No. 1 (part 1). Art. twenty.
5. Federal Law dated 03.08.2018 No. 302-Ф3 "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 170. 08/06/2018.
6. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated August 11, 2017 No. SA-4-7 / 15895 @ «On the direction of the review of judicial practice related to the appeal by taxpayers of non-normative acts of tax authorities issued as a result of tax control measures, during which the facts of obtaining unreasonable tax benefits through the formal separation (splitting) of the business and the artificial distribution of revenue from activities to controlled interdependent persons «// Normative acts for the accountant. 2017. No. 19.
7. *Volkov A.* V. The end of the era of "tax optimization" in entrepreneurial activity // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2018. No. 3. P. 23-27.
8. *Tchaikovsky L.A., Mamrukova O.I.* Tax control of transfer pricing: problems, legislative innovations and trends in increasing efficiency // International Accounting. 2012. No. 40 (238). S. 35-49.
9. *Kizimov A.S., Chebotareva T.V.* Determine the share of participation in the organization // Tax policy and practice. 2012. No. 6 (114). S. 52-56.

УДК 342.951:351.82

Лычев Д.И.,
преподаватель кафедры Административного права, экологического права, информационного права,
Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
mr.d.lychev@yandex.ru

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ПЕРЕРАБОТКИ ОТХОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрена история правового регулирования общественных отношений в сфере переработки отходов, как бытового назначения, так и промышленного, за исключением радиоактивных и опасных отходов. Показаны разные подходы к формированию норм и общественно-политическому подходу к проблемам экологии и переработки отходов. Отсутствие в СССР качественного правового регулирования общественных отношений по переработке отходов привело к принятию «Временных правил охраны окружающей среды от отходов производства и потребления» 1994 года. В конце научной статьи приведены некоторые показатели эффективности реформ в Республике Беларусь и Российской Федерации. Также автором даны наиболее успешные подходы из практики Европейского союза, возможные для применения в некоторых субъектах РФ.

Ключевые слова: правовое регулирование общественных отношений в сфере переработки отходов, твёрдые бытовые отходы, вторсырьё, правовая охрана окружающей среды, правовое регулирование накопления, переработки и захоронения отходов

Lychev D.
Lecturer of the Department Administrative Law, environmental law, information law
Law Institute Russian University of Transport (MIIT)

THE HISTORY OF THE LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS IN THE FIELD OF WASTE PROCESSING IN BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article considers the history of the legal regulation of public relations in the field of waste processing, both domestic and industrial, with the exception of radioactive and hazardous waste. Different approaches to the formation of norms and a socio-political approach to the problems of ecology and waste processing are shown.
The lack of high-quality legal regulation of public relations on waste processing in the USSR led to the adoption of the Interim Rules for the Protection of the Environment from Production and Consumption Wastes of 1994. At the end of the scientific article there are some indicators of the effectiveness of reforms in Belarus and the Russian Federation. The author also provides an overview of the most successful approaches used in the European Union that mat be applied for use in some constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: legal regulation of public relations in the field of waste processing, municipal solid waste, recyclables, legal environmental protection, legal regulation of the accumulation, processing and disposal of waste

Проблема переработки отходов остро стоит в нашей стране на протяжении последних десятилетий. Малая вовлеченность вторсырья привела к проблемам в Московской, Архангельской и других областях, но особенно данная проблема прослеживается на Урале. Экологическая проблема усугубилась и от аварии на Чернобыльской атомной электростанции им. В.И. Ленина (Далее – ЧАЭС).

В развитых странах ЕС уже действовала концепция массового вовлечения отходов во вторичный оборот и другие инновационные технологии для уменьшения захоронения. В Нидерландах практически 80% отходов подлежит переработке, остальное сжигают[1]. Муниципальные органы в данной стране ещё с 1980-х годов производят раздельный сбор от-

[1] *Ратникова Л.* Как устроен раздельный сбор мусора в Нидерландах // Recycle – интернет издание об экологичном образе жизни [сайт]. URL: https://recyclemag.ru/article/kak-ustroen-razdelnyj-sbor-musora-v-niderlandah (дата обращения: 31.08.2019).

ходов в различных пунктах. Существует и иной подход в этой стране, а именно: покупка за 130 евро личного контейнера. Лидерами по этому показателю в Европе являются Швейцария, ФРГ, Финляндия, страны Скандинавии.

В СССР специального нормативного акта, регулирующего данные правоотношения, не было. Но безусловно в правовом поле действовали некоторые нормативные акты, которые регулировали отчасти общественные отношения в этой сфере. В основном это были санитарные правила и ГОСТы[2]. Например, Приказ Минводхоза СССР, Приказ Минсельхоза СССР, Приказ Госкомгидромета СССР, Приказ Мингео СССР, Приказ Главного государственного санитарного врача СССР 1985 г. № 4015-85 «Предельное содержание токсичных соединений в промышленных отходах в накопителях, расположенных вне территории предприятия (организации)»[3]. Стоит отметить, что устаревший нормативный акт с устаревшими подходами к нормам концентрации является действующим на данный момент[4]. Помимо специального нормативного акта существовали и общие, а именно:

1) Закон СССР от 25.06.1980 «Об охране атмосферного воздуха»[5];

2) Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР»[6].

Помимо них в РСФСР существовало собственное законодательство, дублирующее законодательство СССР, но с учётом специфики региона:

1) Закон РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1034-1 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[7];

2) Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»[8].

В истории российского законодательства после распада СССР существовал один нормативный акт (до принятия современного), регулирующий данные правоотношения, а именно: Правила Минприроды России (Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ) от 15 июля 1994 г. «Временные правила охраны окружающей среды от отходов производства и потребления в Российской Федерации»[9]. Данный нормативный акт действовал на временной основе и не охватывал весь спектр общественных отношений в рассматриваемой сфере. Поэтому через 4 года был принят новый нормативный акт – Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»[10]. Данный нормативный акт впервые в истории СССР и РФ полностью охватил правоотношения по поводу сбора, накопления, переработки и захоронения отходов. В 2018 году в данный закон были приняты последние поправки, которые вызвали массу проблем, касающихся непосредственно сбором, накоплением, переработкой и захоронением, которыми теперь занимаются региональные операторы. Здесь виден прежде всего федеральный принцип, то есть в зависимости от региона будут решаться вопросы с региональными операторами по переработке мусора. Опыт ФРГ, как федеральной страны, будет в данном аспекте возможен, но не так успешен на первом этапе из-за различных экономико-инфраструктурных проблем и неспособностью большинства населения платить высокие цены за обслуживание в РФ. В связи с этим, опыт Беларуси будет более важен на первом этапе. Данная страна схожа по инфраструктуре и доходами населения с Россией.

Отметим, что Республика Беларусь в данном вопросе является лидером в СНГ. Правовое обеспечение на данный момент находится на очень высоком уровне. Яркий пример тому Закон Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271 – З «Об обращении с отходами».

Данный нормативный акт представляет собой основу для экологического права Республики Беларусь в деле обращения с отходами, принятого в 2007 году. В нем закреплены как нормы промышленного аспекта, так и нормы регулирования отходов на уровне коммунального хозяйства. Первая глава Закона Республики Беларусь «Об обращении с отходами» посвящена терминам и понятиям, которые подвергаются в дальнейших главах регулированию, например, отходы потребления, согласно Закону Республики Беларусь, это «…отходы, образующиеся в процессе жизнедеятельности человека, не связанной с осуществлением экономической деятельности, отходы, образующиеся в гаражных кооперативах, садоводческих товариществах и иных потребительских кооперативах, а также уличный и дворовый смет, образующийся на территориях общего пользования населенных пунктов». На основании этого мы видим четкое и точное правовое описание понятия, что исключает проблем с правоприменением.

---

[2] *Островский Н.* В. Эволюция федерального Закона «Об отходах производства и потребления» // Вопросы управления. – 2015. – №1 (13). – С. 170.

[3] Сборник важнейших официальных материалов по вопросам дезинфекции, стерилизации, дезинсекции, дератизации / под общ. ред. М. Г. Шандалы. – М.: ТОО «Рарогъ», 1994.

[4] Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200034664 (дата обращения: 30.08.2019).

[5] Ведомости ВС СССР. – 1980. – № 27, ст. 528.

[6] Ведомости ВС СССР. – 1990. – № 25, ст. 460.

[7] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 20, ст. 641.

[8] Ведомости СНД и ВС РФ – 1992. – № 10, ст. 457.

[9] Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

[10] СЗ РФ. – 1998. – № 26, ст. 3009.

Важно отметить, что в данном Законе четко прописаны нормы отчуждения опасных отходов другому юридическому или физическому лицу, в том числе индивидуальному предпринимателю, который осуществляет обращение с отходами, а именно: «… отчуждение опасных отходов другому юридическому или физическому лицу, в том числе индивидуальному предпринимателю, осуществляющему обращение с отходами, разрешается только в целях последующего их захоронения, обезвреживания и (или) использования». Иными словами, опасные отходы ограничены в гражданском обороте в Республике Беларусь. Разберем, что же является опасными отходами. Согласно вышеназванному Закону, опасные отходы – это «… отходы, содержащие в своем составе вещества, обладающие каким-либо опасным свойством или их совокупностью, в таком количестве и виде, что эти отходы сами по себе либо при вступлении в контакт с другими веществами могут представлять непосредственную или потенциальную опасность причинения вреда окружающей среде, здоровью граждан, имуществу вследствие их вредного воздействия». То есть, под эти свойства попадает даже градусник, имеющий в своем составе ртуть и батарейки, также имеющие в своем составе вещества, отрицательно влияющие на окружающую среду.

Далее перейдем к главным аспектам, регулирующим вопросы обращения с отходами, а именно – основным принципам, заложенным в ст. 4 вышеназванного закона. Принципов в Законе закреплено 9, а именно:

1) Обязательное изучение свойств опасных отходов и установление их степени опасности;

2) Нормирование образования отходов производства;

3) Использование прогрессивных методов в обращении с отходами;

4) Приоритет вторичного использования отходов;

5) Экономическое стимулирования данного вопроса;

6) Платность;

7) Ответственность за нарушение вышеназванных аспектов;

8) Возмещение вреда в случае причинения вреда окружающей среде, гражданам и их имуществу;

9) Обеспечение доступа к экологической информации.

Хотелось бы отметить и чёткое административные компетенции органов власти, прописанные в ст. 6–12 вышеназванного Закона. В данных статьях чётко закреплены полномочия, напрямую за каждым Министерством Республики Беларусь, Советами депутатов, горисполкомами, облисполкомами, а также непосредственно за Президентом. Правильное построение вертикали власти позволяет контролировать экологические аспекты в Беларуси, стране наиболее пострадавшей от аварии на ЧАЭС им. Ленина. Хотелось бы обратить внимание на прямое закрепление полномочий за министрами и их министерствами. Прямая ответственность министерств перед гражданами является залогом успешного применения нормативных актов на практике.

Далее проанализируем один из самых важных аспектов любой отрасли права, а именно – ответственность. Согласно ст. 37 вышеназванного Закона, в данном правоотношении устанавливаются несколько видов ответственности, а именно: гражданско-правовая, административная, уголовная и иная. Обратимся к УК Республики Беларусь. В нём экологическому аспекту уделено особое внимание. Глава 26 данного нормативного акта посвящена именно ответственности за преступления против экологической безопасности и природной среды.

Резюмируя вышесказанное, автор пришёл к выводу, что Республика Беларусь является ярким примером страны с высоким уровнем законодательства и правовой культуры в современной истории постсоветского периода, позволяющей двигаться дальше по пути усовершенствования экологического законодательства до ведущих стран Скандинавии, Нидерландов и Швейцарии, являющихся лидерами в экологической отрасли права. По итогам реформ за последние 30 лет в Беларуси 15,6% коммунальных отходов используются в производстве новой продукции в качестве вторичного сырья. Ещё 4 года назад их применение было на уровне 10%[11]. В РФ этот показатель стабильно не превышает 4–5% (с учётом сжигания и переработки)[12]. Проблема усугубляется ещё и тем, что на протяжении последних лет в РФ ввозится мусор из заграницы[13] для переработки, вместо того что бы перерабатывать свой. Исходя из этого Российская Федерация полностью повторяет правовой опыт реформ 1980-х в СССР, так как реформы в этой сфере проходят зачастую с отрывом от возможностей населения и инфраструктуры, нанося ещё больший ущерб.

---

[11] Мир отмечает День вторичной переработки отходов: как обстоят дела в Беларуси (цифры и планы) // Зялёны партал [сайт]. URL: http://www.greenbelarus.info/articles/15-11-2016/mir-otmechaet-den-vtorichnoy-pererabotki-othodov-kak-obstoyat-dela-v-belarusi (дата обращения: 30.08.2019).

[12] *Рюмин А.* Утилизация мусора в России. Как реформируют отрасль // Информационное агентство «ТАСС» [сайт]. URL: https://tass.ru/info/6000776 (дата обращения: 30.08.2019).

[13] *Гальчева А.* Россия на треть увеличила ввоз пластикового мусора из-за границы // РБК [сайт]. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/08/2019/5d67e17f9a7947d966d7fd3d (дата обращения: 30.09.2019).

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. – 1998. – № 26, ст. 3009.
2. Правила Минприроды России (Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ) от 15 июля 1994 г. «Временные правила охраны окружающей среды от отходов производства и потребления в Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Закон СССР от 25.06.1980 «Об охране атмосферного воздуха» // Ведомости ВС СССР. – 1980. – № 27, ст. 528.
4. Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР» // Ведомости ВС СССР. – 1990. – № 25, ст. 460.
5. Закон РСФСР от 19 апреля 1991 г. № 1034-1 «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. – 1991. – № 20, ст. 641.
6. Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» // Ведомости СНД и ВС РФ – 1992. – № 10, ст. 457.
7. Приказ Минводхоза СССР, Приказ Минсельхоза СССР, Приказ Госкомгидромета СССР, Приказ Мингео СССР, Приказ Главного государственного санитарного врача СССР 1985 г. № 4015-85 «Предельное содержание токсичных соединений в промышленных отходах в накопителях, расположенных вне территории предприятия (организации)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [сайт]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200034664 (дата обращения: 30.08.2019).
8. *Гальчева А.* Россия на треть увеличила ввоз пластикового мусора из-за границы // РБК [сайт]. URL: https://www.rbc.ru (дата обращения: 30.09.2019).
9. Мир отмечает День вторичной переработки отходов: как обстоят дела в Беларуси (цифры и планы) // Зялёны партал [сайт]. URL: http://www.greenbelarus.info/articles/15-11-2016/mir-otmechaet-den-vtorichnoy-pererabotki-othodov-kak-obstoyat-dela-v-belarusi (дата обращения: 30.08.2019).
10. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.by/ (дата обращения: 30.08.2019).
11. *Островский Н.* В. Эволюция Федерального закона «Об отходах производства и потребления» // Вопросы управления. – 2015. – №1 (13). – С. 170–179.
12. *Ратникова Л.* Как устроен раздельный сбор мусора в Нидерландах // Recycle – интернет издание об экологичном образе жизни [сайт]. URL: https://recyclemag.ru/article/kak-ustroen-razdelnyj-sbor-musora-v-niderlandah (дата обращения: 31.08.2019).
13. *Рюмин А.* Утилизация мусора в России. Как реформируют отрасль // Информационное агентство «ТАСС» [сайт]. URL: https://tass.ru/info/6000776 (дата обращения: 30.08.2019).
14. Сборник важнейших официальных материалов по вопросам дезинфекции, стерилизации, дезинсекции, дератизации / под общ. ред. М. Г. Шандалы. – М.: ТОО «Рарогъ», 1994.

References

1. Federal Law of June 24, 1998 No. 89-ФЗ "On Production and Consumption Wastes" // SZ RF. – 1998. – No. 26, Article 3009.
2. Rules of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation (Ministry of Environmental Protection and Natural Resources of the Russian Federation) dated July 15, 1994 "Temporary Environmental Protection Rules for Production and Consumption Wastes in the Russian Federation" // The document was not published. Access from the consultant Plus legal system.
3. Law of the USSR dated 06.25.1980 "On the protection of atmospheric air" // Vedomosti Armed Forces of the USSR. – 1980. – No. 27, Art. 528.
4. Law of the USSR of June 4, 1990 No. 1529-1 "On Enterprises in the USSR" // Vedomosti Armed Forces of the USSR. – 1990. – No. 25, Article 460.
5. Law of the RSFSR of April 19, 1991 No. 1034-1 "On the sanitary and epidemiological well-being of the population" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1991. – No. 20, Art. 641
6. The Law of the RSFSR of 19.12.1991 No. 2060-1 "On Environmental Protection" // Vedomosti SND and Armed Forces of the Russian Federation – 1992. – No. 10, Art. 457.
7. Order of the USSR Ministry of Water Economy, Order of the USSR Ministry of Agriculture, Order of the USSR State Committee for Hydrometeorology, Order of the USSR Mingeo, Order of the Chief State Sanitary Doctor of the USSR 1985 No. 4015-85 "Limit content of toxic compounds in industrial waste in storage facilities located outside the enterprise (organization)" // Electronic fund of legal and regulatory technical documentation [site]. URL: http://docs.cntd.ru/document/1200034664 (accessed: 08/30/2019).
8. *A. Galcheva.* Russia increased the import of plastic waste from abroad by a third // RBC [site]. URL: https://www.rbc.ru (accessed date: 09/30/2019).

9. The world celebrates Waste Recycling Day: how things are in Belarus (figures and plans) // Zyalen partal [site]. URL: http://www.greenbelarus.info/articles/15-11-2016/mir-otmechaet-den-vtorichnoy-pererabotki-othodov-kak-obstoyat-dela-v-belarusi (accessed: 08.30.2019).
10. The National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus [Electronic resource]. URL: http://www.pravo.by/ (accessed date: 08/30/2019).
11. *Ostrovsky N.V.* Evolution of the Federal Law "On Production and Consumption Wastes" // Management Issues. – 2015. – No. 1 (13). – S. 170–179.
12. *Ratnikova L.* How the separate collection of garbage in the Netherlands is arranged // Recycle – an online publication about an eco-friendly lifestyle [site]. URL: https://recyclemag.ru/article/kak-ustroen-razdelnyj-sbor-musora-v-niderlandah (accessed: 08/31/2019).
13. *Ryumin A.* Garbage disposal in Russia. How to reform the industry // TASS Information Agency [site]. URL: https://tass.ru/info/6000776 (accessed date: 08/30/2019).
14. A collection of the most important official materials on disinfection, sterilization, disinsection, disinfestation / under the general. ed. M. G. Shandaly. – M .: Rarog LLP, 1994.

УДК 34(075)

Мавлянова Е.Н.,
аспирант, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
kat_moss@mail.ru

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОСТАВКИ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ ТРУБОПРОВОДНЫМ ТРАНСПОРТОМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются исторические аспекты правового регулирования поставки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом в РФ. Автор излагает исторические факты, что позволят понять актуальность проблематики и с позиции современного состояния правового регулирования поставки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом. Характеризуются правоотношения, связанные с регулированием поставки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом в РФ. В результате рассмотрения исторического развития правоприменения в данной области и проведении комплексного анализа проблем правового регулирования поставки нефти и нефтепродуктов трубопроводным транспортом в Российской Федерации, формулируются выводы о необходимости реформирования соответствующего законодательства.

Ключевые слова: нефть, правовое регулирование поставки нефти, нефтепродукты, трубопроводный транспорт, нефтеснабжение, транспортировка нефти

Mavlyanova E.,
graduate student of the Law InstituteRussian University of Transport (MIIT)

HISTORY OF LEGAL REGULATION OF OIL DELIVERY OF OIL PRODUCTS BY PIPELINE TRANSPORT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the historical aspects of the legal regulation of the supply of oil and oil products by pipeline to the Russian Federation. The author sets out historical facts that will make it possible to understand the relevance of the problem from the perspective of the current state of legal regulation of the supply of oil and oil products by pipeline. The legal relations associated with the regulation of the supply of oil and oil products by pipeline to the Russian Federation are characterized. As a result of reviewing the historical development of law enforcement in this area and conducting a comprehensive analysis of the problems of legal regulation of the supply of oil and oil products by pipeline in the Russian Federation, conclusions are drawn about the need to reform the relevant legislation.

Keywords: oil, legal regulation of oil supplies, petroleum products, pipeline transport, oil supply, oil transportation

В научной литературе уделено недостаточное внимание теме договорных отношений по транспортировке нефти по магистральным нефтепроводам. Законодательная база в сфере отрасли находится на стадии своего формирования. Действующее законодательство не только не эффективно, но и имеет немало противоречий.

Впервые этой проблеме наиболее систематично была посвящена четвертая редакция Устава Горного Российской империи, принятая в 1893 г. Устав Горный содержал специальную главу «О нефтепроводах». В ней регламентировался порядок прокладки и эксплуатации нефтепроводов, отвода земель, платежей за перекачку, доступа к трубопроводам, устанавливались требования к экологической и технической безопасности.

Особое внимание в Уставе уделено специфике регулирования различных форм собственности на сами недра, а также на имущество, используемое для добычи полезных ископаемых и их использования. Горные промыслы в дореволюционной России находились и в частной, и в государственной собственности. Частные горные промыслы и заводы имели различный правовой режим и могли быть «во владельческой собственности», т. е. находиться на землях частных владений и быть полностью независимыми от казны, а также быть «на праве посессионном», т. е. получать дотации от государства и находиться на государственных землях и лесах.

Частная горная промышленность разрешалась и осуществлялась также и на всех казенных землях, за некоторыми исключениями (спорные территории, земли, предоставленные для осуществления разведки казенным заводам).

Российское право традиционно исходило из юридической конструкции, согласно которой право добычи и пользования нефтью для частных горнопромышленников было привязано к праву собственности на землю и было построено на единстве горно-земельных правоотношений. «В имуществе недвижимых вещей объемлет не одну поверхность земли, но и сами ее недра: и потому оно простирается на все сокровенные минералы и на все металлы, из них происходящие» (ст. 236 Устава Горного Российской империи) [1].

В соответствии с таким подходом собственник земель имел право искать, копать, плавить, варить и чистить всякие природные ресурсы, включая металлы, для разных надобностей, не исключая и драгоценные, и все это по своему желанию обрабатывать и распоряжаться.

В 1918 г. декретом Совнаркома РСФСР нефтяная промышленность была национализирована. Поскольку в период гражданской войны Советская республика оказалась отрезанной от основных нефтяных районов, обострилась проблема транспортировки нефти из других нефтяных районов. 17 марта 1920 г. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны принял Декрет «О сооружении нефтепровода от Эмбинского нефтеносного района до города Саратова». Одобрены были и другие проекты, однако в силу нехватки финансовых средств, а самое главное – труб, все эти проекты были приостановлены. С 1917 по 1926 г. магистральные нефтепроводы фактически не строились [4, С. 12]. Соответственно, отсутствовала и насущная необходимость в создании всеобъемлющей законодательной базы, посвященной регулированию данных отношений [3, С. 15].

В рамках советского законодательства правовые аспекты отношений поставки нефти регулировались соответствующими применимыми в зависимости от времени редакциями гражданского кодекса (Основ гражданского законодательства), а также специальными актами, посвященными данным отношениям, например, Особыми условиями поставки нефти и нефтепродуктов, утвержденными Министерством промышленности СССР в развитие Положения о поставках продукции производственно-технического назначения от 22 мая 1959 г. Данные отношения были мало исследованы отечественной юридической наукой [4, С. 11].

В 1970 г. ответственность за управление и регулирование нефтепроводного хозяйства страны возложили на Министерство нефти и газа СССР. 30 октября 1970 г. Постановлением Совета Министров СССР № 889 было образовано Главное управление по транспорту и поставкам нефти (Главтранснефть), занимающееся вопросами проектирования, сооружения, эксплуатации и перспективным развитием нефтепроводной системы [3, С.12].

Рядом авторов [4] вообще оспаривается правомочность существующего государственного регулирования отношений, возникающих в связи с транспортировкой нефти вообще и договором на транспортировку нефти посредством системы магистральных нефтепроводов, в частности.

Аргументами подобного рода утверждений служат в том числе следующие:

1. Превышение Минтопэнерго России своих полномочий, предоставленных последнему Положением о Министерстве топлива и энергетики, утверждено постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 30 мая 1993 г. № 504, в части введения в действие министерством Положения о приеме и движении нефти;

2. Факт того, что Положение о приеме и движении нефти не было опубликовано и, более того, не было зарегистрировано Минюстом России, а, следовательно, не может быть обязательным к применению;

3. Факт вмешательства исполнительных органов государственной власти в частноправовые отношения самостоятельных юридических лиц: ПАО «Транснефть» и ее контрагентов, что противоречит ст. 421 и п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [3, С.14].

Однако при анализе указанных аргументов необходимо отметить, следующее: ни один пункт указанного Положения о Министерстве топлива и энергетики, утвержденого постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 30 мая 1993 г. № 504, не позволяет сделать вывод о том, что Минтопэнерго России превысило свои полномочия, утвердив Положение о приеме и движении нефти. Более того, анализ текста указанного Положения о Министерстве топлива и энергетики позволяет сделать обратный вывод о том, что утверждение Положения о приеме и движении нефти находилось в компетенции Минтопэнерго России, поскольку последнее было наделено правами регулировать отношения, связанные с транспортировкой углеводородов. Кроме того, принятые в последующем Положения о Министерстве топлива и энергетики (см., напр. Положение о Министерстве топлива и энергетики, утв. постановлением Правительства от 27 января 1996 г. № 60) также не содержат каких бы то ни было норм, ограничивающих компетенцию Минтопэнерго России в этой части. Кроме того, согласно ст. 3 ГК РФ, федеральные министерства вправе принимать акты, содержащие нормы гражданского права.

Указывая на несоответствие законодательству России того факта, что Положение о приеме и дви-

жении нефти не было опубликовано и зарегистрировано в Минюсте России, Д.Д. Логофет обосновывает свою позицию положениями Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти».

При анализе данного аргумента необходимо принимать во внимание два факта:

1. Вышеназванный Указ 1996 года был принят почти спустя год после утверждения Положения о приеме и движении нефти. До этого действовал иной нормативно-правовой акт – Указ Президента РФ от 22 марта 1996 г. № 302. Данный акт не предусматривал необходимости обязательного опубликования нормативных актов, прошедших регистрацию в Минюсте России, федеральных органов государственной власти (каковым и является Минтопэнерго России), а распространялся исключительно на акты Президента РФ и Правительства РФ (к каковым, соответственно, не могут быть отнесены акты Минтопэнерго России).

2. Кроме того, действие Указа от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» не было распространено на отношения, возникшие до его принятия; рассматривая данный тезис, необходимо учитывать даже тот факт, что в соответствии с данным Указом обязательному опубликованию подлежат только нормативные акты федеральных органов государственной власти, прошедшие регистрацию в Минюсте России. При этом вопрос о том, имеет ли Положение о приеме и движении нефти нормативный характер с точки зрения теории права [2, С. 235], а также в том смысле, как это сформулировано в Указе от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» (пункт 8 Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»), является весьма неоднозначным. Об этом позволяет судить уже хотя бы то, что Положение о приеме и движении нефти распространяется на ограниченный круг лиц (производителей нефти, а также организацию, занимающуюся транспортировкой нефти).

Наиболее убедительным представляется третий довод противников подобного государственного регулирования рассматриваемых отношений. Однако и в данном случае необходимо учитывать, что возможными аргументами, оспаривающими такую позицию, могли быть следующие. Так, в соответствии с п. 4 ст. 421 ГК РФ условия договора определяются по усмотрению сторон, кроме случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами. Кроме того, согласно п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения. При этом под иными нормативными актами Гражданский кодекс (п. 6 ст. 3 ГК РФ) понимает указы Президента РФ и постановления Правительства РФ. Более того, согласно п. 7 ст. 3 ГК РФ министерства и иные федеральные органы исполнительной власти могут издавать акты, содержащие нормы гражданского права, в случаях и в пределах, предусмотренных ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами. Регулирование же отношений в топливной отрасли, в том числе посредством принятия соответствующих актов было передано Минтопэнерго России в силу одного из таких «иных нормативных актов» – Положения о Министерстве топлива и энергетики, утв. постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 30 мая 1993 г. № 504 (подробнее об этом см. выше). В связи с этим нормы Положения о приеме и движении нефти являются абсолютно законными и регулируют соответствующие права и обязанности сторон по договору транспортировки нефти посредством системы магистральных нефтепроводов.

Таким образом, ссылка авторов оспариваемой концепции о неправомерном характере Положения о приеме и движении нефти на противоречие Положения о приеме и движении нефти принципу свободы договора (ст. 421 ГК РФ) основана на недостаточно полном и несистематическом анализе всей совокупности норм, регулирующих такой принцип гражданского права, как свобода договора.

На основании изложенного утверждение о несоответствии Положения о приеме и движении нефти законодательству Российской Федерации представляется неверным. Что касается практики отношений в рассматриваемой сфере, данное Положение применяется с момента его вступления в силу. Таким образом, при формировании договорных связей, а равно формулировании положений самих договоров участникам необходимо следовать нормам Положения о приеме и движении нефти, а также иных актов, регулирующих данную сферу отношений [3, С. 15].

Нельзя не отметить тот факт, что в настоящее время Положение о приеме и движении нефти объективно не соответствует существующим правовым и экономическим реалиям.

Исходя из Положения о приеме и движении нефти, очевидно, что на момент его принятия Минто-

пэнерго России рассматривало ПАО «Транснефть» в качестве подчиненной организации, деятельностью которой министерство может руководить посредством такого рода приказов и положений. Одной из причин такого характера отношений, вероятно, является то, что Российская Федерация должна быть признана собственником системы магистральных нефтепроводов, а, следовательно, несмотря на наличие ПАО «Транснефть», считает возможным контролировать порядок ее использования. Однако с точки зрения гражданского права налицо ситуация, когда федеральный орган исполнительной власти детально регулирует договорные отношения самостоятельных юридических лиц (ПАО «Транснефть» и ее контрагентов).

Дополнительно к нормативным актам, указанным выше, необходимо также упомянуть подписанный Россией в 1994 г. Договор к Энергетической хартии. Этот договор до сих пор Россией не ратифицирован, однако в соответствии со ст. 45 Договора к Энергетической хартии каждая сторона соглашается временно применять Договор к Энергетической хартии до его вступления в силу (ратификации). Основное внимание в Договоре к Энергетической хартии уделяется вопросам защиты и поощрения инвестиций, правилам международной торговли, а также транзиту энергоресурсов, включая транзит посредством магистральных нефтепроводов [3, С. 16].

Поскольку вопросы транзита затрагивают отношения по транспортировке нефти, не относятся к теме настоящей работы, отметим лишь, что в качестве основного принципа для стран-участниц закрепляется принцип свободы транзита энергоресурсов по их территориям вне зависимости от места происхождения и назначения и владельца таких энергоресурсов, а также принцип недискриминационных тарифов и предоставления для транзита не менее благоприятных условий, чем для энергоресурсов, происходящих из собственной территории страны-участницы или предназначенных для нее.

Таким образом, необходимо еще раз подчеркнуть, что действующие в настоящее время нормативные акты, регулирующие отношения, возникающие в связи с транспортировкой нефти посредством системы нефтепроводов, недостаточны, чтобы охватить весь круг таких отношений (например, не урегулирована такая важная составляющая транспортировки нефти посредством системы нефтепроводов, как уступка «доступа к трубе»). Более того, имеющиеся акты во многом устарели и не соответствуют актуальному законодательству и фактическим отношениям участников процесса транспортировки [3, С. 17].

Любой правотворческий процесс (применительно к разработке отдельных нормативных актов) должен иметь научную проработанность решаемых проблем, включая переосмысление имеющихся научных положений. Только при таких обстоятельствах можно достичь единства, системности и целостности правового регулирования рыночных отношений, включая сферу энергетики, правовая база которой нуждается в совершенствовании и стабильности.

Список литературы

1. *Новикова Е.В.* О правах недропользователей по Уставу Горному Российской империи // Нефть, газ и право. – 2002. – № 2.
2. Общая теория государства и права. В 3-х т. Т. 2. Право: Академ. курс / М.Н. Марченко, С.Н. Бабурин и др.; Отв. ред. М.Н. Марченко – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 816 с.
3. *Ситников, С.* Л. Гражданско-правовое регулирование транспортировки нефти посредством системы нефтепроводов: актуальные проблемы [Электронный ресурс] / С. Л. Ситников .– М. : Юстицинформ, 2012 .– 185 с. – (Деловая библиотека) .– ISBN 978-5-7205-1169-2 .– Режим доступа: https://rucont.ru/efd/260766.
4. *Шаммазов А.М., Мастобаев Б.Н., Сощенко А.Е.* Трубопроводный транспорт России (1860–1917 гг.) // Трубопроводный транспорт нефти. – 2000. – № 6. – С. 32-35.

References

1. *Novikova E.V.* On the rights of subsoil users under the Charter of the Mountainous Russian Empire // Oil, gas and law. – 2002. – No. 2.
2. General theory of state and law. T. 2. Law: Academ. course / M.N. Marchenko, S.N. Baburin et al .; Repl. ed. M.N. Marchenko – 4th ed., Revised. and add. – M .: Norma: SIC INFRA-M, 2013 .- 816 p.
3. *Sitnikov, S.* L. Civil regulation of oil transportation through a system of oil pipelines: actual problems [Electronic resource] / S. L. Sitnikov. – M.: Justicinform, 2012. – 185 p. – (Business library) .– ISBN 978-5-7205-1169-2 .– Access mode: https://rucont.ru/efd/260766.
4. *Shammazov A.M., Mastobaev B.N., Soshchenko A.E.* Pipeline transport of Russia (1860–1917) // Pipeline transport of oil. – 2000. – No. 6. – P. 32-35.

УДК 343.01

Меркурьев В.В.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом Научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму, Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры РФ, старший советник юстиции,
merkuriev-vui@mail.ru

Тараканов И.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права и криминологии, Юридический факультет, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, полковник внутренней службы,
il8@list.ru

ОСОБЕННОСТИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ОТ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ЛИЦОМ, НЕ ДОСТИГШИМ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей необходимой обороны от посягательства, совершаемого лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Исследованию подвергаются точки зрения ученых относительно возможности оборонительных действий, пределов причинения вреда такому посягающему, а также положения уголовного законодательства, регламентирующие правомерность указанных действий. На основе проведенного исследования сделаны выводы о том, что общественно опасное посягательство, осуществляемое лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, образует ситуацию необходимой обороны и наделяет обороняющегося правом причинения вреда посягающему. При этом допускается причинение смерти такому посягающему, если его общественно опасное посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (прежде всего, речь идет о вооруженном или групповом нападении). При определении пределов необходимой обороны возраст посягающего может быть учтен как иное обстоятельство, которое могло повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц, а также при решении вопроса о необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства, однако сам по себе не может означать превышения пределов необходимой обороны и должен учитываться наряду с другими обстоятельствами, образующими ситуацию необходимой обороны, прежде всего характером и степенью опасности посягательства. Любые же требования уклониться от посягательства лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, или стремиться причинить ему минимальный вред продиктованы соображениями гуманизма и нравственности, а также противоречат положениям ч. 3 ст. 37 УК РФ, поэтому не могут учитываться при определении правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

Ключевые слова: необходимая оборона, общественно опасное посягательство, лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, оборонительные действия, пределы необходимой обороны, причинение вреда, правомерность причинения вреда

Merkuriev V.,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Strengthening the Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations and Countering Extremism of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Senior Advisor of Justice

Tarakanov I.,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Colonel of the Internal Service

FEATURES OF THE NECESSARY DEFENSE AGAINST SOCIALLY DANGEROUS ENCROACHMENT COMMITTED BY A PERSON UNDER THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

The article is devoted to the consideration of the features of the necessary defense against encroachment committed by a person who has not reached the age of criminal responsibility. Scientists are exposed to research on the possibility of defensive actions, the limits of harm inflicting such an intruder, as well as the provisions of criminal law governing the legality of these actions. Based on the study, it was concluded that the socially dangerous encroachment carried out by a person under the age of criminal responsibility constitutes a situation of necessary defense and gives the defendant the right to harm the encroaching person. At the same time, it is allowed to cause death to such an intruder, if his socially dangerous encroachment is associated with violence, life-threatening the defender or another person, or the immediate threat of such violence (first of all, it is an armed or group attack). In determining the limits of the necessary defense, the age of the attacker may be taken into account as another circumstance that could affect the actual balance of forces of the attacker and the defenders, as well as in deciding whether it was necessary to cause death to the attacker or serious damage to his health in order to prevent or curb the attack. in itself cannot mean exceeding the limits of necessary defense and must be taken into account along with other circumstances that make up the situation of necessary defense, first of all of the nature and degree of the danger of encroachment. Any requirements to evade the encroachment of a person who has not reached the age of criminal responsibility, or to strive to cause him minimal harm are dictated by considerations of humanism and morality, and also contradict the provisions of part 3 of art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, therefore, they cannot be taken into account when determining the legality of causing harm with the necessary defense.

Keywords: necessary defense, socially dangerous assault, a person under the age of criminal responsibility, defensive actions, the limits of necessary defense, causing harm, lawfulness of causing harm

В 2018 г. по отечественным образовательным организациям прокатилась волна насилия. География чрезвычайных происшествий с применением оружия оказалась широкой: Пермь, Челябинская область, Улан-Удэ. Были инциденты и в других городах. Беспрецедентной по своему масштабу стала трагедия, произошедшая 17 октября 2018 г. в Керченском политехническом колледже, где один из учащихся, 18-летний Влад Росляков, устроил настоящее кровавое побоище – привел в действие взрывное устройство и расстрелял студентов и преподавателей, после чего покончил с собой. Количество жертв массового убийства составило 21 человек, более 50 человек находились в больницах в тяжелом состоянии [31].

Прямой связи между этими случаями нет: нападавшие не были знакомы между собой и не координировали свои действия. Во всяком случае, достоверных данных об этом нет. Вероятнее всего, нападавшие вдохновлялись одним и тем же примером – массовым убийством в американской школе «Колумбайн» в 1999 г., где двое подростков Дилан Клиболд и Эрик Харрис застрелили 13 человек и ранили еще 24, а потом покончили с собой [14].

Нападения на обучающих в образовательных организациях в России, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, могут быть связаны с влиянием Интернета, в котором распространены материалы о фактах и событиях насилия, имевших место в США [19]. Добавим сюда и не всегда позитивный эффект социальных сетей, обращающих внимание подростков на агрессию и насильственные способы решения конфликтных ситуаций.

Исследования в США (где стрельба в школах происходит регулярно) показывают, что шансы на повторную трагедию в течение следующих двух недель составляют 22%. В России эта теория уже подтверждалась печальной практикой: в 2012 и 2016 годах самоубийство одного подростка спровоцировало целую эпидемию суицидов [15].

Почему подростки выбирают совсем не те примеры для подражания, не является предметом нашего рассмотрения. Наша задача состоит в том, чтобы понять, как защититься от насильственных действий подростков в школах и на улице и при этом не нарушить закон. В сферу действия уголовного закона в подобных случаях, как будет показано ниже, может быть втянут любой гражданин (школьник, охранник, учитель, полицейский), оказавшийся на пути агрессивного и вооруженного подростка.

Особого внимания в связи с этим заслуживает вопрос об особенностях необходимой обороны от посягательства, совершаемого лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. Обращая внимание на общественно опасные деяния таких лиц, Н.В. Сараев отмечает, что они являются серьезной криминологической проблемой, представляют собой резерв преступности несовершеннолетних, создают серьезные предпосылки дальнейшего расширения границ преступной активности несовершеннолетних. Следует согласиться с ним, что «по существу, малолетний продолжает совершать привычные деяния, но по достижению им 14 лет они расцениваются как преступные» [11, 4]. Следует также заметить, что в теории уголовного права уже неоднократно возникали предложения о снижении минимального возраста уголовной ответственности [5, 24].

По мнению М.П. Клейменова, в настоящее время существует «тенденция возрастания жестокости,

которую проявляют несовершеннолетние при совершении преступлений, причем здесь лидируют лица женского пола» [13, 342]. Также в криминологической литературе отмечалось, что несовершеннолетними «корыстно-насильственные преступления совершаются более агрессивно и жестоко по сравнению со взрослой преступностью... В последнее время растет число насильственных преступлений, совершаемых в отношении одноклассников и одногруппников. Характерной чертой стала возведенная в абсолют жестокость. Несовершеннолетние преступают тот предел насилия, который в конкретной ситуации был бы достаточен для достижения противоправной цели. Несовершеннолетние не в состоянии почувствовать чужую боль. У них либо занижен, либо отсутствует страх перед смертью. Агрессивные действия совершаются из-за бравады и отсутствия реальной возможности оценить опасность своих поступков для окружающих» [16, 549].

Так, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Республике Коми было расследовано уголовное дело, возбужденное по факту безвестного исчезновения 12-летнего жителя поселка Елецкий г. Воркуты по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего). По данным следствия, 3 февраля 2017 года после занятий в школе подросток покинул территорию учебного заведения, однако домой не пришел. В ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий было обнаружено тело мальчика и установлены лица, причастные к его гибели. Ими оказались два сверстника потерпевшего. По версии следствия, между подростками произошла драка, в ходе которой один из нападавших нанес потерпевшему несколько ударов ножом в различные, в том числе жизненно-важные части тела. От полученных телесных повреждений потерпевший скончался на месте происшествия. После этого нападавшие закопали тело в снегу, где оно впоследствии и было обнаружено. Поскольку подростки не достигли возраста привлечения к уголовной ответственности, был поставлен вопрос о помещении их в специализированное учреждение для несовершеннолетних-правонарушителей [12].

Приведем еще один пример. Следственным отделом по Октябрьскому району СУ СК России по Республике Бурятия было возбуждено уголовное дело в отношении ученика одной из школ, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «а», «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство двух и более лиц, совершенное в отношении малолетних). По данным следствия, 19 января 2018 года утром ученик 9 класса одной из школ, расположенных в микрорайоне «Сосновый бор» города Улан-Удэ с топором напал на учеников 7-го класса, а затем при помощи бутылки с воспламеняющейся жидкостью совершил поджог учебного помещения. В результате его действий ранения причинены 5-и ученикам и учителю [7]. В рассматриваемом случае виновный хоть и достиг минимального возраста уголовной ответственности, но произошло это сравнительно недавно – на момент совершения преступления ему было 15 лет.

Это обуславливает необходимость противодействия общественно опасным деяниям лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в том числе и при помощи необходимой обороны. Не вызывает сомнений высказанное в юридической литературе мнение о том, что «подростки зачастую проявляют большую жестокость и агрессивность, чем взрослые преступники, совершают опасные для жизни или здоровья людей групповые нападения с оружием или иными предметами, используемыми в качестве оружия. Эффективная защита без причинения вреда посягающим в этих случаях вряд ли возможна» [28, 171]. По этому поводу Н.В. Сараев совершенно справедливо замечает: «Следует иметь в виду, что общественная опасность деяний лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, ничуть не меньше для потерпевших оттого, что эти деяния не признаются преступлениями» [21, 4]. Аналогичного мнения придерживается В.В. Орехов, отмечая, что «закон говорит о защите от общественно опасного посягательства, а не от преступного посягательства, поэтому не требуется, чтобы это посягательство всегда содержало все признаки преступления. Следовательно, правомерной будет защита от общественно опасного посягательства, совершенного невменяемым, малолетним, лицом, действующим в силу извинительной ошибки» [18, 54].

Статья 37 УК РФ наделяет каждого человека правом на причинение вреда посягающему лицу для защиты своих прав и свобод, а также прав и свобод других лиц, интересов общества и государства. При этом не требуется, чтобы посягательство являлось преступным, достаточно лишь того, чтобы оно было общественно опасным. В юридической литературе на это счет справедливо отмечается, что «общественно опасное посягательство может и не носить преступного характера в силу каких-либо причин – недостижения возраста уголовной ответственности лицом, осуществляющим посягательство, невменяемости этого лица. Необходимая оборона вполне возможна и допустима от действий, которые, являясь общественно опасными, никогда не смогут быть признаны преступными, – от действий малолетних или невменяемых, если имеют место условия правомерности необходимой обороны, относящиеся к посягательству» [29, 177].

Согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и при-

чинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» необходимая оборона может быть признана правомерной независимо от того, привлечено ли посягавшее лицо к уголовной ответственности, в том числе в случае защиты от посягательства лица в состоянии невменяемости или лица, не достигшего возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Аналогичное положение ранее было закреплено в п. 2 утратившего в настоящее время силу Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»: «Разъяснить судам, что под общественно опасным посягательством, защита от которого допустима в пределах ст. 13 Основ уголовного законодательства, следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью уголовного закона, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, недостижением возраста привлечения к уголовной ответственности или по другим основаниям».

Однако при этом возникает вопрос о специфике оборонительных действий от указанного посягательства. Следует заметить, что мнения ученых на данный счет существенно различаются.

Так, С.А. Домахин полагал, что вопрос о правомерности вреда, причиненного лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности или невменяемому, при отражении совершаемого ими общественно опасного посягательства следует решать по правилам крайней необходимости [11, 25]. Такой же точки зрения придерживались И.С. Тишкевич и А.Б. Сахаров [25, 111].

По мнению И.И. Слуцкого, если обороняющийся не знал о непреступном характере посягательства, то вопрос об ответственности должен решаться по правилам необходимой обороны, а если он об этом знал – применяются правила, установленные для случаев крайней необходимости [23, 174].

Однако следует отметить, что в ситуации крайней необходимости источником опасности могут выступать поведение человека или животного, действие сил природы или технических средств, патологические или физиологические процессы, происходящие в организме человека и т.п. [6, 143], причем вред причиняется третьим лицам, тогда как ситуацию необходимой обороны образует общественно опасное посягательство, совершаемое лицом, пусть даже не обладающим признаками субъекта преступления, а вред причиняется непосредственно посягающему лицу.

Следовательно, правомерность причинения вреда лицу, не достигшему возраста уголовной ответственности, при отражении его общественно опасного посягательства следует оценивать с позиции условий правомерности необходимой обороны.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о пределах причинения вреда при защите от такого посягательства. На этот счет в теории уголовного права также высказывались различные мнения.

Так, Ю.М. Ткачевский указывал, что в ситуации необходимой обороны против действий явно невменяемых или малолетних нужно принять меры к тому, чтобы уклониться от посягательства, а если это неосуществимо, то стремиться причинить минимальный вред посягающему [26, 25].

Сходного мнения придерживался М.К. Аниянц, полагая, что оборона против непреступных посягательств может признаваться правомерной лишь в случаях, когда причиненный посягающему вред был единственным средством для пресечения посягательства. Если обороняющийся имел возможность убежать, убедить посягающего или применить иные способы, то причинение вреда является противоправным [4, 157].

Представляется, что высказанные точки зрения являются справедливыми применительно к случаям, когда возраст лица не превышает 8-9 лет, вследствие чего его посягательство представляет сравнительно небольшую общественную опасность. В таком случае причинение вреда посягающему действительно представляется нецелесообразным. Видимо, именно из этого исходил А.В. Наумов, признавая право необходимой обороны против невменяемых и малолетних, и в то же время отмечая, что на основе нравственных принципов обороняющийся в такой ситуации должен быть крайне внимателен и осмотрителен при реализации права на необходимую оборону [16, 346].

Более категоричное мнение высказывал В.И. Ткаченко, утверждая, что оборону следует признать незаконной, если она осуществлена при осознании обороняющимся возможности устранить угрозу путем причинения малолетнему меньшего вреда, чем нанесенный [27, 25]. Не соглашаясь с данной точкой зрения А.В. Савинов весьма логично заявляет: «По нашему мнению, обороняющемуся совершенно безразлично, достиг ли посягающий возраста уголовной ответственности (причем возраст не всегда возможно определить визуально, «на глаз») или нет... действующее уголовное законодательство не выдвигает никаких дополнительных требований относительно осуществления оборонительных действий в зависимости от субъекта посягательства, например, невменяемого или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности» [20].

Следует признать справедливым и обоснованным мнение, высказанное М.А. Фоминым: «Что касается стремления причинения минимального вреда

малолетнему посягающему, то с этим согласиться можно, но ни в коей мере нельзя уклоняться от этого посягательства, иначе малолетний преступник почувствует свое превосходство над окружающими людьми, а это, в свою очередь, ведет к совершению более тяжких преступлений, к их рецидиву. Нужно активно отражать посягательства малолетних, чтобы они с раннего возраста знали, что против неправомерных действий всегда будут предприняты контрдействия» [30, 36].

Таким образом, требование причинить посягающему, не достигшему возраста уголовной ответственности, минимальный вред или вообще уклониться от посягательства без причинения вреда продиктовано требованиями гуманизма и нравственности, но при этом никаким образом не может влиять на квалификацию действий при необходимой обороне от посягательства такого лица.

Следует заметить, что согласно статьям 22 и 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» сотруднику полиции запрещается применять специальные средства и оружие в отношении малолетних. Однако из этого правила имеется исключение в виде случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника. Таким образом, законодательно допускается необходимая оборона, в том числе и с причинением смерти, от посягательства малолетнего лица, при условии, что это посягательство представляло опасность для жизни или здоровья.

Среди предусмотренных пунктом 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» критериев, подлежащих учету при разрешении вопроса о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, возраст посягающего лица конкретно не указан. Однако при этом его можно отнести к упоминаемым в данном пункте иным обстоятельствам, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц. Также возраст может быть учтен при определении наличия необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства, указанного в рассматриваемом пункте.

Однако при определении пределов правомерности необходимой обороны от посягательства лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, необходимо исходить прежде всего из характера и опасности посягательства. Поэтому следует согласиться с мнением, высказанным Н.Г. Вольдимаровой: «Поскольку необходимая оборона выступает средством защиты правовых интересов, правомерность причинения вреда посягающему прежде всего должна определяться объективной опасностью осуществляемого посягательства и восприятием его обороняющимся, а не субъективным состоянием нападающего» [8, 44].

Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Савинов: «На наш взгляд, общественная опасность посягательства, являясь категорией объективной, ничуть не уменьшается даже в том случае, когда законодатель по каким-либо причинам не признает посягательство преступным. Следовательно, обороняющийся имеет безусловное право на причинение невменяемому или малолетнему любого вреда, обусловленного тем вредом, который ожидался от посягательства. Указанное положение должно действовать безотносительно того, знал ли обороняющийся о том, что посягающий является невменяемым или малолетним» [20].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что общественно опасное посягательство, осуществляемое лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, образует ситуацию необходимой обороны и наделяет обороняющегося правом причинения вреда посягающему.

Представляется допустимым причинение смерти посягающему, не достигшему возраста уголовной ответственности, если его общественно опасное посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Очевидно, что именно таким является вооруженное или групповое нападение лиц, пусть даже не достигших еще минимального возраста уголовной ответственности.

При определении пределов необходимой обороны малолетний возраст посягающего может быть учтен как иное обстоятельство, которое могло повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц. Кроме того, он может учитываться при решении вопроса о необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства. Однако такой возраст посягающего сам по себе не означает превышения пределов необходимой обороны и должен учитываться наряду с другими обстоятельствами, образующими ситуацию необходимой обороны. При этом следует прежде всего обращать внимание на характер и степень опасности посягательства.

Любые же требования уклониться от посягательства лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, или стремиться причинить ему минимальный вред продиктованы соображениями гуманизма и нравственности, а также противоречат по-

ложениям ч. 3 ст. 37 УК РФ, поэтому не могут учитываться при определении правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

По мнению С. Тасакова, «обороняющийся, находясь в заведомо худших условиях, должен иметь право на использование самых эффективных средств защиты» [24, 80-81]. Данная фраза представляется вполне справедливой и в отношении ситуации необходимой обороны от посягающего лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. Обороняющемуся должны быть предоставлены широкие возможности для отражения такого посягательства, а любые ограничения должны быть разумно обоснованы и исходить из требований закона. Именно в этом случае реализация права на необходимую оборону будет эффективной.

Список литературы

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. – № 25. – 08.02.2011.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. – № 227. – 03.10.2012.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5.
4. *Аниянц М.К.* Ответственность за преступления против жизни / М.К. Аниянц. – М., 1964. – 212 с.
5. *Байбарин А.А.* К вопросу о минимальном возрасте наступления уголовной ответственности / А.А. Байбарин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 224-226.
6. *Благов Е.В.* Уголовное право России. Общая часть: Учебник для бакалавров / Е.В. Благов; отв. ред. Ю.В. Грачева. – М.: НИЦ ИНФРА-М: Контракт, 2013. – 368 с.
7. В Октябрьском районе следователи в рамках возбужденного уголовного дела выясняют обстоятельства происшествия в одной из местных школ. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия // URL: http://buryatia.sledcom.ru/news/item/1196778 (дата обращения: 21.12.2018).
8. *Вольдимарова Н.Г.* Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. Дис. … канд. юрид. наук / Н.Г. Вольдимарова. – М., 2003. – 220 с.
9. *Гилинский Я.И.* С какого возраста можно привлекать к уголовной ответственности / Я.И. Гилинский, С.Ф. Милюков // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2012. – № 1. – С. 121-125.
10. *Давыденко В.М.* Уголовно-правовое значение возраста для дифференциации ответственности несовершеннолетних / В.М. Давыденко // Адвокат. – 2011. – № 3. – С. 35-38.
11. *Домахин С.А.* Крайняя необходимость по советскому уголовному праву / С.А. Домахин. – М., 1955. – 79 с.
12. Информация о ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту безвестного исчезновения 12-летнего жителя поселка Елецкий г. Воркуты. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Коми // URL: http://komi.sledcom.ru/news/item/1099070 (дата обращения: 21.12.2018).
13. *Клейменов М.П.* Криминология: учебник / М.П. Клейменов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 432 с.
14. *Конюхова К.* Психиатр о волне нападений на школы: «Реальные таланты не позволяют завоевать популярность среди сверстников, поэтому дети начинают совершать бессмысленные поступки» / К. Конюхова // Комсомольская правда // URL: https://www.kp.ru/daily/26784.7/3817510/ (дата обращения: 21.12.2018).
15. *Конюхова К.* Разбор без истерики: толкают ли соцсети наших детей на самоубийства / К. Конюхова // Комсомольская правда // URL: https://www.kp.ru/daily/26531.4/3548268/ (дата: обращения 21.12.2018).
16. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 800 с.
17. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. В 2 т. Т. 1 / А.В. Наумов. – М., 1996. – 496 с.
18. *Орехов В.В.* Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния: монография / В.В. Орехов. – СПб., 2003. – 217 с.
19. Путин заявил о возможной связи насилия в школах с влиянием интернета // Информационное агентство RNS // URL: https://rns.online/internet/Putin-zayavil-o-vozmozhnoi-svyazi-nasiliya-v-shkolah-s-vliyaniem-interneta-2018-01-30/ (дата обращения: 21.12.2018).
20. *Савинов А.В.* Понятие и признаки причинения вреда при необходимой обороне (Подготовлен для системы КонсультантПлюс) // СПС КонсультантПлюс. – 2015 (дата обращения: 21.12.2018).
21. *Сараев Н.В.* Общественно опасные деяния лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, как криминологическая категория: автореферат дис. … канд. юрид. наук / Н.В. Сараев. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
22. *Сахаров А.Б.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1987. – № 11. – С. 111-118.

23. *Слуцкий И.И.* Необходимая оборона в советском уголовном праве / И.И. Слуцкий // Ученые записки ЛГУ. – № 129. – Л., 1951. – С. 161-235.
24. *Тасаков С.* Нравственные начала уголовного закона о необходимой обороне / С. Тасаков // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 80-83.
25. *Тишкевич И.С.* Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич. – М., 1969. – 191 с.
26. *Ткачевский Ю.М.* Институт необходимой обороны / Ю.М. Ткачевский // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2003. – № 1. – С. 20-38.
27. *Ткаченко В.И.* Необходимая оборона по уголовному праву / В.И. Ткаченко. – М., 1979. – 119 с.
28. Уголовное право Российской Федерации. Общая и особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головенков [и др.] ; под ред. А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2017. – 704 с.
29. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 336 с.
30. *Фомин М.А.* Проблемы совершенствования института необходимой обороны в уголовном праве России. Дис. … канд. юрид. наук / М.А. Фомин. – М., 2000. – 215 с.
31. Что толкнуло студента колледжа в Керчи на массовое убийство: четыре версии трагедии. URL: https://www.kp.ru/daily/26896.4/3940615/ (дата обращения: 25.12.2018).

References

1. Federal Law of 07.02.2011 № 3-FL «On the Police» // Russian Newspaper. – № 25. – 08.02.2011.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 № 19 «On the application by courts of legislation on the necessary defense and harm during the detention of a person who committed a crime» // Russian Newspaper. – № 227. – 03.10.2012.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 16.08.1984 № 14 «On the application by courts of legislation that provides the right to the necessary defense against socially dangerous encroachment» // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. – 1984. – № 5.
4. *Anianz M.K.* Responsibility for crimes against life / M.K. Anianz. – M., 1964. – 212 p.
5. *Baibarin A.A.* On the issue of the minimum age of criminal responsibility / A.A. Baibarin // Gaps in the Russian legislation. Juridical journal. – 2008. – № 2. – – P. 224-226.
6. *Blagov E.V.* The Criminal Law of Russia. General part: Textbook for undergraduate students / E.V. Blagov; Exec. Ed. Y.V. Gracheva. – M.: SRC INFRA-M: Contract, 2013. – 368 p.
7. In the Oktyabrsky district, investigators investigate the circumstances of the incident in one of the local schools within the framework of the criminal case. The official website of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Buryatia // URL: http://buryatia.sledcom.ru/news/item/1196778 (reference date: 30.01.2018).
8. *Voldimarova N.G.* Criminal liability for murder in excess of the necessary defense limits. Dis. ... cand. of legal sciences / N.G. Voldimarova. – M., 2003. – 220 p.
9. *Gilinsky Y.I.* From what age can you be held criminally responsible / Y.I. Gilinsky, S.F. Milyukov // Universum: Bulletin of the Herzen University. – 2012. – № 1. – P. 121-125.
10. *Davydenko V.M.* Criminally-legal value of age for differentiating the responsibility of minors / V.M. Davydenko // The lawyer. – 2011. – № 3. – P. 35-38.
11. *Domakhin S.A.* Extreme need for Soviet criminal law / S.A. Domakhin. – M., 1955. – 79 p.
12. Information on the progress of the investigation of a criminal case initiated on the fact of the unknown disappearance of a 12-year-old resident of Yeletsky settlement of Vorkuta. The official site of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Komi Republic // URL: http://komi.sledcom.ru/news/item/1099070 (reference date: 21.12.2018).
13. *Kleimenov M.P.* Criminology: a textbook / M.P. Kleimenov. – 2nd ed., rec. and add. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2015. – 432 p.
14. *Konyukhova K.* Psychiatrist about the wave of attacks on schools: «Real talents do not allow them to gain popularity among their peers, so children begin to commit meaningless acts» / K. Konyukhova // Komsomol Truth // URL: https://www.kp.ru /daily/26784.7/3817510/ (reference date: 21.12.2018).
15. *Konyukhova K.* Analysis without hysterics: do our children's societies push suicide / K. Konyukhova // Komsomol Truth // URL: https://www.kp.ru/daily/26531.4/3548268/ (reference date: 21.12.2018).
16. Criminology: a textbook / ed. V.N. Kudryavtsev, V.E. Eminov. – 5th ed., rec. and add. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2015. – 800 p.
17. *Naumov A.V.* Russian criminal law. General part: Course of lectures. In 2 vols. Vol. 1 / A.V. Naumov. – M., 1996. – 496 p.
18. *Orekhov V.V.* Necessary defense and other circumstances that exclude the crime of the deed: monograph / V.V. Orekhov. – St. Petersburg., 2003. – 217 p.
19. Putin spoke about the possible connection of violence in schools with the influence of the Internet // RNS news agency // URL: https://rns.online/internet/Putin-zayavil-o-vozmozhnoi-svyazi-nasiliya-v-shkolah-s-vliyaniem-interneta-2018-01-30 / (reference date: 21.12.2018).

20. *Savinov A.V.* The concept and signs of causing harm with the necessary defense (Prepared for the system ConsultantPlus) // LRS ConsultantPlus. – 2015 (reference date: 21.12.2018).
21. *Sarayev N.V.* Socially dangerous acts of persons who have not reached the age of criminal responsibility, as a criminological category: thesis abstract of the dis. ... cand. of legal sciences / N.V. Sarayev. – Rostov-on-Don, 2007. – 27 p.
22. *Sakharov A.B.* Circumstances precluding criminal liability / A.B. Sakharov // Soviet state and law. – 1987. – № 11. – P. 111-118.
23. *Slutsky I.I.* Necessary defense in Soviet criminal law / I.I. Slutsky // Scientific notes of Leningrad State University. – № 129. – L., 1951. – P. 161-235.
24. *Tasakov S.* Moral principles of the criminal law on the necessary defense / S. Tasakov // Criminal law. – 2006. – № 5. – P. 80-83.
25. *Tishkevich I.S.* Conditions and limits of necessary defense / I.S. Tishkevich. – M., 1969. – 191 p.
26. *Tkachevsky Y.M.* Institute of necessary defense / Y.M. Tkachevsky // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. – 2003. – № 1. – P. 20-38.
27. *Tkachenko V.I.* Necessary defense in criminal law / V.I. Tkachenko. – M., 1979. – 119 p.
28. Criminal law of the Russian Federation. General and special parts: textbook / T.B. Basova, E.V. Blagov, P.V. Golovenkov [and others]; Ed. A.I. Chuchaev. – Moscow: CONTRACT: INFRA-M, 2017. – 704 p.
29. Criminal law of the Russian Federation. General part: Textbook / Ed. prof. L.V. Inogamova-Hegai. – 2nd ed. – Moscow: INFRA-M, 2014. – 336 p.
30. *Fomin M.A.* Problems of improving the institution of necessary defense in the criminal law of Russia. Dis. ... cand. of legal sciences / M.A. Fomin. – M., 2000. – 215 p.
31. What pushed a college student in Kerch to a massacre: four versions of the tragedy. URL: https://www.kp.ru/daily/26896.4/3940615/ (reference date: 25.12.2018).

УДК 343.352

Новиков В.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
nva-2007@mail.ru

Шиян В.И.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
valentina-shiyan@yandex.ru

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ (СТ. 138[1] УК РФ): СОСТОЯНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Противоправное использование современных информационных технологий способствует совершению широкого круга преступлений, которые причиняют вред самым разнообразным общественным отношениям. В числе таких преступлений – незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 138[1] УК РФ. Это преступление нарушает конституционные права и свободы человека и гражданина. Ввиду специфики его совершения, оно характеризуется высокой латентностью и находится за рамками официальной статистики. Регистрируется только незначительная их часть. В период с 2014 по 2018 года их суммарное число составило 1815 преступлений. В статье представлены результаты изучения материалов судебной практики, рассмотрены проблемы правоприменительной практики. Акцентировано внимание на важности производства судебно-технической экспертизы, представлены наиболее распространенные виды специальных технических средств, предназначенные для негласного получения информации, а также их общие видовые признаки. Авторы показали специфику альтернативных действий, образующих объективную сторону исследуемого преступления, рассмотрели юридическую конструкцию его состава, обозначили свою позицию по поводу изменения уголовного законодательства.

Ключевые слова: незаконный оборот специальных технических средств, негласное получение информации, состояние преступности, динамика преступлений, описательно-бланкетная диспозиция, квалификация преступлений

Novikov V.,
of Law Institute of the Russian university of transport (MIIT),
Masters of Laws, Associate Professor

Shiyan V.
of Law Institute of the Russian university of transport (MIIT),
Masters of Laws, Associate Professor

ILLEGAL TURNOVER OF SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENT INTENDED FOR THE UNSPECTED RECEIPT OF INFORMATION (ART. 138[1] OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): STATE AND ACTUAL QUALIFICATION QUESTIONS

The unlawful use of modern information technology contributes to the commission of a wide range of crimes that harm a wide variety of social relations. Among these crimes is the illicit trafficking of special technical means intended for secretly obtaining information, the criminal liability for which is provided for in Art. 138[1] of the Criminal Code. This crime violates the constitutional rights and freedoms of man and citizen. Due to the specifics of its commission, it is characterized by high latency and is beyond the scope of official statistics. Only a small part of them is registered. In the period from 2014 to 2018, their total number amounted to 1815 crimes. The article presents the results of studying the materials of judicial practice, examines the problems of law enforcement practice. Attention is focused on the importance of conducting a forensic technical examination, the most

common types of special technical equipment intended for secretly receiving information, as well as their general species characteristics, are presented. The authors showed the specifics of alternative actions that form the objective side of the crime under investigation, examined the legal structure of its composition, outlined their position regarding the change in criminal law.

Keywords: illicit trafficking in special technical means, tacit receipt of information, crime status, crime dynamics, descriptive-blanket disposition, qualification of crimes

Статья 138[1] УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (далее – СТС). Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 138[1] УК РФ, во многом обусловливается тем, что с помощью СТС может совершаться широкий спектр других преступлений: нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ); незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, при выполнении ими своих должностных обязанностей (ст. 203 УК РФ); государственная измена в форме шпионажа (ст. 275 УК РФ); шпионаж (ст. 276 УК РФ) и др. Использование специальных и иных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в качестве квалифицирующего признака преступления предусмотрено в составе незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну (п. «г» ч. 2 ст. 283[1] УК РФ).

По причине высокой латентности указанных деяний, а также принимая во внимание, что для их документирования требуется проведение долговременных оперативно-розыскных мероприятий, правоохранительным органам удается выявлять лишь единичные случаи совершения преступлений с использованием СТС. Так, согласно данным официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» по итогам 2018 года зарегистрировано всего 289 преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ. В течение последних пяти лет максимальное их значение (434 преступления) зафиксировано в 2017 году (табл. 1).

Динамике исследуемого вида преступлений свойственен волнообразный характер. В настоящее время наблюдается снижение числа преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ. Причем темпы их снижения (–33,4% к 2017 году) в десять раз выше общероссийского показателя (–3,3%). В тоже время в Приволжском федеральном округе, на фоне общего снижения преступности отмечается рост числа таких зарегистрированных преступлений (+5,2%) и лиц, их совершивших (+2,0%).

Наибольшее количество преступлений фиксируется в Центральном и Приволжском федеральных округах (табл. 2). Суммарно их доля в структуре всех зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ составляет 42,6%.

Результаты анализа материалов судебной практики позволяют констатировать, что нередко СТС приобретаются или изготавливаются с целью незаконного собирания сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну (ст. 137 УК РФ). СТС используется в качестве средства совершения преступления, позволяющего негласно получить конфиденциальные сведения.

Так, с целью собирания сведений о частной жизни своей бывшей жены, составляющих ее личную тайну, гражданин А. из подручных средств кустарным способом собрал техническое устройство, позволяющее регистрировать акустические сигналы. После этого он скрытно установил в квартире потерпевшей миниатюрный радиомикрофон, и некоторое время осуществлял прослушивание разговоров. В соответствии с заключением эксперта изготовленное устройство по функциональным возможностям и конструктивным особенностям относится к специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения акустической информации. Действия А. квалифицированы судом по ст. 138[1] и ч. 1 ст. 137 УК

Таблица 1.

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ и лиц, их совершивших в 2014–2018 год

Показатели динамики	Годы					Прирост/ снижение к 2017 г., %
	2014	2015	2016	2017	2018	
Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ	376	385	331	434	289	–33,4
Количество лиц, выявленных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 138[1] УК РФ	282	344	296	386	292	–24,4

Таблица 2.

Ранжирование федеральных округов по приросту (снижению) количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 1381 УК РФ по итогам 2018 года

Ранг	Федеральный округ	Количество зарегистрированных преступлений	Прирост / снижение к 2017 г. (%)
1	Приволжский ФО	61	+5,2
2	Северо-Кавказский ФО	24	–27,3
3	Центральный ФО	62	–27,9
4	Дальневосточный ФО	21	–30,0
5	Уральский ФО	29	–37,0
6	Северо-Западный ФО	25	–39,0
7	Сибирский ФО	37	–41,3
8	Южный ФО	13	–72,3

РФ (Уголовное дело № 1-271/2017, Архив Лесосибирского городского суда Красноярского края).

Рассматриваемая уголовно-правовая норма имеет смешанную (описательно-бланкетную) диспозицию. Производство, приобретение и (или) сбыт СТС являются общественно опасными и наказуемыми только в случаях незаконности перечисленных действий. В соответствии со ст. ст. 4, 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» СТС используются для целей оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Перечень СТС, разрешенных к использованию, приводится в Постановлении Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770. Лицам, не уполномоченным на осуществление ОРД, запрещено использование СТС. Ввоз в РФ и вывоз за ее пределы СТС физическими и юридическими лицами, не уполномоченными на осуществление ОРД, допускается только на основании лицензии, порядок выдачи которой определен постановлением Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214 и другими нормативными правовыми актами. Оборот СТС будет незаконным, если он осуществляется с нарушением действующего законодательства.

В рассматриваемом составе СТС является предметом преступления. Вопрос об отнесении технического устройства к СТС является достаточно сложным. В нормативных правовых актах описание признаков СТС практически отсутствует. В постановлении Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214 определены только виды СТС: для негласного получения и регистрации акустической информации; для негласного прослушивания телефонных разговоров; для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений; для негласной идентификации личности и др. Всего указано десять видов СТС.

В примечаниях 1 и 2 данного постановления также сказано о том, что СТС определяются наименованием и кодом товара по ТН ВЭД ЕАЭС. При этом СТС могут быть как закамуфлированными под бытовые предметы, так и незакамуфлированными, если это не указано специально. Например, видеокамера является СТС, если она закамуфлирована под бытовой предмет (шариковую ручку, часы, очки, брелок сигнализации автомобиля и т.п.); имеет вынесенный зрачок входа (PIN-HOLE) либо способна работать при низкой освещенности (0,01 люкс и менее).

Для идентификации устройства как СТС следователь и суд должны располагать заключением специалиста или эксперта. Предпочтение следует отдавать экспертному исследованию, особенно в тех случаях, когда СТС изготовлено кустарным способом. При производстве судебно-технической экспертизы применяется «Общая методика исследования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», разработанная Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России.

На основе выборочного исследования судебных решений, размещенных в Государственной автоматизированной системе «Правосудие», можно назвать наиболее распространенные виды СТС, незаконный оборот которых послужил основанием для уголовного преследования: видеокамеры, закамуфлированные под дымовой пожарный датчик, зажигалку, брелок сигнализации автомобиля, пуговицу; видеокамеры, встроенные в солнцезащитные очки, шариковые авторучки, наручные и настольные часы; диктофоны, закамуфлированные под флеш-карту, авторучку, футляр от губной помады; кодграббер (устройство для перехвата сигнала и отключения охранной сигнализации автомобиля).

Конституционный Суд РФ в постановлении от 31 марта 2011 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других» называет некоторые общие видовые признаки СТС. В частности, отмечается, что СТС могут быть закамуфлированы под предметы другого функционального

назначения (например, бытовые приборы); в силу малогабаритности, замаскированности или иных технических характеристик их обнаружение возможно только при помощи специальных устройств; имеют технические параметры, обозначенные в нормативных правовых актах; функционально предназначены для использования специальными субъектами. При этом предметы и устройства, рассчитанные только на бытовое использование массовым потребителем, не являются предметом данного преступления, если им путем технической переделки не приданы свойства, позволяющие негласно (т.е. тайно, неочевидно, скрытно) получать информацию.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 8 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138[1], 139, 144[1], 145, 145[1] Уголовного кодекса Российской Федерации» разъяснил судам, что технические устройства (смартфоны, диктофоны, видеорегистраторы и т. п.) могут быть отнесены к СТС только при условии, что им преднамеренно путем технической доработки, программирования или иным способом приданы новые качества и свойства, позволяющие с их помощью негласно получать информацию.

В научных публикациях предпринимаются попытки дать определение СТС путем перечисления их основных признаков. Так, по мнению В.В. Гирийчука, СТС – это совокупность технических устройств и приспособлений, ограниченных в обороте, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для контролируемого, негласного получения информации с целью решения задач оперативно-розыскной деятельности [2, 196]. Т.М. Лопатина предлагает следующий вариант определения: «Под специальным техническим средством, предназначенным для негласного получения информации понимается аппаратное устройство, предназначенное или используемое для негласного перехвата и сохранения информации» [3, 78].

Отсутствие в действующем законодательстве общего понятия и описания признаков СТС негативно отражается на судебной практике. Вследствие существующих пробелов в законодательстве существенно ущемляется право обвиняемого на защиту по уголовным делам данной категории. Достоверность выводов эксперта об отнесении устройства к СТС невозможно проверить и оспорить. При производстве экспертных исследований применяются общие и частные методики, представляющие собой документы для служебного пользования. Сторона защиты вынуждена принимать на веру достоверность выводов, содержащихся в заключениях экспертов. Очевидно, что назрела необходимость в разработке и принятии специального нормативного правового акта, регулирующего проблемные вопросы оборота СТС, в котором бы содержалось описание не только родовых (общих), но и индивидуальных признаков СТС разных видов.

Объективная сторона преступления характеризуется альтернативными действиями – незаконными производством, приобретением и (или) сбытом СТС. Под незаконным производством понимают изготовление одного или более экземпляров СТС, которые по своим техническим характеристикам позволяют негласно получать информацию. В составе данного преступления понятием «производство» охватывается не только серийный выпуск, но и единичные случаи изготовления СТС промышленным или кустарным способом. Этот вывод основывается на материалах судебной практики.

С целью сбыта Е. изготовил специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, путем встраивания миниатюрной видеокамеры в корпус датчика пожарной сигнализации. В ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «контрольная закупка» он был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Действия Е. квалифицированы судом по ст. 138[1] УК РФ как производство и сбыт СТС (Уголовное дело « 1-149/2016, Архив Советского районного суда г. Томска).

Незаконное приобретение состоит в получении СТС с нарушением действующего законодательства. Как уже отмечалось, лица, не являющие субъектами ОРД, вправе осуществлять предпринимательскую деятельность по производству, реализации и приобретению СТС только на основании лицензии. Способы незаконного приобретения СТС могут быть различными: купля-продажа, мена, получение в дар, принятие СТС в качестве оплаты за выполненные работы или оказанные услуги, путем хищения и др.

Под незаконным сбытом следует понимать передачу СТС другим лицам в результате совершения различных сделок, например, купли-продажи, дарения, мены и др. В соответствии со ст. 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью заведомо противной основам правопорядка, является ничтожной и считается недействительной с момента ее совершения [1, 105].

Состав рассматриваемого преступления является формальным. Объективная сторона характеризуется только одним обязательным признаком – деянием, состоящим в незаконном производстве, приобретении и (или) сбыте СТС. Соответственно преступление считается оконченным в момент изготовления, приобретения или сбыта СТС.

Покушение на преступление в формальных составах характеризуется незавершенностью действий виновного лица. К примеру, в судебной практике по-

кушением на незаконное приобретение СТС признаются случаи их изъятия из международных почтовых отправлений органами Федеральной таможенной службы РФ. Запрещенные к обороту СТС не попадают в руки незаконных приобретателей, но такие действия уже образуют состав неоконченного преступления и квалифицируются по ч. 3 ст. 30, ст. 138[1] УК РФ.

Незаконное производство считается оконченным преступлением в тех случаях, когда все необходимые работы по изготовлению СТС полностью завершены, а само устройство по своим техническим характеристикам может использоваться для негласного получения информации. Если деятельность лица пресечена на этапе изготовления СТС, то такие действия квалифицируются как покушение на преступление по ч. 3 ст. 30, ст. 138[1] УК РФ.

Преступление, предусмотренное ст. 138[1] УК РФ, может быть совершено только с прямым умыслом. Интеллектуальный элемент вины характеризуется осознанием лицом того, что оно совершает оборот (приобретение, изготовление или сбыт) СТС с нарушением установленного порядка. Пленум Верховного Суда РФ в п. 9 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 разъяснил судам, что, приобретение СТС через Интернет-ресурсы, где они рекламировались как устройства бытового назначения, указывает на невиновность, если выяснится, что лицо добросовестно заблуждалось относительно фактического предназначения приобретаемого технического устройства.

В п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ также содержится очень важное пояснение, в соответствии с которым не образуют состава рассматриваемого преступления действия лица, приобретшего СТС с намерением использовать для обеспечения своей безопасности или безопасности членов семьи, контроля над домашними животными, если не предполагалось его применение в качестве средства посягательства на конституционные права и свободы граждан.

Следует отметить, что цель приобретения СТС не указана в качестве конструктивного признака субъективной стороны состава данного преступления. Поэтому незаконное приобретение СТС с любой целью образует состав преступления. По нашему мнению, позиция Пленума Верховного Суда РФ основана на том, что ряд СТС являются техническими устройствами двойного назначения и могут использоваться в быту с общественно полезными целями, например, для контроля над малолетними детьми, недееспособными или престарелыми членами семьи, домашними животными. В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ такие действия только формально содержат признаки состава преступления и в силу малозначительности не представляют общественной опасности. Незаконный оборот СТС можно считать общественно опасным только в тех случаях, когда предполагается их дальнейшее использование в качестве средства совершения других преступлений.

Данный комментарий высшей судебной инстанции должен положить конец сомнительной следственной и судебной практике привлечения к уголовной ответственности граждан, приобретающих СТС для удовлетворения бытовых нужд. В качестве примера такого малозначительного деяния, заслуживающего отказа в возбуждении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, можно привести фабулу следующего «преступления».

За покушение на незаконное приобретение СТС Б. была осуждена судом по ч. 3 ст. 30, ст. 138[1] УК РФ. На одном из Интернет-сайтов она заказала GSM-трекер. При таможенном досмотре международного почтового отправления он был изъят сотрудниками ФТС России. По заключению эксперта устройство относится к числу СТС, свободный оборот которых на территории РФ запрещен.

Вину в инкриминируемом деянии Б. не признала и на допросе в суде показала, что находилась в декретном отпуске и не могла каждый день встречать дочь из учебного заведения. В районе проживания их семьи криминогенная ситуация является неблагополучной. По пути из школы домой расположены кафе и магазины, нередко встречаются нетрезвые люди, между которыми иногда возникают драки. Указанное техническое устройство она приобрела с целью обеспечения безопасности своего ребенка. На упаковочной коробке были изображены дети, автомобили и животные. Устройство имело кнопку «SOS» для подачи тревожного сигнала на телефон. Никаких сведений о том, что данное техническое средство запрещено к использованию, на сайте компании-продавца не имелось. Тем не менее, суд признал Б. виновной в совершении преступления и назначил ей наказание в виде штрафа в размере 10 тысяч рублей (Уголовное дело № 1-204/2017, Архив Абинского районного суда Краснодарского края).

В заключение следует сказать о том, что в условиях технического прогресса СТС все более активно будут проникать в жизнь человека, использоваться им в повседневной деятельности для достижения общественно полезных целей. Законодателю необходимо изменить подход к регулированию ответственности за незаконный оборот СТС. Использование СТС в качестве средства совершения некоторых преступлений повышает их общественную опасность, и это обстоятельство должно быть учтено путем дополнения ряда составов преступлений соответствующим квалифицирующим признаком. При этом незаконные приобретение или сбыт СТС двойного назначения (шариковые ручки, брелоки, часы, очки, зажигалки со встроенными диктофонами и видеокамерами; тре-

керы и т. п.) можно декриминализировать, переведя их в категорию административных правонарушений. Из материалов проанализированных уголовных дел видно, что за указанные деяния в качестве наказания суды чаще всего применяют небольшие по размеру штрафы, сопоставимые со штрафами, назначаемыми за административные правонарушения. Предлагаемые изменения уголовного законодательства также положительно повлияют на деятельность правоохранительных органов, переориентировав их на борьбу с более опасными преступлениями, совершаемыми с использованием СТС.

Список литературы

1. *Борисов А.В.* О некоторых ошибках при квалификации коррупционных преступлений, совершаемых в сфере автодорожного хозяйства. В книге: Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 частях. – М., 2017. С. 104-108.
2. *Гирийчук В.В.* К вопросу о понятии специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, применяемых в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 194-197.
3. *Лопатина Т.М.* Совершенствование уголовно-правового регулирования использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 4 (106). С. 75-78.

References

1. *Borisov A.V.* About some mistakes in qualifying corruption crimes committed in the field of road economy. In the book: Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education IV Moscow Law Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafa Readings): conference proceedings: in 4 parts. - M., 2017.S. 104-108.
2. *Giriychuk V.V.* To the question of the concept of special technical means intended for secretly obtaining information used in the operational-search activity of internal affairs bodies // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 3 (27). S. 194-197.
3. *Lopatina T.M.* Improving the criminal law regulation of the use of special technical means designed for tacit information obtaining // Russian Law: Education, Practice, Science. 2018. No. 4 (106). S. 75-78.

УДК 34.01

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующая сектором Информационного права и международной информационной безопасности, Институт государства и права Российской академии наук,
polyakova_ta@mail.ru

Минбалеев А.В.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора Информационного права и международной информационной безопасности, Институт государства и права Российской академии наук,
alexmin@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ БОЛЬШИХ ВЫЗОВОВ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА[1]

В статье авторы рассматривают актуальные проблемы формирования системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе и трансформации права. Авторы отмечают, что традиционный подход построения системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, основанный на иерархичной системе нормативного правового регулирования, нуждается в переосмыслении. Особо выделяются международные факторы, условия и закономерности, обусловливающие этот процесс – смена парадигм в международном правовом регулировании сферы информационной безопасности, создание права межгосударственных союзов и образований (интегративных объединений), повышение роли международных принципов правового обеспечения информационной безопасности, развитие международных угроз в сфере кибербезопасности. На международном уровне все большее влияние на трансформацию правового обеспечения информационной безопасности оказывают и процессы усложнения цифровых технологий, прежде всего, искусственного интеллекта и киберфизических систем, нейронных сетей, квантовых технологий. Значительный вклад в процессы трансформации правового обеспечения информационной безопасности вносит и стремительное развитие законодательства в сфере информационной безопасности на национальном уровне. Отмечается проблема влияния цифровых технологий на развитие сферы информационной безопасности в целом и ее правового обеспечения; проблема развития понятийного аппарата и научных исследований в указанных сферах.

Ключевые слова: цифровая трансформация, риски и угрозы, информационная безопасность, цифровые технологии, глобальная цифровая экономика, информационное общество

Polyakova T.,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Head of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Minbaleev A.,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

ACTUAL PROBLEMS OF THE FORMATION OF A SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF INFORMATION SECURITY IN THE FACE OF BIG CHALLENGES IN THE GLOBAL INFORMATION SOCIETY AND THE TRANSFORMATION OF LAW

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16013 «Исследование концептуальных подходов к формированию системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе».

In the article the authors consider the actual problems of formation of the system of legal regulation of information security in the conditions of big challenges in the global information society and transformation of law. The authors note that the traditional approach of building a system of legal regulation of information security, based on a hierarchical system of legal regulation, needs to be rethought. Emphasizes international factors, conditions and patterns that contribute to this process – a paradigm shift in the international legal regulation of information security, the creation of law international alliances and formations (integrative associations), promoting the international legal principles of information security, the development of international threats to cyber security. At the international level, the increasing complexity of digital technologies, primarily artificial intelligence and cyber-physical systems, neural networks and quantum technologies, has an increasing impact on the transformation of the legal provision of information security. The rapid development of legislation in the field of information security at the national level also makes a significant contribution to the transformation of the legal provision of information security. The problem of the influence of digital technologies on the development of information security in General and its legal support; the problem of the development of conceptual apparatus and research in these areas.

Keywords: digital transformation, Risks and threats, information security, digital technologies, global economy, information society

Необходимость исследования сегодня концептуальных подходов к формированию системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе во многом связано с построением цифровой экономики, переходом к шестому экономическому укладу, постиндустриальному обществу новой формации, а также с необходимостью модернизации и трансформации права, его системы, структуры, выявления междисциплинарных связей и различий в этой сфере, комплексного правового регулирования отношений в сфере информационной безопасности. Традиционный подход построения системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, основанный на иерархичной системе нормативного правового регулирования, нуждается в переосмыслении. Можно выделить при этом в первую очередь международные факторы, условия и закономерности, обусловливающие этот процесс – это и смена парадигм в международном правовом регулировании сферы информационной безопасности, создание права межгосударственных союзов и образований (интегративных объединений), повышение роли международных принципов правового обеспечения информационной безопасности, развитие международных угроз в сфере кибербезопасности. На международном уровне все большее влияние на трансформацию правового обеспечения информационной безопасности оказывают и процессы усложнения цифровых технологий, прежде всего, искусственного интеллекта и киберфизических систем, нейронных сетей, квантовых технологий. Значительный вклад в процессы трансформации правового обеспечения информационной безопасности вносит и стремительное развитие законодательства в сфере информационной безопасности на национальном уровне.

Опыт зарубежных государств и отечественный опыт свидетельствует о лавинообразном процессе принятия огромного массива правовых, технических, этических, организационных норм, направленных на регулирование самых различных процессов в сфере обеспечения информационной безопасности. Большие вызовы в условиях информационного общества обусловливают необходимость поиска более универсальных, сложноорганизованных механизмов построения системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, учитывающих особенности механизмов трансформации права, необходимость более тесного развития правовых, технических, моральных и корпоративных норм. Опыт отдельных государств в условиях открытости нормативной правовой среды мгновенно трансформируется, усовершенствуется и реализуется в других государствах. Формируются закономерности предпочтений законодательных заимствований в сфере обеспечения информационной безопасности одних государств, интегративных объединений у других. Такие закономерности часто проявляются на европейском континенте, в странах Юго-Восточной Азии, на постсоветском пространстве. Причем чаще всего мы можем говорить о положительном опыте рецепции регуляторных механизмов в рамках происходящих процессов. Например, можно указать удачный пример рецепции китайского законодательства о кибербезопасности Вьетнамом [1, с. 64-68]. На уровне отдельных государств часто реализуются и прорывные, инновационные проекты по созданию уникальных правовых режимов в сфере тех или иных институтов в сфере информационной безопасности – это и вопросы идентификации и аутентификации, в том числе с использованием технологий искусственного интеллекта и нейронных сетей, информационной безопасности интернета вещей и промышленного интернета, информационной безопасности информационной инфраструктуры и др.

Все выше обозначенные факторы оказывают системное воздействие на развитие ряда институтов в сфере правового регулирования обеспечения информационной безопасности.

Возрастает также и значение междисциплинарных исследований, проектов, связанных с процессами активизации перехода к цифровой эпохе во всех сферах жизнедеятельности общества, выработке государственной политики, включая формирование системы стратегического планирования в данной сфере, информационно-правовые вопросы совершенствования системы государственного управления в целях обеспечения развития права в условиях формирования информационного общества, цифровой экономики, а также и реализации стратегических задач обеспечения информационной безопасности. Уделяется все больше внимания такому направлению как международная информационная безопасность, Эволюцию цифрового общества или так называемой «цифровой цивилизации» принято связывать с активным внедрением в нашу жизнь сквозных цифровых технологий – больших данных, облачных технологий, искусственного интеллекта и робототехники, нейротехнологий, систем распределенного реестра, включая блокчейн, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей и т.д.

В связи с этим важно сформировать новые подходы к проблемам гармонизации и комплексному межотраслевому правовому регулированию обеспечения информационной безопасности на основе разработки национальных стратегических программных документов нового поколения и новой регуляторной среды (построенной на основе системы различных по своей природе регуляторов), для обеспечения благоприятного правового режима развития современных информационных технологий и обеспечения информационной безопасности. Учитывая эти обстоятельства требуются современные правовые подходы, вызванные появлением по сути новых общественных отношений, новых регуляторов, развитием системы экспериментальных правовых режимов, появлением новых субъектов и объектов правоотношений, необходимостью трансформации института ответственности с учетом возрастания рисков и угроз в сфере обеспечения информационной безопасности. В этой связи заслуживают ряд предложений в сфере происходящих процессов трансформации законодательства в информационной сфере в целом и в сфере информационной безопасности, в частности [2-6]. Как показывают результаты диссертационных исследований В.Б. Наумова, А.К. Жаровой, Г.Г. Камалововой, Р.В. Амелина особого внимания в период так называемой цифровой трансформации заслуживают вопросы идентификации, информационной инфраструктуры, информации ограниченного доступа, развития законодательства об информационных системах, юридической ответственности в информационной сфере, также, безусловно, необходимо развитие системы правовых средств в области обеспечения информационной безопасности.

Среди актуальных проблем формирования системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе и трансформации права прежде всего следует выделить проблему влияния цифровых технологий на сферу информационной безопасности. Следует признать, что сегодня в самых разных сферах активизировались процессы практического внедрения цифровых технологий, включая и киберфизические системы. Так, уже никого не удивишь появлением беспилотников (квадракоптеров) не только в сфере транспорта. Изучается активно зарубежный опыт такого применения.[1] В США в конце 2018 г. Агентство Associated Press сообщило, что в воздушном пространстве США работает 110 тыс. коммерческих беспилотников (курьерские услуги). Соответствующие проекты разрабатываются крупнейшей в мире системой онлайн-торговли (Amazon). По прогнозам их число увеличится к 2022 г. более чем в 4 раза. Их использование увеличивается в геометрической прогрессии. [7] В качестве примера такого использования можно привести проекты по фактической замене курьерских услуг на доставку продукции посредством беспилотных летательных аппаратов. По различным оценкам в России возможный объем перевозок беспилотниками сопоставим с грузооборотом гражданской авиации[2], основные магистрали например, для беспилотной доставки могут быть особенно востребованными в тех местах, где ограничены возможности связи, энергетики (Дальний Восток, Камчатка, Сибирь и др.) Новые возможности применения таких технологий состоят не только в прорывных технологиях, которые позволят беспилотникам видеть друг друга, но потребуют решения и правовых проблем, связанных с их применением. Такие объекты ждут на рынке нефтегазовые компании, МЧС, банки, они могут осуществлять мониторинг электропередач, трубопроводов, осуществлять поиск людей в лесу, и многое другое (телеоператоры, фотографы) [8]. Анализ рынка функционирования беспилотников свидетельствует о необходимости решить множество правовых вопросов (сертификации, страхования ответственности, обеспечения как тех-

[1] Например, в Австралии с 2014 г. в Канберре совершено более 70 тыс. испытательных полетов

[2] По мнению специалистов и предварительным оценкам потенциальны рынок доставки грузов в России огромный (может составить от 550 до 600 млрд.руб. в год

нической, так и информационной безопасности) и решать их нужно системно.

Журналисты и специалисты в сфере IT отмечают, что в ближайшем будущем дроны станут полноценными роботами, объединятся в рой и получат некоторую степень автономности в рамках нейросетей. Они будут накапливать информацию, анализировать ее по заданному алгоритму, самостоятельно реагировать (распознавать человека на фото (сейчас они проходят тестирование, такая сеть фактически создана (например, проект «Одиссея» по поиску заблудившихся людей в лесу) [9].

Одним из перспективных направлений (полигонов) цифровизации и внедрения инновационных решений становятся транспортные системы, где также уже сегодня используются технологии беспилотных транспортных средств для промышленного производства (AGV) автоматической идентификации с моментальной передачей данных и блокчейн. Эксперты планируют изменение транспортных систем под влиянием беспилотных технологий, повышением требований к охране окружающей среды, колебаний цен на топливо, изменениями в управлении рабочей силы. На пространстве ЕАЭС главным вызовом становится проблема эффективности международной кооперации организаций транспорта и логистики, а также межотраслевого взаимодействия. Все это связано с развитием цифровых технологий, однако отрыв новой практики от существующей нормативно-правовой базы очевиден. Бесспорно, сегодня необходимо стратегическое планирование в данном направлении, принятие закона о едином тарифном регулировании, создание единого информационно транспортного и логистического пространства.

Несмотря на развитие кибефизических систем пока не нашли должных правовых решений вопросы их правосубъектности, ответственности, а также целый ряд возникающих в связи с этим проблем этического характера. В более широком смысле также очевидно, что все это требует системных научно обоснованных проектов в области информационной безопасности и ее составляющей – кибербезопасности. Представляется, что именно в таком соотношении целесообразно рассматривать эти проблемы.

Одним из таких передовых направлений развивающейся цифровизации сегодня заявлена выработка Национальной стратегии развития технологий в области искусственного интеллекта, что важно для науки, образования, управления и практически всех сфер нашей жизни. На необходимость разработки и принятия такого комплексного, по сути, и стратегического политико-правового документа было обращено в этом году внимание в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина, как на одно из ключевых направлений технологического развития, определяющих будущее всего мира. В связи с этим очевидна важность технологий искусственного интеллекта, которые позволят в режиме реального времени обеспечивать быстрое принятие оптимальных решений на основе анализа гигантских объёмов информации, так называемых «больших данных». Как отметил Президент Российской Федерации, «такие разработки не имеют аналогов в истории по своему влиянию на экономику и на производительность труда, на эффективность управления, образования, здравоохранения и на повседневную жизнь людей» [10]. Также справедливо обращается внимание на то, что борьба за лидерство в сфере технологий и особенно сегодня в сфере искусственного интеллекта, уже стала полем глобальной конкуренции. А динамика создания новых технологий, продуктов и научных решений растёт экспоненциально, что в современных условиях подтверждает справедливость фразы, «тот, кто сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта тот станет властелином мира» [10].

В настоящее время отмечается рост зависимости человечества от технологий, включая Интернет. Это требует в свою очередь оперативной и системной реакции различных общественных институтов и определяет один из главных вызовов векторов развития информационного права и правового обеспечения информационной безопасности. Чтобы успешно справляться с современными вызовами и угрозами правовой науке и особенно в информационном праве нужны новые теоретические и практические решения, определяющие принципы и закономерности их организации и развития, которые повысят эффективность правоприменения в условиях современной цифровой трансформации и меняющегося мира.

Для определения с позиции информационного права тенденций развития правового обеспечения информационной безопасности в условиях формирования цифровой экономики, цифровизации государственного управления, глобализации цифрового пространства необходим анализ современных правовых рисков и угроз в области правового обеспечения информационной безопасности, синергии этих процессов, разработки и реализации национальных проектов, исследование правовых проблем совершенствования системы документов стратегического планирования, а также роли юридического прогнозирования в условиях цифровизации и трансформации права. Указанный перечень, однако, не является исчерпывающим, а лишь в общем виде отражает эту проблематику.

Новые цифровые технологии находятся в постоянном процессе экспоненциального развития, характерном для формирования глобального информационного общества,[3] и уже являются в определенной

[3] Именно этим характеризуется конец XX и начало XXI (информационного) веков, человечество столкнулось с реаль-

степени реальностью, связанной с новыми вызовами и угрозами информационной безопасности и трансформацией системы права. Это относится и к системе международного права.

Таким образом, следует признать, что инерционность развития права и правовой науки не позволили пока создать необходимые правовые механизмы, инструменты для защиты личности, общества и государства от новых вызовов и угроз, преодоления рисков, исследовать и обосновать роль и место синергетических процессов в данной области, учитывая их нелинейность и нетривиальность. Все это требует модернизации правовых подходов к регулированию новых общественных отношений.

Для реализации стратегических, доктринальных задач обеспечения информационной безопасности важны фундаментальные многоаспектные исследования, при этом очевидна роль правового обеспечения, трансформация системы прав человека. Анализ тенденций правового регулирования отношений в информационной сфере в зарубежных государствах, принятие международных актов, свидетельствует о разнообразных подходах. Так, развитие искусственного интеллекта, включая медико-биологические, этические, технологические проблемы, вопросы ответственности – сложная задача, имеющая в современных условиях стратегический характер.[4]

Одной из мировых тенденций сегодня является принятие и реализация стратегических, доктринальных, концептуальных документов, определяющих задачи обеспечения информационной безопасности или кибербезопасности (США, Великобритании, Китая, Российской Федерации, Республики Беларусь и др).

Сегодня появляются новые возможности для реализации в финансовой сфере административных, гражданско-правовых отношений, особенно в области оказания государственных услуг, поставлена задача разработки стандартов в данной области. Возрастают организационно-технические возможности сбора огромного массива информации для контроля различных социальных, экономических, технических процессов («большие данные»). Вместе с тем правовые вопросы в этой сфере пока не разработаны (правовой статус субъектов, правовой режим объектов, обеспечение информационной безопасности). Поставлена задача формирования национальной системы управления данными и по прогнозам такие технологии найдут широкое применение в государственном управлении (особенно отмечается большой массив информации в системах МВД России).

В информационном обществе продолжают существовать и различные виды информации ограниченного доступа (тайны), в основе которых заложен принцип конфиденциальности. Как они соотносятся с развитием права на информацию, вопросы доступа к информации сегодня важная тема научных исследований, имеющих фундаментальный характер. В связи с этим задача формирования и развития основных (базовых) понятий и институализации, а также выявление системных связей и закономерностей важны для развития цифровой экономики, робототехники и искусственного интеллекта, обеспечения информационной безопасности, а также информационной сферы в целом.

Следует согласиться с мнением, что в эпоху цифровой трансформации требуют переосмысления и модернизации право на информацию в условиях появления новых средств коммуникации, коммуникативных теорий в праве [11]. Бесспорно, что ключевое значение в информационной сфере имеет базовое понятие – «информация», которое среди провозглашенных основных прав и свобод активную человека закупочной и гражданина впервые было отражено как известно во Всеобщей торговых декларации внутренней прав также человека воздействуют от 12 декабря 1948 г. В связи с этим особенно важно, что ст. 19 указанной Декларации наряду со свободой различных прибыли убеждений только и свободного выражения мнений предусмотрено невмешательство в личную и семейную жизнь, тайна корреспонденции, защита чести и репутации, свобода мысли, право на свободное выражение убеждений. Положения данной Декларации раскрываются и дополняются в Международных пактах о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах» 1966 г. Подробно не останавливаясь на указанных международных пактах, следует отметить, что прошло уже более 50 лет с момента их принятия и для развития информационного права и информационной безопасности это имеет безусловно важное правовое значение. Уделяя значительное внимание политическим и социальным правам, данные международные акты устанавливают, что государствами должны приниматься меры по охране, развитию и распространению науки, культуры и образования (различных уровней подготовки), уважению свободы для проведения научной и творческой деятельности и все доклады о принимаемых мерах, прогрессе представляются Генеральному Секретарю ООН.

ностью сначала «третьей информационной волны» (Элвин Тоффлер), а затем «четвертой промышленной (технологической) революцией» (Клаус Шваб), и предсказанной «технологической сингулярностью» (Рэй Курцвейл).

[4] *См. работы* Т.В. Черниговской, А.В. Курпатова, многочисленные работы зарубежных авторов, например, Нобелевского лауреата Эрика Кандэля – «В поисках памяти». Активно участвуют в этом процессе не только психологи, биологи, но и юристы. Так, В. Наумов, А. Незнамов, разработавшие проект Основ государственной политики в сфере развития робототехники и технологий искусственного интеллекта, введение в робоправо, новые законы робототехники – регуляторный ландшафт и др.).

Как отмечал Сесар Идальго «Вселенная состоит из энергии, материи и информации, однако, именно информация делает Вселенную интересной… Она скрывается в каждой форме и закономерности упорядочивая наш мир и придавая ему смысл» [12]. В связи с этим продолжает оставаться актуальной темой исследований развитие понятийного аппарата в информационной сфере, в том числе в сфере информационной безопасности, важная для совершенствования системы правового регулирования и правоприменения. Как известно в ст. 2 Федерального товаров закона коммерческая от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных мероприятий технологиях продвижении и о защите конечному информации» системы и в ряде других содержится более 20 базовых понятий в информационной сфере (информация, информационные технологии, конфиденциальность, сайт и другие), которые в эпоху цифровизации требуют новых подходов.

Следует согласиться, что необходимы научные исследования в области права, связанные с разработкой понятия и системы информации ограниченного доступа (ст. 9 Федерального товаров закона коммерческая «Об информации, информационных мероприятий технологиях продвижении и о защите конечному информации» системы), поскольку родовых критериев такого вида информации сегодня недостаточно они носят только общие черты, включая и требование конфиденциальности. Также представляется недостаточно изученным понятие вредной информации, как угрозы информационной безопасности. Сегодня подходы к ее определению лишь частично отражены в Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющий вред их здоровью и развитию», хотя само понятие используется в более широком смысле.

Серьезной проблемой в сфере правового обеспечения информационной безопасности является вопрос о развитии научных исследований в данной сфере. Разработка актуальных теоретико-методологических вопросов, направленных на развитие информационного права, формирование системы правового обеспечения информационной безопасности, выявление и обоснование научных проблем и направлений в условиях, происходящих в обществе цифровых трансформаций традиционно является одним из приоритетных направлений научных исследований в Институте государства и права Российской академии наук и это представляется особенно знаковым в год 20-летия создания в стенах этого известнейшего научного учреждения, где впервые в России по инициативе И.Л. Бачило был создан сектор информационного права. Эта специальность в настоящее время активно развивается, является самостоятельной комплексной отраслью, взаимодействующей практически со всеми отраслями права. Следует констатировать, что в условиях трансформации науки и системы образования продолжается ее развитие на всех уровнях: формируются новые магистерские программы, растет число аспирантов и докторантов по этой специальности. Во многих известных юридических вузах в Российской Федерации созданы кафедры информационного права, информационной безопасности и цифровых технологий, которые также участвуют в проведении научных исследований по целому ряду наиболее актуальных информационно-правовых проблем, включая и систему грантов Российского Фонда Федеральных исследований.

Список литературы

1. *Минбалеев А.В.* Правовое обеспечение кибербезопасности во Вьетнаме // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2019. № 1 (31). С. 64-68.
2. Актуальные проблемы информационного права: учеб. для студ., обучающихся по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» / под ред. И. Л. Бачило и М. А. Лапиной. Сер. «Магистратура и аспирантура». М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 534 с.
3. Актуальные проблемы информационного права: учеб. для студ., обучающихся по направлению 40.04.01 «Юриспруденция» / под ред. И. Л. Бачило и М. А. Лапиной. Сер. «Магистратура и аспирантура». М.: Издательство: Компания КноРус, 2019. – 594 с.
4. *Полякова Т.* А., *Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» — Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138—148.
5. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.*Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80-92.
6. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б.* Форсайт-сессия «Информационная безопасность в XXI веке: вызовы и правовое регулирование» //Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 5. С. 194-208.
7. *Васильев А.* В США беспилотники начнут доставлять посылки для населения [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rg.ru/2019/04/24/v-ssha-bespilotniki-nachnut-dostavliat-posylki-dlia-naseleniia.html (дата обращения: 10.09.2019 г.)
8. *Гайва Е., Макарычев М.* Пилоты беспилотников [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rg.ru/2019/04/24/rossijskie-drony-nachnut-massovo-dostavliat-gruzy.html (дата обращения: 10.09.2019 г.)

9. *Елков И.* Им видно все [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://rg.ru/2019/07/02/zabludivshihsia-liudej-smogut-najti-netradicionnymi-sposobami.html (дата обращения: 10.09.2019 г.)
10. *Созаев-Гурьев Е., Галанина А.* Искусство интеллекта: президент призвал ускорить развитие «цифры» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://iz.ru/883818/egor-sozaev-gurev-angelina-galanina/iskusstvo-intellekta-prezident-prizval-uskorit-razvitie-tcifry(дата обращения: 10.09.2019 г.)
11. *Бъярн Мелкевик.* Юрген Хабермас и коммуникативная теория права / Пер. с французского Е.Г. Самохиной, Науч. Ред. А.В. Поляков. – СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс»., 2018. – 95 с.
12. *Сесар Идальго* «Как информация управляет миром: [перевод с английского]. – М., 2016. С. 8.

References

1. *Minbaleev A.* V. Legal support of cybersecurity in Vietnam // Bulletin of the Ural Federal district. Information security. 2019. No. 1 (31). P.64-68.
2. Actual problems of information law: studies. for the students. specializing in 40.04.01 «Jurisprudence» / ed. by I. L. Bachilo and M. A. Lapina. Ser. «Master's and postgraduate studies». Moscow: JUSTICE, 2016. – 534 p.
3. Actual problems of information law: studies. for the students. specializing in 40.04.01 «Jurisprudence» / ed. by I. L. Bachilo and M. A. Lapina. Ser. «Master's and postgraduate studies». M.: Publisher: KnoRus Company, 2019. – 594 p.
4. *Polyakova T.* A., *Minbaleev A. V., Krotkov N*. V. review of the International scientific-practical conference «Information space: information security and the law» — the First Putilovskie read // State and law. 2018. No. 9. S. 138 to 148.
5. *Polyakova T.* A., *Minbaleev A. V., Krotkov N*. In.Formation of system of information law as a scientific direction: development stages and prospects // State and law. 2019. No. 2. P. 80-92.
6. *Polyakova T.* A., *Minbaleev A. V., Naumov V. B.* the foresight session «Information security in the XXI century: challenges and legal regulation» //Proceedings of the Institute of state and law, Russian Academy of Sciences. 2018. Vol.13. No. 5. P. 194-208.
7. *Vasiliev A.* In the US, the drones will begin to deliver packages for the population [Electronic resource] // access Mode: https://rg.ru/2019/04/24/v-ssha-bespilotniki-nachnut-dostavliat-posylki-dlia-naseleniia.html (date accessed: 10.09.2019 G.)
8. *Chain, E., Makarychev, M.* the pilots of the drones [Electronic resource] // access Mode: https://rg.ru/2019/04/24/rossijskie-drony-nachnut-massovo-dostavliat-gruzy.html (date accessed: 10.09.2019 G.)
9. *Elkov I.* it can be seen all [Electronic resource] // access Mode: https://rg.ru/2019/07/02/zabludivshihsia-liudej-smogut-najti-netradicionnymi-sposobami.html (date accessed: 10.09.2019 G.)
10. *Sozaev-Guriev E., Galanina, A.* the Art of intelligence: the President urged to accelerate the development of «numbers» [Electronic resource] // access Mode: https://iz.ru/883818/egor-sozaev-gurev-angelina-galanina/iskusstvo-intellekta-prezident-prizval-uskorit-razvitie-tcifry(date of access: 10.09.2019 G.)
11. *Bjarn Malkevich.* Jürgen Habermas and the communicative theory of law / Ed. French E. G. Samokhina, Scientific. Ed. – SPb.: ALEF-Press Publishing house, LLC., 2018. – 95 S.
12. *Cesar Hidalgo* " how information rules the world: [translated from English]. – M., 2016. P.8.

УДК 347.131

Собиров С.С.,
аспирант кафедры Теории государства и права, Российский университет дружбы народов,
h.farr@yandex.ru

Милов П.О.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, руководитель научно-исследовательского отдела, АНО ВО Институт деловой карьеры,
nauka@ideka.ru

К ВОПРОСУ ПОНЯТИЯ И ПРИРОДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Статья посвящена вопросу определения дефиниции «юридического факта» и определению его правовой природы. Анализируя юридическую литературу и положение приведенные в них, авторы отмечают, что юридические факты есть факты реальной действительности, с которыми нормативные акты связывают наступление юридических последствий, прежде всего, различных правовых отношений. В статье рассмотрена правовая природа юридических фактов. А анализ научной доктрины, проведенный в статье, дает возможность выявить существование двух групп юридических фактов: а) юридически значимые действия (поступки), участника отношений, являющиеся причиной вступления субъекта в правоотношения; б) юридически значимые события, которые являются причиной вступления субъекта в правоотношения. В статье авторами проводится дифференциация юридических фактов с точки зрения оценки их как события или действия. В качестве критерия такого деления выступает зависимость юридического факта от воли субъекта правоотношений. Проводится выделение события абсолютного характера, именуемого в большинстве научных трудов как обстоятельство непреодолимой силы, которое по своей природе не зависит от воли ни одного человека. Также в статье рассматриваются события, имеющие относительный характер, то есть когда с одной стороны есть возможность обнаружить такой критерий как зависимость юридического факта от воли человека, но в то же время эта зависимость имеет абстрактный характер, так как не всегда есть четкое понимание того, какой конкретно субъект имеется в виду. В статье проведен анализ юридических фактов как правовой категории. Авторами отмечено, что с проведением дифференциации юридических фактов с точки зрения оценки их как события и действия, основным фактором здесь выступает воля человека, субъекта правоотношений.

Ключевые слова: факты, юридические факты, анализ юридических фактов, правовая категория, поступки, события, обстоятельство непреодолимой силы, воля субъекта, критерии юридических фактов, правовая категория, дифференциация, правоотношения, научная доктрина, классификация юридических фактов, действия, воля субъекта правоотношений

Sobirov S.,
Graduate student of the department Theory of State and Law of RUDN University

Milov P.,
candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of Civil law and process, head of the research Department of ANO VO Institute of business career

ON THE CONCEPT AND NATURE OF LEGAL FACTS

The article is devoted to the definition of "legal fact" and the definition of its legal nature. Analyzing the legal literature and the position given in them, the authors note that the legal facts are the facts of reality, with which the regulations relate the onset of legal consequences, first of all, various legal relations. The article considers the legal nature of legal facts. And the analysis of the scientific doctrine given in the article, makes it possible to identify the existence of two groups of legal facts: a) legal actions (actions), participant relations, which is the reason for the entry of the subject in legal relationship; b) the legally relevant events that cause the entry of the subject in relationship. In the article the authors differentiate legal facts from the point of view of their assessment as events or actions. The criterion of such division is the dependence of the legal fact on the will of the subject of legal relations. The author singles out an event of an absolute nature, referred to in most scientific works as a circumstance of irresistible force, which by its nature does not depend on the will of any person. Also, the article deals with events that have a relative nature, that is, when on the one hand it is possible to detect such a criterion as the dependence of

a legal fact on the will of a person, but at the same time this dependence has an abstract character, since there is not always a clear understanding of what specific subject is meant. The article analyzes the legal facts as a legal category. The authors noted that with the differentiation of legal facts in terms of assessing them as events and actions, the main factor here is the will of the person, the subject of legal relations.

Keywords: facts, legal facts, analysis of legal facts, legal category, acts, events, force majeure, will of the subject, criteria of legal facts, legal category, differentiation, legal relations, scientific doctrine, classification of legal facts, actions, will of the subject of legal relations

Вопросы, связанные с определением правовой природы категории юридических фактов, на современном этапе развития науки разработаны и изучены рядом отечественных и иностранных ученых. В частности, Р.Ш. Сотиволдиев (Республика Таджикистан) обращается к изучению категории юридических фактов как к элементу регулятивного аппарата общественной жизни; Н.М. Коркунов отмечает что, установленное понятие отдельного юридического факта представляется весьма важным для уяснения разбираемого вопроса, т.к. усвоив себе это понятие, нетрудно будет понять, что объем и форма осуществления права определяются не законом времени и места приобретения, а законом времени и места его осуществления, потому что приобретение и осуществление суть различные факты, и каждый из них обсуждается по закону его совершения; Ю.С. Гамбаров определяет юридические факты как основания для последствий действия правовых норм и т.д. [9, 8, 10] Несмотря на множество различных точек зрения актуальность в выявлении значения юридических фактов не снижается.

Возникающие в обществе правовые отношения неразрывно связаны с наступлением различных фактов, имеющих юридическое значение. В связи с этим целесообразно дальнейшее изучение возникновения, изменения или прекращения правоотношений и, вместе с тем, важным остается и изучение природы самих юридических фактов, влияющих на них.

Будучи жизненными событиями юридические факты есть обстоятельства, с которыми нормы права, связывают возникновение, изменение или прекращение прав и обязательств субъектов права.

В данном исследовании авторы приходят к заключению, что независимо от довольно высокой доктринальной значимости и практической востребованности юридические факты как научная категория лишены должного понимания и, как результат, в юридической науке не прекращаются научные дискуссии по этому поводу. Отсюда и возникает целый комплекс проблем практического характера, требующих научного осмысления. В частности, А.А. Акатов [1], О.В. Баринов [2], Н.П. Воронина [3], В.Л. Гейхман [4], Г.С. Бодерскова [5], В. И. Данилин [6], А.А. Клякин [7], и др. в своих диссертационных исследованиях рассмотрели различные аспекты института юридических фактов и их роли в развитии науки правоведения.

Целью настоящего исследования является выявление понятийного аппарата правовой категории «юридический факт», изучение его правовой природы и установление роли юридических фактов в современной юридической науке.

Члены современного общества регулярно вступают в экономические, политические, экологические, трудовые, семейно-брачные и иные правоотношения. Р.Ш. Сотиволдиев указывает, что рамках многообразия общественной жизни, общественные правоотношения выступают лишь ее частью, важными отношениями между субъектами права [8, с. 629 – 636.].

Содержание правоотношений заключается в том, что они возникают, изменяются и прекращаются с целью достижения поставленных субъектами права задач. В этой связи природа правовых отношений, в первую очередь, связана с имеющими юридическое значение юридическими фактами.

Само существование правоотношений и их отличие от других общественных отношений дает возможность представить, что развитие отмеченных правоотношений связано с юридическими фактами. Следовательно, в теории права большое значение имеет анализ учений о юридических фактах.

Действительно, в научной доктрине общепризнано, что основанием возникновения, изменения или прекращения отношений, имеющих юридическое значение, являются именно юридические факты. Такая оценка юридических фактов наблюдается и в науке права Республики Таджикистан.

Юридические факты являют собой события из действительной жизни, с которыми нормы правовых актов связывают наступление юридических последствий, например: смерть человека, рождение ребенка, нанесение увечья в результате дорожно-транспортного пришествия и т.п.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что под юридическими фактами следует понимать определенные жизненные обстоятельства, при наступлении которых нормы юридических актов предусматривают возникновение, изменение или прекращение прав и обязательств участников общественных отношений.

В научной доктрине встречаются также и другие определения понятийного аппарата юридических фактов. В частности, Н.М. Коркунов под юридическими

фактами подразумевает обстоятельства, которые направлены на реализацию правовых предписаний юридических норм [9, с.45]. Ю.С. Гамбаров под юридическими фактами рассматривает причины применения норм и предписаний юридических актов [10, с. 78 -80].

Проводя сопоставление подходов и мнений ученых по поводу юридических фактов, необходимо отметить, что в анализируемых случаях речь еще не идет о юридическом факте как об основании возникновения субъективных прав, который связывает их с правовой нормой.

Согласившись с таким выводом, следует уточнить, что данный подход скорее направлен для уточнения традиционного определения юридического факта. Исходя из сказанного можно отметить, что юридические факты представляют собой важнейшую категорию юридической науки, играющую ключевую роль в правовом регулировании общественной жизни. Без юридического факта, как и без норм права, регулирование общественных отношений было бы невозможным и бессмысленным.

По мнению Е.А. Цыпленкова независимо от довольно высокой доктринальной значимости и практической востребованности юридические факты как научная категория, с одной стороны, и в качестве элемента правового регулирования с другой стороны, лишены должного понимания [11, с. 264-266.].

В результате такого состояния дел в юридической науке не прекращаются научные дискуссии и возникает целый комплекс проблем практического характера, требующих научного осмысления. По мнению авторов, причина сложившегося состояния исходит из сложной юридической природы самого юридического факта.

В научной доктрине сложилось мнение, что термин «юридический факт» был веден в научный оборот немецким ученым Фридрихом Карлом фон Савиньи. В своей работе «Система современного римского права», Савиньи писал: «Я называю события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений, юридическими фактами» [12, с. 320].

Понятие факт имеет латинские корни (лат. Factum – сделанное, свершившееся) и под данной категорией понимается событие или явление, произошедшее в действительности. В Большой советской энциклопедии под термином «факт» приводится три значения:

1.Обычное словоупотребление – синоним, понятия истины, события или результата;

2. Знание достоверность которого доказано;

3. На уровне логики и методологии науки – эмпирическое знание [13. с, 40].

С философской точки зрения, в пространстве и во времени существует различного рода связи между событиями и предметами. В ходе знакомства человека с внешним миром, он представляется ему как пространство с наличием многих предметов, его окружающих. Отмеченные предметы в зависимости от определенных физических величин находятся в тесной взаимосвязи. Анализируя предметы, окружающие индивида, с точки зрения времени, можно констатировать: они имеют различные свойства. По такому принципу, существующую связь между предметом и его физическими признаками можно расценить как понимание человека об отношениях пространственного и временного характера. С точки зрения философского подхода временная характеристика в анализе связи между событиями происходящими в различных местах, имеет большое значение. Исходя из сказанного, если действия или события происходят в одно время, то можно предположить, что они не могут иметь между собой причинной связи [14, с. 87].

Перевод таких философских категорий как «причинность» и «единовременность» в правовую сферу, попытка связать их с правовыми отношениями и нормами юридических предписаний, направленных на регулирование указанных отношений, будет признаваться уже как возникающее правовое отношение. Приобретение статуса стороны правоотношения в зависимости от собственных значимых действий приводит к возникновению причинно-следственной связи между действиями субъекта отношений и последствием такого участия. Подобная причинно-следственная связь указывает на то, что юридически значимые действия субъекта отношений выступили в качестве причины признания последнего как участника правоотношения.

Говоря о другом виде юридического факта необходимо отметить, что он не имеет тех особенностей, о которых авторы упоминали выше. Речь идет о причинно-следственной зависимости, существующей между поведением участника отношения и его участия в данном правоотношении. В подобных юридических фактах субъект независимо от действия или бездействия выступает в качестве участника правоотношения. Например, в случае совершения преступления правоохранительные органы в обязательном порядке выступают субъектом уголовно-правового и уголовно-процессуального правоотношения независимо от каких-либо обстоятельств. На основании отмеченного, исходя из поведения субъекта правоотношения, следует выделить существование двух групп юридических фактов:

а) действия, имеющие юридическое значение (поступки), совершающиеся со стороны субъекта отношений, которые являются основанием вступления его в правоотношения;

б) события, имеющее юридическое значение, явившиеся причиной вступления субъекта в правоотношения.

Можно утверждать, что события как юридические факты, являются независимыми относительно воли абсолютно всех участников правоотношений и характеризуется обстоятельствами, имеющими абсолютный характер, например: пожары, наводнения и т.п.

К первой же группе юридических фактов относятся обстоятельства, возникновение или изменение которых зависит от воли самого участника правоотношений. Примерами ее выступают события, имеющие относительный характер: противоправный поступок, действие или бездействие субъекта и т.д.

Противоправное деяние может быть расценено с позиции как воли государства, так и воли большинства граждан как акт направленный на ущемление прав граждан, и в этой связи он признается в качестве нежелательного поведения субъекта правоотношений.

Также следует заметить, что преступление есть волевой поступок одного или нескольких лиц. Как отмечает Е.А. Цыпленков юридические факты, могут выступать категорией, имеющей признаки как юридически значимого действия, так и юридически значимого события. При таком понимании субъекты правоотношений могут по-разному оценивать один и тот же юридический факт, в силу которого они стали участниками этих правоотношений [11, с. 264 – 266].

В ходе проведения разграничения юридических фактов с точки зрения оценки их как события и/или действия, на наш взгляд в качестве критерия проводимого деления выступает зависимость юридического факта от воли субъекта отношений. Например, если мы говорим о событии абсолютного характера, то есть обстоятельства непреодолимой силы, и которое характеризуется как независящая от воли одного или группы людей, то искомый результат достигается быстро. В случае же определении события, имеющего относительный характер, можно выявить такой критерий как зависимость юридического факта от воли большого круга людей, так как не всегда ясно, какие люди конкретно имеются в виду.

Во время проведения классификации относительных событий, являющихся юридическими фактами, нет необходимости в использовании критерия абстрактного характера, который в свою очередь не зависит от воли людей, а, наоборот, важным представляется необходимость определить непосредственных субъектов правовых отношений, так как только относительно этих лиц возникновение, изменение или прекращение юридических фактов имеют место и значение [15, с.64 -70].

Отталкиваясь от сказанного, можно сделать вывод, что юридические факты эмпирически представляют собой основания для возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Относительно отдельно взятых событий можно попытаться установить определенный критерий в зависимости от воли и волеизъявления тех субъектов, которые являются участниками или сторонами данного правоотношения.

В заключении хотелось бы подчеркнуть мысль о том, что в случае признания воли или волеизъявления участника правоотношения в качестве критерия квалификации юридических фактов, следует сделать следующий вывод: разделения юридических фактов на события и поступки производиться в зависимости от воли и волеизъявления определенного участника правоотношения, следовательно, юридические факты, возникшие независимо или помимо воли и волеизъявления указанного участника правоотношения воспринимается в качестве события.

Список литературы.

1. *Акатов А.* А. Юридические факты в советском наследственном праве: Автореф. дисс. ... к. ю. н. Саратов, 1987.
2. *Баринов О.* В. Юридические факты в советском трудовом праве: Автореф. дисс… к. ю. н. – Л., 1980
3. *Бодерскова Г.* С. Юридические факты в процессе развития трудового правоотношения: Автореф. дисс. . .. к. ю. н. – М., 1983
4. *Воронина Н.* П. Правообразующие юридические факты в советском жилищном праве: Автореф. дисс. ... к. ю. н. – Свердловск, 1982
5. *Гейхман В.* Л. Сложные фактические составы как основания возникновения трудовых правоотношени.: Автореф. дисс. . .. к. ю. н. – М., 1970
6. *Данилин В.* И., *Реутов С. И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989;
7. *Клякин А.А.* Юридические факты в механизме гражданско-правового регулирования деятельности акционерных обществ. Автореф. дисс. …к.ю.н. – Пермь, 2016
8. *Сотиволдиев Р.Ш.* Теория государства и права: учебник для высших учебник заведений (на таджикском языке). – Душанбе. Изд-во «Сино», 2018. – 780 с. 41.
9. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 458 с.
10. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. – М.: Зерцало – М, 2003. – 816 с. 44; Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. – 264 с.
11. *Цыпленков Е.А.* Актуальные вопросы, связанные с пониманием юридических фактов // Вестник КГУ. – № 1, 2017. – С.264-266.
12. *Савиньи Ф.К.* Система современного римского права. В 8 Т. – М.: Статут, 2012. – 510 с.

13. *Ҳасанов С.,* Ҳасанов М. Назарияи давлат ва ҳуқуқ. Китоби дарсӣ, – Душанбе: «Илм» (на таджикском языке), 2017 , – 496 с.
14. *Павлов В.* Т. Логические функции категорий пространства и времени. – Киев, изд. Киевского ун-та, 1966. – 236 с.
15. *Хасанов М.С.* Маърифати ҳуқуқи ва ахамияти он дар замони муосир // Баъзе муаммохои давлатию Ҳуқуқии замони муосир (На таджикском языке). – Худжанд: 2005. – С.64-70.

References

1. *Akatov A.* A. Legal facts in the Soviet inheritance law: Author. diss. to. n Saratov, 1987.
2. *Barinov O.* V. Legal facts in the Soviet labor law: Author. diss . K. Yu. n – L., 1980
3. *Boderskova G.* S. Legal facts in the process of development of labor relations: Abstract. diss. to. n – M., 1983
4. *Voronina N.* P. Law-making legal facts in Soviet housing law: Author. diss. to. n – Sverdlovsk, 1982
5. *Geykhman V.* L. Complex factual structures as the basis for the emergence of labor relations: Abstract. diss. to. n – M., 1970
6. *Danilun V.* I., *Reutov S. I.* Legal Facts in Soviet Family Law. Sverdlovsk, 1989;
7. *Klyakin A.A.* Legal facts in the mechanism of civil regulation of joint stock companies. Abstract. diss. Ph.D. – Perm, 2016
8. *Sotivoldiev R.Sh.* Theory of state and law: a textbook for higher education institutions (in Tajik). – Dushanbe .: Sino Publishing House, 2018. – 780 p. 41.
9. *Korkunov N.M.* Lectures on the general theory of law. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. – 458 p.
10. *Gambarov Yu.S.* Civil law. A common part. – M .: Mirror – M, 2003 . – 816 p. 44; Lukasheva E.A. Law, morality, personality. M .: Nauka, 1986 . – 264 p.
11. *Tsyplenkov E.A.* Actual issues related to the understanding of legal facts // Bulletin of KSU. – No. 1, 2017. – S.264-266.
12. *Savigny F.K.* The system of modern Roman law. In 8 T. – M.: Statute, 2012 . – 510 p.
13. *Ҳasanov S.,* Ҳasanov M. Nazariai davlat wa ҳuқuқ. Kitobi darsī, – Dushanbe: Ilm, 2017, – 496 p.
14. *Pavlov V.* T. Logical functions of the categories of space and time. – Kiev, ed. Kiev University, 1966 . – 236 p.
15. *Hasanov M.S.* Marifati huқuқi va ahamiyati he gift donate Muosir // Base Muammo Davlatiyu huқuқi Zamoni Muosir. – Huang: 2005. – P.64-70

УДК 340.13

Экмалян А.М.,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права, Российской академии наук,
профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
asafarian07@gmail.com

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.Ю. ВИКУЛИНА «НАЧАЛА ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ» М.: НОРМА, 2019. 312 С.

В рецензии даётся оценка научной значимости разработанной А.Ю. Викулиным теории законодательных дефектов. Показано что она позволяет дать научно обоснованный ответ на вопросы: что есть законодательные дефекты; каковы их типы и виды; какие действия законодателя приводят к их образованию и соответствующим последствиям; под влиянием каких факторов совершаются такие действия.
Обосновывается определяющая роль законодательной аксиологии в этом процессе, исследуются пути и способы минимизации законодательных дефектов.
Ключевые слова: законодательные дефекты, теория законодательных дефектов, законодательная аксиология, законодательная парадигма

Ekmalyan A.
Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law Russian Academy of Sciences,
Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY A.YU. VIKULINA, "THE BEGINNING OF THE THEORY OF LEGISLATIVE DEFECTS," MOSCOW: NORMA, 2019. 312 S.

The abstract assesses the scientific significance of the legislative defects theory developed by A.Yu. Vikulin.
It is shown that the theory allows giving a science-based answer to the following questions: what are the legislative defects; what kinds of such defects exist; which legislator's actions result in such defects and what are the outcomes; what the reasons of the mentioned actions are.
The determining role of legislative axiology in this process is substantiated; ways and means of minimizing legislative defects are explored.
Keywords: legislative defects, the legislative defects theory, legislative axiology, legislative paradigm

Рецензируемая монография А.Ю. Викулина «Начала теории законодательных дефектов» посвящена выявлению, описанию и объяснению законодательных дефектов, выявлению причин их появления, предсказанию их последствий, а также поиску путей и способов их устранения. [1, с.17]

Законотворчество, являясь видом человеческой деятельности, и его результат – нормативный акт, как и другие виды человеческой деятельности, и их результат не свободны от ошибок, изъянов, которые в нашем случае имеют форму законодательных дефектов. [2, с.383.]. Они, как обосновано в доктрине и подтверждает практика, оказывают весьма негативное воздействие на качество принимаемых нормативных актов и правоприменение.

По своему содержанию теория законодательных дефектов, как следует из рецензируемой работы, призвана ответить на следующую группу взаимосвязанных вопросов:

– что есть «законодательный дефект», какова его сущность;

– какие действия законодательного органа и законодателя приводят к появлению «законодательных дефектов»;

– по какой причине законодатель действует таким образом;

– под влиянием каких факторов законодательный орган и законодатель совершают эти действия;

– каким образом «законодательные дефекты» воздействуют на процесс образования в российском законодательстве антиправового, правонарушающего, неправового закона;

– что делает возможным образование и применение в Российской Федерации неправовых законов, наделенных серьезными законодательными дефектами, регулирующих в том числе отношения с участием государства, финансовых организаций и потребителей их услуг, в то время как в стране существует система специальных институтов, задачей которой является контроль за качеством принимаемых нормативных актов и пресечение подобных нарушений.

Каковы пути и способы устранения, минимизации законодательных дефектов в российском праве?

В отечественной литературе исследованию этих вопросов уделено большое внимание. Однако рецензируемая работа отличается от них тем, что специально посвящена монографическому исследованию перечисленных вопросов, а также тем, что в ней, как показывает анализ, изложена теория, разработанная автором, объясняющая появление в российском законодательстве законодательных дефектов, возникновение правонарушающего, неправового законодательного акта, а также предлагающая пути и способы их устранения, что позволило придать его выводам по этим вопросам научно обоснованный характер.

Опираясь на имеющиеся в российской доктрине исследования понятия «законодательные дефекты» и причин, их порождающих, а также на вывод, что правотворческая ошибка – это результат несоблюдения правотворческим органом каких-либо общепринятых правил, стандартов, требований, [2, с.383.] А.Ю. Викулин дает определение понятию «законодательный дефект». «Под законодательными дефектами, – пишет он, – мы понимаем законодательные положения, которые имеют логические, лингвистические и (или) методологические изъяны, расходятся с Конституцией и обусловлены неверной законодательной аксиологией, нарушением правил законодательной техники и (или) законодательного процесса. Законодательные дефекты, – продолжает он, – создают предпосылки для злоупотребления правом со стороны участников регулируемых отношений и являются свидетельством либо некомпетентности законодателя, либо нарушения им меры сбалансированного социального поведения» [1, с.58].

Анализ этих работ позволил ему выявить и описать совокупность зафиксированных в литературе законодательных дефектов и предложить весьма содержательную и обоснованную их классификацию (выявленный перечень зафиксированных в этих работах типов законодательных дефектов автор подтверждает и иллюстрирует детальным анализом Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», который, как показал анализ, «демонстрирует почти все типы и виды законодательных дефектов»). [1, с.42] Согласно А.Ю. Викулину классификация законодательных дефектов означает деление объема родового понятия «законодательные дефекты» по определенным основаниям, при котором объем названного родового понятия делится на типы, а типы, в свою очередь, подразделяются на виды и подвиды. При этом если наименования типов законодательных дефектов указывают на их происхождение – на область мыслительной и (или) предметной деятельности законодателя, в которой следует искать истоки соответствующих законодательных дефектов, или ответ на вопрос, изъяном какого структурного элемента законодательства является данный законодательный дефект, то наименования видов и подвидов законодательных дефектов определяет их существо, т.е. говорит о том, какое общепринятое правило, какое установленное требование в данном случае не соблюдено. [1, с.64]

Руководствуясь этим подходом, автор классифицирует законодательные дефекты и показывает, что с точки зрения их происхождения они разграничиваются на следующие типы:

– дефекты законодательной аксиологии;

– дефекты законодательной техники;

– дефекты законодательного процесса, [1, с.65] которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие виды и подвиды. Так, например, дефекты законодательной аксиологии включают следующие виды:

– дефекты законодательной парадигмы;

– дефекты законодательных презумпций;

– дефекты законодательной аксиоматики;

– дефекты законодательных аксиоматических фикций.

На соответствующие виды и подвиды подразделяются, как показано в работе, и два других типа законодательных дефектов. [1, с.70-73]

В рецензируемой монографии все типы, виды и подвиды законодательных дефектов проанализированы на предмет выявления причин их образования и установления их сути, что, безусловно, имеет большое как теоретическое, так и практическое значение, чем и обусловлено особое внимание, которое уделено в работе исследованию этой проблемы.

Путем анализа и обобщения имеющихся в отечественной литературе работ, посвященных данной проблематике, обширный список которых приведен на страницах 57–58 рецензируемой книги, автор вы-

явил и систематизировал причины, которые согласно доктрине приводят к правотворческим ошибкам, изъянам в законодательстве, словом, к законодательным дефектам.

В литературе подчеркивается, что законодательные дефекты в своей основе носят субъективный характер, т.е. вызываются к жизни по воле законодателя либо вследствие его некомпетентности. [3, с.255] Опираясь на это положение, А.Ю. Викулин делает обоснованный вывод, что действия законодателя, которые приводят к законодательным дефектам, осуществляются либо сознательно, либо обусловлены низким уровнем его профессиональной подготовки.

Некомпетентность законодателя, как отмечается в литературе, проявляется в различных формах. К их числу относят: низкую профессиональную подготовку многих законодателей, («Федеральное Собрание – это сегодня законодательный орган для популярных, известных и т.д. персон, довольно часто не имеющих ничего общего с юриспруденцией и государственным управлением») [10, с.28-33] наличие пробелов в их знаниях в области теории права и практики правоприменения [4, с.6], низкий уровень профессионализма инициаторов и разработчиков проектов законов [5, с.5-20], незнание многими участниками законодательной деятельности действующего законодательства, методологии, методики законотворчества, правил законодательной техники и современного русского литературного языка и др.

То, что действия законодателя, наделенные изъянами, обусловленными его некомпетентностью, приводят к появлению законодательных дефектов, вполне очевидно и не требует обоснования. А вот зафиксированный в литературе факт, указывающий на то, что действия законодателя, приводящие к образованию законодательных дефектов, могут наделяться серьезными изъянами не только по причине профессиональной некомпетентности законодателя, но и по иным причинам, в том числе осознанно со стороны законодателя [6, с.41-43], требует самого серьезного исследования и объяснения. Такое исследование проведено А.Ю. Викулиным в рецензируемой монографии, что позволило ему весьма убедительно, на наш взгляд, ответить на возникающие в связи с этим вопросы.

Проведенный в работе тщательный, детальный, всесторонний анализ Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», который, как отмечает автор, «демонстрирует почти все типы и виды законодательных дефектов, их соотношение, взаимозависимость и взаимообусловленность» [1, с.42], позволил ему сделать обоснованный вывод о том, что действия законодателя, которые привели к образованию законодательных дефектов, выявленных в Законе № 123-ФЗ, вызваны к жизни либо наличием у него (у законодателя) соответствующего личного или группового интереса, либо его соответствующими ценностными установками, его мировоззренческой позицией, отрицающей мораль как принцип регуляции социальных отношений, известных в литературе под названием «имморализм».

Касаясь сути этого понятия, А.Ю. Викулин в совместной с А.Г. Тосуняном монографии «Государственное регулирование и мораль», опираясь на известное философское исследование имморализма – монографию Д.Е. Соловьева «Имморализм в истории зарубежной и отечественной философии», определяют понятие «имморализм» как целостную мировоззренческую позицию, которая, как пишет Д.Е. Соловьев, дискредитирует позитивное значение морали вообще посредством отрицания общей значимости нравственных требований; сводит мораль к естественно-биологическим механизмам поведения, к другим измерениям культуры.[7, с.7] Всякий имморализм, подчеркивают они, предполагает сужение поля регулятивной значимости морали за счет произвольного расширения сферы внеморального.[8, с.86]

В связи с этим особое внимание уделено в работе анализу юридического механизма формирования ценностных установок законодателя (под которым в доктрине понимается направленность установки субъекта и его деятельности на определенную ценность, воспринимаемую как благо), его мировоззренческой позиции, определяющая ценностные суждения законодателя относительно разрабатываемого законодательного акта, его значимости. Эти ценностные установки и ценностные суждения законодателя ложатся, как отмечается в работе, в основу разрабатываемого законодательного положения, побуждая к соответствующей деятельности на их основе, что определяет характер правотворческой деятельности законодателя, влияет на качество принимаемых законодательных актов.

В работе отмечается, что согласно доктрине на процесс формирования ценностных установок законодателя воздействует множество факторов, к числу которых в литературе относят в том числе такие «внешние» по отношению к законодательному процессу факторы, как социальные условия, политику, мораль, настроения людей, их предрассудки, общественное мнение, мировоззрение законодателя. Под влиянием этих факторов у законодателя, подчеркивает А.Ю. Викулин, могут возникать и возникают в том числе неверные ценностные и морально-этические установки, которые согласно доктрине считаются таковыми по той причине, что «противоречат принципам Конституции и политике, декларируемой руководством страны». [1, с.80] Они, согласно излагаемой теории, приводят к законодательным положениям,

которые не согласуются с Конституцией и могут быть наделены логическими, лингвистическими, методологическими изъянами, а также могут нарушать правила и приемы законодательной техники и процесса, т.е. приводят к законодательным дефектам, следовательно, к правонарушающему законодательству.

Исследование указанного комплекса проблем, связанных с формированием ценностных установок законодателя, его мировоззренческой позиции, его ценностных суждений, определено в работе как предмет законодательной аксиологии. [1, с.80]

Анализ юридического механизма формирования ценностных установок и ценностных суждений законодателя и их влияние на качество принимаемых законодательных предписаний привел автора к обоснованному выводу об исключительной важности и определяющей роли законодательной аксиологии в появлении законодательных дефектов, что сделало необходимым проведение автором специального исследования законодательной аксиологии, которая согласно доктрине изучает природу и иерархию ценностных установок, лежащих в основе законодательных предписаний, их связи между собой, а также их зависимость от социальных, моральных и культурных факторов и структуры ценностного мира законодателя. Законодательная аксиология, подчеркивает автор, тесно связана в том числе с такими категориями, как «концепция закона», «концепция проекта закона», которые, как отмечает Т.Я. Хабриева, являются «идейной моделью будущего законодательного акта, задающую цели и основные параметры его содержания». [9, с.30] При этом, подчеркивает А.Ю. Викулин, определяющее значение имеет то обстоятельство, что в основе любой концепции лежит идея, которая, в свою очередь, базируется на определенных ценностных и морально-этических установках. [1, с.69]

Все это объясняет и обосновывает тезис, выдвинутый автором, об определяющей роли законодательной аксиологии в образовании законодательных дефектов. [1, с.68] Наверное было бы точнее сказать об определяющей роли дефектов законодательной аксиологии, под которой в доктрине понимают, как выше сказано, неверные ценностные и морально-этические установки законодателя. Они входят в законодательную парадигму и в другие виды законодательной аксиологии, воздействуют на ценностные установки законодателя, на его мировоззренческую позицию, на качество принимаемых законов и правоприменительную практику. Автор подчеркивает, что под их непосредственным воздействием и возникают законодательные дефекты, т.е. соответствующие законодательные положения, наделенные определенными изъянами, воздействия которых на законотворческий и правоприменительный процесс приводят к весьма негативным последствиям.

Обобщая свои многолетние исследования правового регулирования отношения с участием государства, финансовых организаций и потребителей их услуг, автор приводит ряд примеров, которые свидетельствуют, во-первых, о том, что федеральное законодательство, регулирующее эти отношения, переживает системный кризис; во-вторых, что этот кризис выражается в систематическом нарушении этими законами конституционных прав финансовых организаций и связанных с ними лиц; в-третьих, что на возникновение этого кризиса определяющее воздействие оказали дефекты законодательной аксиологии, в первую очередь неверные ценностные идеологические установки, входящие в законодательную парадигму, принятую в российском праве, которые отрицают конституционные принципы равенства и недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина за счет нарушения прав и свобод других лиц, допускают произвольное ограничение прав и свобод финансовых организаций и потребителей их услуг в пользу государства; считают возможным осуществлять права и свободы потребителей финансовых услуг путем нарушений прав и свобод финансовых организаций; признают, что потребители финансовых услуг не равны между собой, как и финансовые организации, которые тоже не равны между собой. [1, с.84-87]

На возникновение этого кризиса оказало большое воздействие, как показано в работе, и юридическое положение законодательной презумпции, широко распространенная среди российских законодателей, огульно утверждающая мысль о патологической склонности финансовых организаций к совершению общественно опасных деяний до того, как оно совершено и чья-либо причастность к соответствующим действиям установлена, известное в литературе под названием патернализм законодателя.

Руководствуясь убежденностью в истинности данного положения, законодатель, пишет автор, установил правило, согласно которому презумпция невиновности применяется в основном в отношении государства и потребителей финансовых услуг, а презумпция вины и недобросовестности – только в отношении финансовых организаций. Этот вопиющий факт дискриминации финансовых организаций, несоблюдение их законных прав, пишет автор, наглядно демонстрируют современное законодательство, регулирующее указанные отношения. [1, с.91]

В работе показано, что на возникновение кризиса названного законодательства прямое влияние оказывают неверные ценностные установки и двух других видов законодательной аксиологии.

Приведенные примеры законодательного регулирования отношений с участием государства, финансовых организаций и потребителей их услуг свидетельствует о том, что законодательная парадигма, на кото-

рой они базируются, обусловлена мировоззренческой позицией законодателя, не признающая приоритета морали над прагматичным и меркантильным популизмом, и проявляется в систематическом нарушении конституционных прав финансовых организаций и связанных с ними лиц, известная в литературе как имморализм. В работе эта мировоззренческая позиция квалифицируется как государственный имморализм.

Хотя в работе нет прямого ответа на вопрос, почему имморализм обозначен как государственный, однако тот факт, что он, как целостная мировоззренческая позиция, отрицающая мораль как принцип регуляции социальных отношений, проявляется, как показывает автор, в положениях действующего законодательства, т.е. в уже принятых государством, к тому же в нашем случае принятых на федеральном уровне, говорит о том, что государство поддерживает, разделяет эту позицию, что и позволило обозначить имморализм государственным.

Приведенные примеры законодательного регулирования отношений с участием названных лиц говорит и убеждает в том, что в основе парадигмы законодательного регулирования этих отношений лежит ведомственный волюнтаризм. [1, с.86] Он выражается, как наглядно показывает автор на многочисленных примерах, в том, что органы публичной власти, регулирующие деятельность подотчетных им лиц, принимают решения, которые, как правило, исходят из узковедомственных интересов органа, принимающего решение, без учета конституционных прав и законных интересов регулируемых лиц.

Из вышеизложенного следует, что законодательство, регулирующее отношения с участием государства, финансовых организаций и потребителей их услуг, наделено многими признаками правонарушающего, неправового законодательства, что ему присущи многочисленные законодательные дефекты.

В связи с этим у читателя возникает вопрос: что способствует созданию и правоприменению у нас законодательных актов, наделенных подобными законодательными дефектами? Почему на эти недостатки не обращает внимание существующая в стране государственная система специальных институтов, в задачи которой входит контроль за качеством принимаемых законодательных актов и пресечение подобных нарушений?

В работе весьма убедительно показано, что подобное положение порождено двумя обстоятельствами. Во-первых, оно является следствием господства в российском праве современной парадигмы законодательного регулирования отношений с участием государства, финансовых организаций и потребителей их услуг, в структуру которой входят, как следует из работы, идеологические установки, отрицающие ряд конституционных принципов, что обусловлено, как верно отмечает автор, в первую очередь имморализмом – мировоззренческой позицией, отрицающей мораль как принцип регулирования социальных отношений, широко распространенный среди российских законодателей и оказывающий определенное воздействие на образование законодательных дефектов. Согласно автору, парадигма законодательного регулирования отношений является совокупностью общих теоретических и методологических положений, принятых законодателем на современном этапе развития и используемых им в качестве образца для создания законодательства. [1, с.83]

Во-вторых, это положение порождено тем фактом, что мировоззренческую позицию имморализма, под влиянием которой законодатель совершает действия, приводящие к образованию законодательных актов, наделенных соответствующими законодательными дефектами, органы государственной власти, как показывает автор, поддерживают и разделяют. Этими обстоятельствами и объясняется «странное» на первый взгляд поведение специальных контролирующих органов, которые не реагируют на действия законодателя, обусловленные его мировоззренческой позицией имморализма, приводящие к образованию законодательных дефектов.

Особый интерес вызывает весьма обоснованное предложение автора дополнить обязательную сегодня антикоррупционную экспертизу независимой комплексной общественно-научной экспертизой законодательных актов (их проектов) на предмет наличия в них законодательных дефектов и сведения к минимуму рисков: злоупотребление государственными органами властью; нарушения баланса прав и законных интересов субъектов регулируемых отношений; нарушения установленных правил законотворческого процесса, государственного регулирования, а также принятых в обществе норм морали.

Согласно автору эта экспертиза будет носить подлинно общественный характер, если в нее войдут в том числе Общероссийский национальный фронт; общественные организации, представляющие финансовые организации и потребителей финансовых услуг и др.

Однако в связи с тем, что указанные организации могут представлять в том числе прямо противоположные интересы, их участие в проведении экспертизы, как верно отмечает автор, необходимо, но недостаточно. В состав экспертного совета должны войти соответствующие ученые, в первую очередь правоведы, которые могут дать квалифицированную оценку закона (законопроекта) во взаимосвязи с Конституцией РФ и действующим законодательством, а также экономисты, философы, социологи, психологи, лингвисты, политологи и другие специалисты.

Список литературы

1. *Викулин А.Ю.* Начала теории законодательных дефектов. М.: Норма, 2019.
2. Российское законодательство: проблемы и перспективы / Гл. ред. Л.А. Окуньков. М., 1995.
3. *Пресняков М.В.* Конституционная концепция принципа справедливости / Под ред. Г.Н. Комковой. М., 2009.
4. *Поляков С.Б.* Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. 2017. № 1.
5. *Горохов Д.Б., Горохова Ю.В.* Животные и растения – субъекты права по законодательству РФ: констатация абсурда или научное открытие? // Адвокат. 2016. № 11.
6. *Полатов Ю.Д.* Отдельные теоретические аспекты оптимизации законотворческого процесса при формировании гражданского законодательства // Гражданское право. 2014. № 6.
7. *Соловьев Д.Е.* Имморализм в истории зарубежной и отечественной философии. Саранск, 1998.
8. *Тосунян Г.А., Викулин А.Ю.* Государственное регулирование и мораль. Т. 1. Сила в правде. Некоторые признаки государственного имморализма на примере законодательства о кредитных историях. М.: ИКАР, 2018.
9. *Хабриева Т.Я.* Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации. М.; Н. Новгород, 2007.
10. *Киричек Е.В.* Федеральное Собрание Российской Федерации – на страже прав и свобод человека и гражданина: парадигмы и противоречия организации и деятельности.

References

1. *Vikulin. A.Yu.* Beginnings of the legislative defects theory. M.:, Norma, 2019
2. Russian legislation: problems and prospects / chief editor L.A. Okunkov. M., 1995
3. *Presnyakov M.V.* Constitutional concept of the principle of justice / under the editorship of G.N. Komkova. M., 2009
4. *Polyakov S.B.* Legislative and law enforcement practice defects as subject of legal science // Russian legal journal. 2017. No. 1.
5. *Gorockov D.B., Gorockova Yu.V*. Animals and plants – legal subject under the Russian law: statement of absurdity or a scientific discovery? // Advocate. 2016. № 11.
6. *Polatov Yu.D.* Some theoretical aspects of the legislative process optimization in civil legislation formation // Civil law. 2014. No. 6.
7. *Solovyov D.Ye.,* Immoralism in history of foreign and Russian philosophy. Saransk, 1998.
8. *Tosunyan G.A., Vikulin. A.Yu.* State regulation and morality V. 1. The power in truth. Some signs of state immoralism on the example of the law on credit histories. M.: IKAR, 2018.
9. *Khabrieva T.Ya.* Globalization and the legislative process // Lawmaking and legal technique issues of Russian legislative system formation under globalization. M.: N. Novgorod, 2007.
10. *Kirichek Ye.* V. Federal Assembly Of The Russian Federation – on guard of human and civil rights and freedoms: paradigms and contradictions of organization and activity

УДК 338.47, 332.145

Арнст А.А.,
преподаватель кафедры Экономики и финансового права,
АНО ВО Институт деловой карьеры,
justwerbung@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МАКРОРЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Основной целью исследования выступает рассмотрение роли транспортно-инфраструктурной составляющей в формировании единого экономического пространства РФ и модернизации экономической системы страны. Автором систематизированы и проанализированы актуальные направления пространственной интеграции. Осуществляется оценка транспортной обеспеченности как предмета исследования на конкретных примерах российских регионов, изучаются актуальные тенденции развития региональной транспортной инфраструктуры и транспортной системы в национальном хозяйстве РФ. Анализируются потенциальные возможности, создаваемые внедрением концепции структурирования российских регионов с дифференциацией на микро- и макрорегионы для развития транспортной обеспеченности в региональном разрезе, а также выделяются предполагаемые проблемы, которые могут возникнуть в практике ее реализации. Особое внимание уделяется перспективам развития и проблемам Дальневосточного макрорегиона. Автор обосновывает тезис о том, что территория может являться локомотивом для менее развитых регионов лишь в условиях интенсивного межтерриториального обмена, базирующегося на соответствующей инфраструктуре, прежде всего, транспортной, которая определяет активизацию товарного, ресурсного и информационного регионального обмена в рамках внутреннего и внешнего радиуса в ходе сближения производственных потенциалов. Аргументируется тот факт, что решение сохраняющихся проблем транспортной доступности (дифференциация которых осуществлена в статье) в ближайшей перспективе в отечественных условиях невозможно только силами самих регионов. В качестве основного вывода определяется необходимость применения комплексного методического подхода для решения проблем транспортной доступности в регионах РФ с целью полноценного внедрения концепции структурной дифференциации и использования ее преимуществ для развития транспортной отрасли и инфраструктуры территорий.

Ключевые слова: транспорт, макрорегионы, транспортная инфраструктура, транспортная отрасль, транспортная обеспеченность макрорегионов, реформирование транспортной инфраструктуры, состояние транспортной обеспеченности, единое экономическое пространство

Arnst A.,
Lecturer, Department of Economics and Financial Law, ANO VO Institute of a business career

CONDITION AND THE PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF TRANSPORT COVERAGE OF MACROREGIONS OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE COMMON ECONOMIC SPACE

As main objective of a research is consideration of a role of a transport and infrastructure component in formation of a common economic space of the Russian Federation and modernization of an economic system of the country. The author systematized the relevant directions of spatial integration. Assessment of transport security as the subject of research on concrete examples of Russian regions is carried out, current trends in development of regional transport infrastructure and the transport system in national economy of the Russian Federation are analyzed. The potential opportunities created by introduction of the concept of structuring Russian regions with differentiation on micro and macroregions for development of transport security in a regional section are analyzed and also estimated problems which can arise in practice of its realization are allocated. Special attention is paid to the prospects of development and problems of the Far East macroregion. The author proves a thesis that the territory can be the locomotive for less developed regions only in the conditions of the intensive interterritorial exchange which is based on the corresponding infrastructure, first of all, transport which defines activization of commodity, resource

and information exchange of regions within internal and external radius during rapprochement of production potentials. There is reasoned the fact that the solution of the remaining problems of transport availability (which differentiation is carried out in article) in the short term in domestic conditions is impossible only by forces of regions. As the main conclusion need of application of an integrated methodical approach for the solution of problems of transport availability in regions of the Russian Federation for the purpose of full introduction of the concept of structural differentiation and use of its advantages to development of the transport industry and infrastructure of territories is defined.

Keywords: transport, macroregions, transport infrastructure, transport industry, transport coverage, transport availability of macroregions, modernization of transport infrastructure, condition of transport infrastructure, common economic space

Российское экономическое пространство характеризуется высоким уровнем дифференциации регионального социально-экономического развития. Сложившиеся различия определяются как причинами объективного характера – то есть неравенства, обусловленного отличающимся географическим положением, исторически формировавшимся и текущим ресурсным потенциалом регионов и т.д., так и субъективного характера – различиями в результативности применения имеющихся ресурсов, эффективности регионального управления и пр. В связи с этим ключевой задачей формирования единого экономического пространства и реформирования экономической системы страны в контексте всех составляющих ее компонентов (в том числе транспортной подсистемы) выступает скорейшее преодоление межрегиональной дифференциации, пространственная интеграция регионов. Однако решение данных задач не может быть достигнуто в отсутствие устойчивых межтерриториальных связей [13, с.6]. Осуществление задачи пространственной интеграции актуализируется в контексте реализуемой в отечественных условиях инновационной парадигмы регионального развития, в основе которой лежит концепция «регионов – локомотивов роста» [4, 12]. Содержание данной концепции предусматривает тезис о том, что территория может являться локомотивом для менее развитых регионов лишь в условиях интенсивного межтерриториального обмена, базирующегося на соответствующей инфраструктуре, прежде всего, транспортной, которая определяет активизацию товарного, ресурсного и информационного регионального обмена в рамках внутреннего и внешнего радиуса в ходе сближения производственных потенциалов.

Продолжая анализ исследуемой проблемы, систематизируем ведущие направления пространственной интеграции, в составе которых можно назвать следующие [4, 9]:

• организация сбыта продукции конечного потребления промышленных комплексов на соседних территориях, учитывая специфику их предпринимательского климата;

• организация каналов снабжения территориальной экономики ресурсами, находящимися за ее пределами;

• применение системы подготовки кадров соседних территорий;

• развитие дополняющих производств в межрегиональном масштабе (например, использование полуфабрикатов одного предприятия для производства продукции на другом, находящимся за пределами территории первого).

Сущность и значимость вышеприведенных направлений указывает на тот факт, что осуществить их эффективную реализацию можно лишь на основе соответствующего, результативно организованного инфраструктурного обеспечения межрегионального обмена. [9, с.3] При этом представленная выше систематизация наглядно свидетельствует о значимой роли транспортной инфраструктуры для осуществления и поддержания необходимых, устойчивых коммуникаций в процессе пространственной интеграции.

Региональная транспортная инфраструктура исторически является связующим звеном в процессах регионального производства, распределения, обмена и потребления, упорядочивания материальных потоков, непосредственно воздействуя на такой важнейший параметр, как устойчивость развития территориальной экономики [6, 7, 19]. Если обратиться к анализу актуального состояния транспортной инфраструктуры в российских регионах, то можно увидеть ее дифференциацию, общим знаменателем которой является текущая неспособность большей части территорий добиться снижения удельных транспортных издержек и активизации процессов кластеризации территориальной экономики как перспективных теоретико-методологических направлений пространственного развития. Поэтому перед каждым регионом страны сегодня стоит насущная и требующая оперативного решения задача поиска, внедрения и развития механизмов совершенствования транспортной инфраструктуры. Однако в силу исторически сформировавшегося базиса оперативное решение в условиях российских регионов очень часто превращается в долговременный процесс с неопределенным результатом.

Региональная транспортная инфраструктура реализует концепцию пространственной сетевой структуры, элементы которой находятся в тесной вза-

имосвязи как на региональном уровне, так и вне его. [8, 10] Именно транспортная инфраструктура обеспечивает создание «точек роста» территориальных рынков и местных систем расселения, осуществляя при этом формирование коммуникационных каркасов и планировочных осей на региональном уровне развития, определяя роль и условия включенности регионов в транспортно-логистическую систему и сеть как в общенациональном, так и общемировом масштабах [2, 5, 15].

Современное развитие региональной транспортной инфраструктуры и транспортной системы в национальном хозяйстве РФ в целом, как показывает ее оценка, пока не отвечает в должной степени тем задачам, проблемам и требованиям, которые предъявляет уровню ее развития рынок товаров и услуг, демонстрируя при этом, как уже отмечалось в статье, высокую региональную дифференциацию, диспропорции в развитии разных типов транспорта, несбалансированность загрузки транспортно-технологической инфраструктуры, отсутствие современной сети логистических центров, низкий уровень транспортных технологий и качества обслуживания. Ввиду отставания на территориальном уровне сегодня, по оценкам экспертов, полноценно используется лишь около 7% транзитного потенциала России, что для масштабов нашей страны, ее промышленного ресурса и географическо-территориальных особенностей является катастрофической цифрой. [2, с.10]

В большинстве регионов страны изношенность производственных фондов транспортной системы составляет около 70%, при этом затраты на поддержание и ремонт насчитывают более 50% от нормативного [14, с.321]. Ввиду отсутствия адекватной транспортной инфраструктуры в регионах сокращается число населенных пунктов, наблюдается массовая миграция населения из сельских территорий, а также между городами. Таким образом, при оценке ситуации в разрезе микрорегионов – территорий городов, районов областей и т.д. – состояние транспортной инфраструктуры носит еще более диспропорциональный уровень с негативным вектором развития, характеризуясь широким спектром разнообразных проблем.

Так, следует констатировать, что в начале XXI в. в России у более чем 40 тыс. населенных пунктов отсутствовала связь с транспортной сетью посредством современных автодорог с твердым покрытием [2, с.14]. Огромное бремя по содержанию и развитию транспортной инфраструктуры на макроуровне продолжает нести государство (в части собственности, управления и инвестирования), без широкого проникновения частного сектора, доля которого пока еще относительно низка и на микроуровне (хотя за последние несколько десятилетий демонстрирует устойчивый рост в данной области, но преимущественно в количественном, а не качественном разрезе), передаваемом на аутосорсинг на региональный уровень [2, с.14]. В особой степени эта проблема сохраняет остроту для региональной и межрегиональной, а также внешне-транзитной координации транспортных товарных потоков, объем последних из которых к 2020 году прогнозируется специалистами на уровне около 300 млн. т, а в совокупности с российским экспортом – более 400 млн.т [14, с.320]. Очевидно, что сложившаяся на данный момент пропускная способность большинства региональных транспортных коридоров страны абсолютно не готова к подобным объемам.

Между тем, без развития региональной транспортной инфраструктуры невозможно вести речь о решении задач стратегического пространственного развития России, поставленные сегодня перед нашей страной и инновационном развитии экономики. На совещании по обсуждения положений Транспортной стратегии РФ до 2030 г. В.В.Путин справедливо отметил, что: «нынешнее состояние транспортной системы … является сдерживающим фактором в освоении огромных резервов Восточной Сибири и Дальнего Востока, …. приводит к неиспользованию возможностей для развития страны и ее регионов на сотни миллиардов долларов» [цит.по: 11], что актуализирует внимание государства к приоритетности развития транспортной инфраструктуры и системы Дальневосточного федерального округа (ДФО), а в перспективе – макрорегиона Дальний Восток и Байкальский регион (включающий все субъекты в составе Дальневосточного федерального округа, Бурятию, Забайкальский край и Иркутскую область), безусловно, не снижая необходимости модернизации и развития транспортной инфраструктуры других территорий в целях создания единого экономического пространства страны.

Следует отметить, что структурирование российских регионов с дифференциацией на микро- и макрорегионы (с опорой на их экономическую специализацию, спектр проблем социально-экономического характера, подразумевающих дополнительные дотации, возможности создания общей инфраструктуры а направлений совместного развития производства и т.д.) в рамках разрабатываемой в настоящий момент концепции «Стратегии пространственного развития России до 2030 года» (СПР) [3], в целях реализации основных положений «Стратегии социально-экономического развития регионов РФ» [4], «Стратегии национальной безопасности РФ» [17] и положений ФЗ “О стратегическом планировании в РФ” [18] может обеспечить новый импульс для развития транспортной системы и инфраструктуры территорий и страны в целом за счет закрепления двухкон-

турного характера развития различных субъектов и усиления их потенциала. Под пространственным развитием в рамках разрабатываемой концепции подразумеваются «прогрессивные изменения в территориальной организации страны, которые являются результатом деятельности государства по совершенствованию организации расселения жителей и размещения, функционирования, обновления на территории регионов объектов инфраструктуры, в том числе транспортной» [4]. При этом прогнозируется, что первые изменения в структуре регионов вступят в силу уже в 2020 году.

В числе макрорегионов, включающих территории двух и более соседних субъектов (для которых будут определяться отдельные направления социально-экономического развития, подразумевающие в том числе приоритетное внимание к развитию транспортной инфраструктуры), помимо уже отмеченного макрорегиона Дальний Восток и Байкальский регион, в рамках первого (среднесрочного этапа) реализации концепции предполагается создать еще три – Столичный (Москва и Московская область), Северо-Западный (все регионы Северо-Западного федерального округа) и Азово-Черноморский (Севастополь, Крым, Ростовская область, Краснодарский край и Адыгея).

В более долгосрочной перспективе (до 2030 года) планируется сформировать еще 5 макрорегионов: Волжский (Нижегородская, Ульяновская, Самарская, Саратовская, Волгоградская области, Татарстан и Чувашия), Уральский (Пермский край, Свердловская, Челябинская и Оренбургская области, Башкирия и Удмуртия), Западно-Сибирский (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа и Тюменская область), Южно-Сибирский (Томская, Новосибирская и Кемеровская области, Алтайский край и Республика Алтай) и Восточно(Центрально)-Сибирский (Красноярский край, Хакасия и Тува). Объединение других субъектов федерации в макрорегионы запланировано на период 2040-2050 гг.

Следует отметить, что такое структурирование вызывает объективные вопросы, если рассматривать данные макрорегионы в составе микроструктур как предполагаемые «точки регионального роста» и развития транспортной инфраструктуры и отрасли. Так, например, Ростовская область, Краснодарский край исторически являются регионами с высоким налоговым потенциалом, уровнем развития, однако например, Севастополь – это новый регион, требующий в настоящий момент реализации большого числа реформ и преобразований, куда направляется большой объем бюджетных трансфертов, но при этом о его самостоятельном развитии как структуры пока еще говорить преждевременно. Исключительно региональных усилий и потенциала для опережающего темпа развития исследуемого сектора здесь, очевидно, будет недостаточно. В свою очередь, например, Адыгея является глубокодотационным регионом, которому свойственна низкая бюджетная обеспеченность и потенциал. Поэтому получается, что в данном макрорегионе развитие экономики одних субъектов будет происходить за счет других. Этот тезис можно спроецировать и на все экономическое пространство страны. Это напрямую касается развития транспортной подсистемы и инфраструктуры, где можно прогнозировать диспропорцию инвестиций и инвестиционного внимания, равно как и развития и модернизации отдельных уже существующих объектов и создания новых. В таких условиях может сложиться ситуация, когда наблюдающиеся проблемы транспортной доступности и уровня развития инфраструктуры микрорегионов могут остаться не только на прежнем уровне, но и принять более углубленный характер, в противовес планируемой многополярности территориального развития. Хотя в то же время инвестиционный интерес к модернизации и развитию инфраструктурных объектов, безусловно, может быть стимулирован и совокупным экономическим потенциалом объединенных микрорегионов и территорий. Таким образом, если ситуация, например, с южным макрорегионом носит проблематичный характер, то Дальневосточному макрорегиону в составе его мезо- и микросубъектов сегодня уделяется особое внимание в направлении модернизации региональной экономической системы, в том числе транспортной подсистемы, в связи с чем у него сегодня присутствуют все объективные предпосылки для скорейшей трансформации в «локомотив роста».

Продолжая анализ, необходимо еще раз подчеркнуть тот факт, что, независимо от транспортного потенциала регионов России и степени их транспортной обеспеченности, текущее состояние транспортной инфраструктуры в региональном разрезе свидетельствует, что решить сохраняющиеся проблемы транспортной доступности в перспективе невозможно только силами самих регионов. Очевидно, что в условиях реализуемой модернизации решение вопросов транспортной доступности в регионах России с целью полноценного внедрения концепции структурной дифференциации и использования ее преимуществ для развития транспортной отрасли и инфраструктуры территорий должно носить комплексный характер с применением научно-обоснованных и методологически оправданных инструментов и подходов, как традиционного, так и инновационного характера, прошедших тщательную апробацию [1, 16 и др.]. Исключительно концептуальный базис структурирования регионов без обеспечения его эффективно разработанной методологической составляющей не даст на практике высоких результатов и даже может, как было аргументированно выше, привести

к углублению существующих проблем микро- и макрорегионов. Необходимые преобразования также требуют существенного увеличения инвестиционной составляющей, обеспечивающей процессы модернизации транспортной инфраструктуры регионов, а также скоординированной на всех уровнях (при взаимодействии органов федерального, регионального, муниципального уровня, усилий бизнеса, общественности) деятельности по формированию условий для развития и обновления транспортной инфраструктуры, необходимой для запуска новых инвестиционных проектов, строительства требующихся производственных объектов, разработки и внедрения новых технологий и инноваций в транспортно-инфраструктурной области, в которых в современных условиях хозяйствования наблюдается особый недостаток как в региональной плоскости, так и в общенациональном контексте.

Список литературы

1. *Гуськов П.В.* Разработка методических подходов к развитию транспортной инфраструктуры регионов России: Автореф.дисс.... канд. экон.наук. М., 2017. 26 с.
2. *Кельбах С.В.* Управление развитием региональной инфраструктуры в условиях модернизации экономики: Дисс…канд. эконом. наук. СПб., 2010. 172 с.
3. Концепция «Стратегии пространственного развития России до 2030 года» [Электронный источник]// Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd (дата обращения: 15.10.2018)
4. *Концепция Стратегии* социально-экономического развития регионов РФ [Электронный источник]// Официальный сайт Министерства регионального развития РФ. URL: http://archive.minregion.ru/WorkItems/DocItem.aspx?PageID=148&DocID=136 (дата обращения: 24.08.2019)
5. *Кородюк И.С.* Научно-методические основы создания транспортно-логистических систем в регионах Сибири и Дальнего Востока: Дисс. ... д-ра экон. наук. Иркутск, 2004. 365 с.
6. *Максимов В.И.* Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре. Критерии оценки концессионных конкурсов. М.: Альпина Букс, 2016. 178 с.
7. *Морозова И.В.* Модернизация транспортной инфраструктуры России. М.: КПТ, 2017. 390 с.
8. *Моттаева А.Б., Лукинов В.А.* Концептуальные основы сближения условий развития регионов в национальной экономике// Науковедение. 2014. №2 (21). С.2-16
9. *Моттаева А.Б.* Роль транспортной инфраструктуры в пространственной интеграции региональной экономики// Науковедение. 2014. № 3. С.2-13.
10. *Моттаева А.Б.* Методология пространственного распределения предпринимательских структур региона на основе развития транспортной инфраструктуры: Монография. СПб.: Астерион, 2015. 308 с.
11. Обзор российского транспортного сектора в 2017 г.: КПМГ в России и СНГ [Электронный ресурс]. URL: https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/ru/pdf/2018/05/ru-ru-transport-survey-2018.pdf (дата обращения: 15.10.2018)
12. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации за 2009 г. [Электронный источник] // Официальный сайт Министерства регионального развития РФ. URL: http://www. minregion. ru/activities/monitor/exec_evaluation (дата обращения: 24.10.2018)
13. *Подгорная Е.А.* Региональная политика в условиях социально-эконо-мической дифференциации субъектов Российской Федерации: Дисс… канд.экон.наук. СПб., 2012. 189 с.
14. *Проскурина И.Ю., Макаров Д.Б.* Приоритетные направления развития региональной транспортной системы // Лесотехнический журнал. 2014. № 3. С.319-331
15. *Реус А.Г.* Стратегия инфраструктурного обеспечения экономики России: дисс… д-ра экон. наук. М., 2007. 360 с.
16. *Рудская И.А.* Формирование и развитие региональных инновационных систем в российской экономике: Дисс. ... д-ра экон. наук. М., 2017. 385 с.
17. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 2). Ст. 212
18. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»// СЗ РФ. 2014. № 26 (ч.I). Ст. 3378
19. *Цыганов В.В.* Управление региональной транспортной системой в условиях рыночной экономики / Б.Я.Рогинский, В.В.Цыганов. СПб.: Знание, 2001. 139 с.

References

1. *Guskov P.V.* Development of methodical approaches to development of transport infrastructure of regions of Russia: Abstract of the thesis of Candidate of Economic Sciences. M., 2017. 26 p.
2. *Kelbakh S.V.* Management of development of regional infrastructure in the conditions of modernization of economy: Thesis of Candidate of Economic Sciences. SPb., 2010. 172 p.

3. Concept of "Strategy of space development of Russia till 2030" [Electronic source] // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd (date of the address: 05.09.2019)
4. Concept of Strategy of social and economic development of regions of the Russian Federation [Electronic source]// Official site of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation. URL: http://archive.minregion. ru/WorkItems/DocItem. aspx?PageID=148&DocID=136 (date of the address: 24.08.2019)
5. *Korodyuk I.S.* Scientific and methodical bases of creation of transport and logistics systems in regions of Siberia and the Far East: Thesis of the Doctor of Economics. Irkutsk, 2004. 365 p.
6. *Maximov V.I.* Public-private partnership in transport infrastructure. Criteria for evaluation of concession tenders. M.: Alpina Buks, 2016. 178 p.
7. *Morozova I.V.* Modernization of transport infrastructure of Russia. M.: KPT publishing house, 2017. 390 p.
8. *Mottayeva A.B. Lukinov V. A.* Conceptual bases of rapprochement of conditions of development of regions in national economy// Naukovedenie. 2014. № 2 (21). Pp. 2-16
9. *Mottayeva A.B.* A role of transport infrastructure in space integration of regional economy// Naukovedenie. 2014. №. 3. Pp. 2-13.
10. *Mottayeva A.B.* Methodology of space distribution of entrepreneurial structures of the region on the basis of development of transport infrastructure: Monography. SPb.: Asterion, 2015. 308 p.
11. The overview of the Russian transport sector in 2017: KPMG in Russia and the CIS [An electronic resource]. URL: https://assets.kpmg.com/ content/ dam/ kpmg/ ru/ pdf/ 2018/05/ru-ru-transport-survey-2018.pdf (date of the address: 05.09.2019)
12. Efficiency evaluation of activity of executive bodies of territorial subjects of the Russian Federation for 2009 [An electronic source]// the Official site of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation. URL: http:// www. minregion. ru/activities/monitor/exec_evaluation (date of the address: 24.08.2019)
13. *Podgornaya E.A.* Regional policy in the conditions of social and economic differentiation of territorial subjects of the Russian Federation: Thesis of Candidate of Economic Sciences. SPb., 2012. 189 p.
14. *Proskurina I.Yu., Makarov D. B.* Priority directions of development of the regional transport system// Timber magazine. 2014. №. 3. Pp. 319-331
15. *Reus A.G.* Strategy of infrastructure providing economy of Russia: Thesis of the Doctor of Economics. M., 2007. 360 p.
16. *Rudskaya I.* A. Forming and development of regional innovation systems in the Russian economy: Thesis of the Doctor of Economics. M., 2017. 385 p.
17. Presidential decree of the Russian Federation of 31.12.2015 № 683 «About the Strategy of national security of the Russian Federation»// Collected Acts of the Russian Federation. 2016. № 1 (P. 2). Article 212
18. The federal law of 28.06.2014 № 172-FZ (an edition of 03.07.2016) «About strategic planning in the Russian Federation»// Collected Acts of the Russian Federation. 2014. № 26 (P. I). Article 3378
19. *Tsyganov V.V.* Management of the regional transport system in the conditions of market economy / B.Ya. Roginsky, V.V. Tsyganov. SPb.: Znanie, 2001. 139 p.

УДК 005.1

Гараев Р.Р.,
студент магистратуры, ФГБОУ ВО Уральский государственный медицинский университет,
rinatgaraev@e1.ru

ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЗГЛЯДОВ НА БИЗНЕС УПРАВЛЕНИЕ

Управление развитием организации – сложный и неоднозначный вид человеческой деятельности. Причина большинства противоречий в системе менеджмента связана с объективным характером самого процесса управления и субъективными способами его реализации. Для обеспечения эффективности требуется достигнуть динамического равновесия. При этом выбор форм и методов управления, который должен соответствовать состоянию и изменениям внешней среды, неочевиден. Наиболее частые споры вызывает выбор мотивации в управлении человеческими ресурсами. С одной стороны в жёстких условиях внешней среды требуется минимизация затрат, с другой стороны, современные теории менеджмента доказывают необходимость стимулировать и всячески поощрять работников.
В статье выделяются основные противоречивые моменты в выборе инструментов менеджмента, рассматривается эволюция подходов к менеджменту, даётся сравнительная характеристика научных взглядов и школ, отмечается противоречие положений господствующих теорий в области бизнес управления и российской хозяйственной практики.
Серьёзные противоречия содержатся в разделе риск-менеджмента. Исследователи предлагают ряд мероприятий, направленных на снижение вероятности появления непредвиденных затрат. С другой стороны сами эти мероприятия требуют дополнительного финансирования. В качестве примера описывается практика неэффективного управления вновь созданного торгового предприятия города Мурманск.
В итоге автор приходит к выводу об отсутствии полноценной теории бизнес-управления, адекватной российским условиям предпринимательства. Ни одна из существующих теорий менеджмента не отражает в должной степени хозяйственные процессы субъектов национальной экономики. Автор говорит о необходимости разработки оригинальной бизнес-концепции, ориентированной на снижение производственных, управленческих, транзакционных и прочих затрат. То есть, предлагается разработать концепцию управления для малых и средних предприятий, ориентированную на минимизации всех видов издержек.
Ключевые слова: менеджмент, школы менеджмента, бизнес, предпринимательство, концепция управления, себестоимость, человеческий капитал, мотивация, доход, управленческие решения, персонал, парадигма контроллинга

Garaev R.,
Master student of FSBEI HE Ural State Medical University

THE CONTRADICTION OF MODERN VIEWS ON BUSINESS MANAGEMENT

Managing the development of an organization is a complex and ambiguous type of human activity. The reason for most of the contradictions in the management system is associated with the objective nature of the management process and subjective ways of its implementation. To be effective, dynamic equilibrium must be achieved. At the same time, the choice of forms and methods of management, which should correspond to the state and changes in the external environment, is not obvious. The most frequent controversy is the choice of motivation in human resource management. On the one hand, in the harsh conditions of the external environment, it is necessary to minimize costs, on the other hand, modern management theories prove the need to stimulate and encourage employees in every possible way.
The article highlights the main contradictory moments in the choice of management tools, examines the evolution of approaches to management, gives a comparative characteristic of scientific views and schools, notes the contradiction of the provisions of the prevailing theories in the field of business management and Russian economic practice.
Serious contradictions are contained in the risk management section. Is investigators propose a number of measures aimed at reducing the likelihood of unforeseen costs. On the other hand, these activities themselves require additional funding. As an example, the practice of inefficient management of the newly created commercial enterprise of the city of Murmansk is described.
As a result, the author comes to the conclusion that there is no full-fledged theory of business management, adequate to the Russian conditions of entrepreneurship. None of the existing theories of management does not adequately reflect the economic

processes of the subjects of the national economy. The author speaks about the need to develop an original business concept focused on reducing production, management, transaction and other costs. That is, it is proposed to develop a management concept for small and medium-sized enterprises, focused on minimizing all types of costs.

Keywords: management, management schools, business, entrepreneurship, management concept, cost, human capital, motivation, income, management decisions, personnel, controlling paradigm

С момента появления менеджмента как отдельного научного направления теория бизнес управления развивалась, появлялись теоретически обоснованные разработки, которые дополняли или противоречили господствующим взглядом на управления, некоторые из них перерастали в отдельные теории, школы управления.

Начало исследований менеджмента было положено выходом в свет книги «Принципы научного управления» У. Тейлора в 1911г. С этого времени теория управления рассматривается как самостоятельное научное направление. Помимо основателя – У. Тейлора – представителями школы научного управления считается Френку и Лилии Гилбрет, Генри Гантту. Суть научной школы управления в том, что, используя такие методы как наблюдения, логику, анализ можно улучшить результативность многих операций ручного труда.

Тейлор замерял количество угля и железной руды, которые мог поднять человек. А Гилбреты изобрели микрохронометр, который они использовали вместе с кинокамерой, чтобы точно определить, какие именно движения выполняются при определенных операциях и как много времени занимает каждое движение [2, С. 39]. Таким образом, они выявили так называемые непродуктивные движения и создали теоретическую схему действий рабочего для повышения его производительности.

Можно заключить, что важным вкладом научной школы управления является идея систематизации стимулирования труда. Представители этой школы подчёркивали важность обучения для работников, а деятельность по управлению людьми рассматривали как особую специальность, до этого считалось, что рабочие сами определяют свою деятельность.

Следующий этап развития школы управления, включающий другой подход к мотивации и стимулированию труда, является классическая, или как её называют административная школа. Она доминировала в научной среде управления персоналом 1920 -1950 годы.

Административная школа фокусировалась на управлении производством. Целью этой школы было создание универсальных принципов управления. Была попытка разработки универсальных принципов управления работниками. Существенным вкладом Анри Файоля заключается в том, что он определил управление кадрами как универсальный процесс, который включал несколько взаимосвязанных функций – планирования, организации, мотивации и контроля.

С помощью планирования руководитель определяет единые цели для всего предприятия и всех её работников, то есть – обозначает основное направление труда. Организация работы помогала сфокусировать усилия групп работников на достижении запланированных результатов. А задачами функции мотивации является принудить членов организации выполнять трудовую деятельность в соответствии с делегированными им обязанностями и сообразуясь с планом. Контроль обеспечивал правильный курс на достижение поставленных целей. Мотивация при этом рассматривалась в качестве соотношения денежного заработка и усилий, прилагаемым работником. Чем выше денежное вознаграждение – тем больше усилий будет прилагать работник, то есть – тем будет выше производительность труда.

А. Файоль выдвинул ряд принципов, которые легли в основу дальнейшего развития системы управления.

Тридцатые – пятидесятые годы двадцатого века ознаменовались появлением и развитием школы человеческих отношений, основу которой заложили Мери Паркер Фоллетт и Элтон Мэйо.

Школа человеческих отношений, которую также называют психологической школой, полагает, что, если руководство заботится о сотрудниках, то растёт степень их удовлетворённости трудом, что, в конечном итоге, приводит к увеличению производительности труда.

Представители школы человеческих отношений положили начало развитию социальных методов мотивирования персонала, указывая на необходимость предоставлять работникам более свободные условия труда.

Отдельно стоит выделить школу поведенческого (бихевиористского) направления. Её представителями являются Криса Арджирис, Ренсис Лай-керт, Дуглас МакГрегор, Фредерик Герцберг. Они исследовали различные аспекты мотивации, авторитета руководителя, социального взаимодействия, коммуникационной системы, формального и неформального лидерства, организационной структуры, качества трудовой жизни.

Школа поведенческих наук сфокусировалась

на анализе межличностных отношений между работниками и руководителем, она связывала эффективность деятельности организации и эффективность использования человеческих ресурсов.

Развитие школы количественных отношений базируется на достижениях точных наук – математики, инженерного дела, статистики. Широко известными представителями являются Расселл Акофф, Людвиг фон Берталанфи, Стаффорд Бир, Лоренс Клейн, а также А. Гольдбергер, Д. Фосрестер, Р. Люс и Н. Джорджеску-Реган.

Она сформировалась в пятидесятых годах двадцатого века и функционирует по сегодняшний день. К заслугам количественной школы можно отнести то, что она позволила определить внутренние и внешние факторы, влияющие на эффективность работы организации. В рамках количественной школы выделяют два направления: первое придерживается системного подхода к анализу организации и делает акценты на процессном и ситуационном подходах, а вторая – предпочитает применять методы ЭВМ и кибернетики, оно связано с именем экономиста А. Каунота. Каунтон предложил использовать метод моделирование (альтернативных вариантов течения событий) при принятии решений, касающихся управления персоналом.

Школы управления, переставшие существовать как таковые в настоящее время:

- школа научного управления;
- школа административного управления;
- школа человеческих отношений;
- школа науки управления.

Общий для ранних школ управления недостаток – отсутствие комплексности исследования, акцент на определённой характеристике управления.

Представим сравнительную характеристику школ и подходов к бизнес-управлению, существующих в социуме в настоящее время (табл. 1).

Кроме того, некоторые авторы научной литературы пишут о так называемом национальном подходе к управлению, глобализационной теории управления, но нет достаточных оснований выделения на этой основе отдельного менеджмент управления, тем более – школы.

Противоречия существующих подходов к управлению различаются по следующим основным вопросам:

- доминирующая парадигма управления (парадигма контроллинга, парадигма делегирования);
- предпочтительный стиль лидерства (демократический, либерально-демократический, либеральный);

Таблица 1.

Сравнительная характеристика подходов и школ к управлению [составлено автором]

	Школа поведенческих наук	**Процессный подход к управлению**	**Системный подход (школа социальных систем)**	**Ситуационный подход**
Время появления	1950-ые годы	1950-ые годы	1950-ые годы	1970-ые годы
Представители	А.Маслоу, К.Арджирис, Д.МакГрегор, Ф.Герцберг	А. Файоль, Ф. Тейлор, Р.Черчмен, В. Вудфорт	А. Чандлер, Г. Саймон, Д. Марч, П. Друкер, В.Г. Афанасьев, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин	П. Друкер, У. Марч, Р. Томпсон, П. Лоренс, Л.Лорш
Идея	люди – главный ресурс организации и повысить эффективность фирмы можно посредством роста эффективности использования человеческих ресурсов	процесс – основной элемент бизнес-управления. Главное – обеспечение совместной работы, делается акцент на результата, а не на работника в отдельности	организация – это сложный комплекс взаимозависимых и взаимодействующих элементов, целостная открытая система	методы управления, функции управления, стили, структуры и принципы управления должны определяться исходя из ситуации
Характеристика	изучение развития сотрудничества с подчинёнными, условий наиболее полной реализации их способностей	создания горизонтальных связей в организациях, подразделения и работники, которые задействованы в одном процессе, могут самостоятельно координировать свою работу в рамках процесса и решать появляющиеся проблемы без участия руководителей	разработка современных теорий мотивации, лидерства, коммуникаций, конфликтов, принципов принятия управленческих решений; разработка и обоснование гибких организационных структур и стратегического управления	увязка конкретных приемов и концепций бизнес управления с определенной конкретной ситуацией для достижения цели организации наиболее эффективным способом.

- способы придания гибкости организационной форме управления (повышение структурной гибкости через соответствующие структурные преобразования, обеспечение интеллектуальной и информационной гибкости);

- направленность бизнес-управления (снижение рисков, акцент на антикризисном стиле принятия решений, инновационное управление, проектное управление);

- отношение к работнику (акцент на потребностях каждого работника, рассмотрения работающих групп в совокупности, акцент на результат);

- методы принятия решений (коллегиальные, индивидуальные) и способы их обоснования (аналитические, интуитивные) [1, 2, 6].

Таким образом, в настоящее время сосуществует множество различающихся между собой взглядов на управление бизнесом. Некоторые из них сфокусированы на управлении персоналом, другие – на использовании прогрессивных технологий вплоть до искусственного интеллекта, третьи – на инновационном развитии, четвёртые на развитии рынка и конкурентоспособности фирмы, пятые – на организационной структуре и внутреннем взаимодействии. Выделим причины одновременного существования множества взглядов на управление бизнесом.

1. Менеджмент как гуманитарная дисциплина допускает плюрализм мнений, так как в отличие от естественных дисциплин методы экономического и социального анализа допускают множественные решения (выводы), которые могут противоречить друг другу.

2. Развивая теорию управления, обычно, берётся некая общая модель фирмы, которая, обычно, занята сбытом (производством и торговлей) продукции, имеет штат свыше 30 человек и массивную систему товарооборота. Как правило, игнорируются малые фирмы, некоммерческие организации, казённые фирмы, компании, массово использующие дешёвую рабочую силу, не граждан России.

3. Основываясь на историческом опыте, исследователь берёт за основу определённое общество (страну, регион) со сложившейся культурой, уровнем производительных сил и менталитетом. При этом, как доказано (японская модель, американская модель, европейская модель управления) указанные факторы могут непосредственно влиять на получаемые выводы. По сути не существует теории управления разработанной под развивающиеся или отсталые страны (перенимаются и «адаптируются» модели, используемые в развитых странах).

Так, в России с начала перестройки по настоящее время «модно» говорить о развитии организационной культуры, постоянном обучении персонала, внедрении прогрессивных информационных технологий, информатизации документооборота, внедрении инноваций и выход на новые рынки [3, 4]. Однако, если не брать в учёт единственные по мировым стандартам развитый рынок г. Москвы и крупнейшие объединения олигополистического типа, для РФ больше приемлема модель управления, максимально снижающая издержки. Приведём несколько происходящих в действительности примеров.

Получив субсидию для развития малого бизнеса предприниматель, кроме этого взяв кредит в ПАО «Сбербанк» (обычно именно ПАО «Сбербанк» выдаёт кредиты на развитие малого бизнеса в России, как и произошло в рассматриваемом примере) заключает договор аренды на год в городе Северо-Западного региона (число жителей чуть более 300 тысяч), тратит около 600 тысяч рублей на отделку помещения, отдельно оборудует комнату для отдых персонала и нанимает работников – восемь продавцов-кассиров и двоих уборщиков помещения (для сравнения в двухстах метрах от магазина несколько лет функционирует аналогичный по площади и ассортименту торговый пункт, где на постоянной основе работает четыре продавца-кассира и один приходящий уборщик помещения). Предприниматель также заключает договоры на поставку продукции из пекарен и ресторанов. Он приобретает лицензию на самое прогрессивное информационное обеспечение бизнеса с высокой степенью защиты данных, заключает договоры с банком – эквайером на обслуживание банковских карт и первый месяц продаёт хлебобулочные изделия на 10% ниже себестоимости закупок, чтобы привлечь покупателей. Его бизнес-стратегия вполне укладывается в «модные» менеджмент-рекомендации для стартапов: развитие персонала, использование прогрессивных информационных технологий, маркетинговая стратегия «глубокого проникновения». Однако через восемь месяцев работа нового магазина (который назывался «Для Вас») была приостановлена, а через год фирма официальна ликвидирована.

Главная причина – необоснованно высокие издержки и переоценка рынка. «Вклад» в развитие персонала увеличил лояльность работников, но никак не сказался на их производительности, то есть по сути, только увеличил финансовую нагрузку. Снизив стоимость хлебобулочных изделий – предприниматель привлёк покупателей, ориентированных на скидки, для которых стоимость заказанных из ресторана продуктов выше той, на которую они ориентируются (с учётом того, что поблизости есть магазины с более дешёвыми аналогичными продуктами и продуктами-заменителями). Приобретя дорогостоящее информационное обеспечение с мощной защитой данных, предприниматель не сильно снизил информационные риски, которые и так были невысокими. То есть переплата за информационное обеспечение не

была оправдана. В результате предприниматель так и не получил желаемый доход (ежемесячная выручка оставалась ниже переменных издержек) и после ликвидации фирмы продолжает выплачивать кредит (который он взял как физическое лицо).

Отметим, что наполнение российского рынка дешёвой продукцией из Китая, Бангладеша и Индии указывает на неверную господствующую бизнес-концепцию производственных предприятий в целом. Малые и средние предприятия, о необходимости поддержки которых принято говорить в высших политических кругах вытесняются крупными конгломерациями, а выделяемые из бюджета средства на их поддержку по факту неэффективны. Так, АО «Мэлон Фэшн Груп» часть моделей (около 3-7%) производит на собственной текстильной фабрике, остальное заказывает в Китае, Индии и Бангладеше. По словам генерального директора Уржумцева М.М. заказывать одежду в Китае, Индии и Бангладеше гораздо проще и дешевле, чем в России [5]. По его словам: «в России производственная инфраструктура не развита, есть отдельные швейные фабрики, которые разбросаны по всей стране. Получается, что одна фабрика может сшить 10 тысяч пальто, другая — 10 тысяч блузок. Именно в таких количествах. А наше производство — многомиллионное. При этом они не могут сами купить ткани, фурнитуру (потому что ее нет), сделать отделку. Они «гнут пальцы» и говорят: «Вот это мы будем делать, а это нет. Это успеем, а это нет». А стоит все это в два раза дороже, чем в Китае». При этом, чтобы снизить валютные риски Уржумцев допускает идею о развитии собственного производства, однако в настоящее время такое ведение дел себя не оправдывает. В связи с низкой стоимостью труда продукция в Китае, Индии и Бангладеше – конкурентоспособнее, чем в России.

Основная схема производства: заказ из-за рубежа поступает на склад в Ленинградской области, оттуда распределяется по магазинам, в соответствии с запросами. Если модели старых сезонов не распродаются, они возвращаются обратно на склад и списываются по себестоимости.

Таким образом, необходима разработка оригинальной бизнес-концепции, ориентированной на снижение издержек (не риск-менеджмента, а именно – сокращение всех видов – производственных, транзакционных, управленческих издержек) в управлении фирмой для малых и средних предприятий.

Так, можно предложить следующие основные посылки предлагаемой концепции.

1. Ориентация на минимизацию производственных, коммерческих и управленческих издержек.

2. Развитие лояльности персонала в форме поощрения и обучения применять исключительно к узким специалистам и высшим управленцам.

3. Решение об обновлении информационного обеспечения должно осуществляться с учётом направления основной деятельности предприятия и стоимости программных продуктов.

4. Выбор и модификация организационной структуры должно осуществляться на основе достижения цели минимизации штата.

5. Финансирование программы снижения рисков производить по остаточной схеме финансирования.

6. Фокус внимания в целеполагании сделать на выживаемость на рынке.

7. Ориентация на малозатратные методы мотивации персонала.

Подводя итог, можно заключить о наличии противоборствующих методологий между научной эвристикой и системным анализом, бизнес-парадигмой делегирования и парадигмой контроллинга, между подходами интуитивного и аналитического стиля управления. Однако наиболее важно, по моему мнению, сгладить противоречие между господствующей теорией бизнес-управления и российской практикой. Ни одна из существующих теорий менеджмента не отражает в должной степени хозяйствующие процессы национальной экономики. Поэтому необходимо разработка принципиально новой (не заимствованной или адаптированной) бизнес-концепции, ориентированной на минимизацию издержек фирмы.

Список литературы

1. *Бухалков, М.И., Кузьмина, Н.М.* Источники внутренней мотивации персонала/ М.И. Бухалков // Человек и труд. – 2018, № 10. – С.5-12.
2. *Веснин,В.Р. Практический* менеджмент персонала: Пособие по кадровой работе. 2-е изд. доп. — М.: Юристъ, 2018. — 496 с.
3. *Леднева, С.А., Кудрина А.А.* Эффективные методы управления / С.А. Леднева // Мотивация и оплата труда. – 2016. – №2. – С.136-145.
4. *Парамонов, А.В.* Анализ эндогенных кризисов предприятия // Аудит и финансовый анализ. – 2018. – №1 – С.25 – 32.
5. *К. Юркина.* РБК: интервью с М. Уржумцевым. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/11/2018/5bdaf0459a79475b8d59df48 Дата обращения: 5.09.2019.
6. *Смирнов, Э.А.* Управленческие решения: Учебник для вузов. – М.: КРИОКР, 2016. – 362 с.

References

1. *Bukhalkov, M.I., Kuzmina, N.M.* Sources of internal motivation of staff / M.I. Bukhalkov // Man and Labor. – 2018, No. 10. – C.5-12.
2. *Vesnin, V.R.* Practical personnel management: A manual for personnel work. 2nd ed. add. – M .: Yurist, 2018 .- 496 p.
3. *Ledneva, S.* A., *Kudrina A. A.* Effective management methods / S.A. Ledneva // Motivation and remuneration. – 2016. – No. 2. – S.136-145.
4. *Paramonov, A.V.* Analysis of endogenous crises of an enterprise // Audit and financial analysis. – 2018. – No. 1 – C.25 – 32.
5. *K. Yurkina.* RBC: interview by M. Urzhumtseva. Electronic resource. Mode of access: https://www.rbc.ru/spb_sz/01/11/2018/5bdaf0459a79475b8d59df48 date of access: 5.09.2019.
6. *Smirnov, E.A.* Management decisions: Textbook for universities. – M .: KRIOKR, 2016 .- 362 p.

УДК 368.51

Мартынова Н.А.,
аспирант Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский Научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства,
martinova@gmail.ru

ПРОБЛЕМЫ СТРАХОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ

Целью статьи является исследование состояние и основных проблем в современном агропромышленном комплексе (Далее – АПК). Объектом изучения автора выступает агропромышленный комплекс России, а предметом – развиваемая система страхования АПК. Применяя эволюционный, сравнительный методы исследования, изучая предпосылки внедрения системы страхования в агропромышленном комплексе России, зарубежный опыт, автор констатирует, что институт страхования в странах Европы и США сегодня находится на различных уровнях развития, но при этом значительно опережает в своем генезисе отечественный. Увеличение государственной поддержки, в том числе на финансовом уровне, как механизма устойчивого развития российского сельского хозяйства, по мнению автора, является важным, но очевидно недостаточным шагом в современной ситуации, не позволяющим обеспечить управление возникающими в сфере АПК рисками. Автор систематизирует существующие виды страхования в АПК в российских условиях и рассматривает возможности внедрения на практике различных перспективных методических механизмов, действующих на системном уровне и позволяющих нивелировать и минимизировать высокорискованную ситуацию, сложившуюся в отечественном АПК. Анализ ситуации на рынке российского сельскохозяйственного страхования позволил автору сделать вывод о том, что для дальнейшего развития механизмов его страхования и повышения эффективности механизмов их применения, необходимо не декларативное, а практическое применение системного подхода. В качестве результата исследования автор аргументирует корреляцию процессов эффективности в исследуемой области с числом и активностью участвующих в данной системе заинтересованных субъектов как определяющих параметров, обеспечивающих устойчивость системы и повышение ее рискориентированности. Автор ведет речь о необходимости вовлечения в этот процесс более значительного числа бизнес-структур и финансово-кредитных организаций для обеспечения высокого уровня финансовой поддержки и повышения уровня инвестирования, а не только растущей роли государства, а также большего количества сельскохозяйственных товаропроизводителей, тем самым обеспечивая стабильность социально-экономического развития села.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, АПК, страхование, страхование в АПК, риски, система страхования рисков, государственная поддержка АПК, страховой случай

Martynova N.,
graduate student of the Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development of Rural Areas - the All-Russian Scientific Research Institute of Agricultural Economics

INSURANCE PROBLEMS IN MODERN AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

The purpose of the article is to study the state and main problems in the modern agricultural complex. The object of the author 's study is the agro-industrial complex of Russia, and the object is the developing insurance system of the agro-industrial complex. Applying evolutionary, comparative methods of research, studying the prerequisites for the introduction of the insurance system in the agro-industrial complex of Russia, foreign experience, the author states that the insurance institute in the countries of Europe and the USA today is at different levels of development, but at the same time significantly ahead of the domestic genesis. The increase in state support, including at the financial level, as a mechanism for the sustainable development of Russian agriculture, according to the author, is an important but obviously insufficient step in the modern situation, which does not allow to ensure the management of risks arising in the sphere of agro-industrial complex. The author systematizes the existing types of insurance in the agro-industrial complex in Russian conditions and considers the possibilities of introducing in practice various promising methodological mechanisms operating at the system level and allowing to offset and minimize the high-risk situation established in the domestic agro-industrial complex. The analysis of the situation

in the Russian agricultural insurance market allowed the author to conclude that in order to further develop the mechanisms of its insurance and increase the effectiveness of the mechanisms of their application, it is necessary not a declarative, but a practical application of a systemic approach. As a result of the study, the author argues correlation of efficiency processes in the investigated area with the number and activity of stakeholders participating in the given system as determining parameters ensuring stability of the system and increase of its risk orientation. The author is talking about the need to involve a larger number of business structures and financial and credit institutions in this process in order to ensure a high level of financial support and increase the level of investment, not only the growing role of the state, as well as more agricultural producers, thereby ensuring the stability of the socio-economic development of the village.

Keywords: agrarian and industrial complex, insurance, insurance in agrarian and industrial complex, risks, the system of insurance of risks, the state support of agrarian and industrial complex, an insured event

В текущих экономических условиях, характеризующихся частыми кризисными явлениями и нестабильностью, высокой изменчивостью под влиянием различных факторов внутреннего и внешнего порядка, в любой из систем хозяйствования одну из определяющих ролей приобретает эффективное использование механизмов страховой защиты. Сельскохозяйственная отрасль в данном контексте не является исключением. В особенности в российских условиях, где сельскохозяйственную сферу на протяжении последних десятилетий специалисты справедливо оценивают как одну из наиболее рискованных отраслей экономики [8]. Это объясняется тем фактом, что широта географических границ и климатических поясов в нашей стране достаточно значительна, характеризуясь наличием большого числа труднодоступных территорий, а природные условия во многом непредсказуемы, особенно в северной и южной части страны.

О высоком и продолжающем свой рост риске в исследуемой области свидетельствует тот факт, что в так называемую «зону рискованного земледелия» в начале 2000-х гг. входили преимущественно территории России, расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако по состоянию на 2018-2019 гг. экспертами Агропромышленного Союза России (http://www.insur-info.ru/press/66214/) к числу таких районов, где сбои по урожайности по природным условиям могут колебаться в значительной степени, было отнесено уже 80% территории страны. Немалое влияние на сложившуюся ситуацию в данном случае оказывает глобальное изменение климата, затрудняющее процессы прогнозирования в системе АПК. Следует упомянуть и крайне слабую инфраструктурную составляющую в сельскохозяйственной области, которая во многих регионах страны находится в состоянии многолетнего упадка и разрушения или же в целом не развита.

Российское сельхозпроизводство каждый год несет колоссальные убытки от стихийных бедствий, которое государство в данный момент покрыть не в состоянии. Согласно статистическим данным Национального союза агростраховщиков (http://www.naai.ru/press-tsentr/analitika/), только за первую половину 2019 г. данные убытки составили 7 млрд.рублей. Убытки при этом были зафиксированы в 18 регионах России, более половины заявленных потерь – около 4,4 млрд. рублей – пришлось на гибель озимых, в связи с чем был объявлен режим чрезвычайной ситуации в Мордовии, Чечне, Татарстане (самые масштабные потери – на 1,6 млрд. руб.) и Чувашии. [7, с.12]

Падение темпов производства в российском сельском хозяйстве за последние годы составляет, по некоторым оценкам, в среднем 4-5% в год [10]. В то время как реализуемая на государственном уровне программа развития АПК, попытки изменить ситуацию на региональном и муниципальном уровне, совершенно не учитывают интересы сельскохозяйственных товаропроизводителей и не направлены на решение проблем сельскохозяйственной отрасли, сводясь исключительно к разработке программных инструментов и декларативным усилиям, оптимистическим прогнозам и заявлениям, нацеленным при этом на длительную перспективу.

Систематизируя вышесказанное, можно сказать, что ситуация в отечественном АПК наглядно свидетельствует, что существующие на данный момент программы и методы, используемые на государственном уровне регулирования ситуации, и не в полной степени позволяют компенсировать возникающий ущерб. Развитие такого направления как оказание государственной поддержки аграриям, к сожалению, не принесло ожидаемых высоких показателей развития агропромышленной отрасли. Текущие обстоятельства указывают на целесообразность интеграции в систему российского АПК дополнительных методических инструментов и механизмов, предполагающих по своей природе и функционалу полное возмещение ущерба сельскохозяйственным производителям при наступлении риска определенного характера. Увеличение государственной поддержки, в том числе на финансовом уровне, как механизма устойчивого развития российского сельского хозяйства является важным, но очевидно недостаточным шагом в современной

ситуации, не позволяющим обеспечить управление возникающими в сфере АПК рисками. Вышесказанное обуславливает высокую актуальность в развитии услуг страхования в российском агропромышленном секторе и необходимость интенсификации их внедрения на практике как перспективных методических механизмов, действующих на системном уровне и позволяющих нивелировать и минимизировать высокорискованную ситуацию, сложившуюся в отечественном АПК.

В последнее время вопрос о необходимости разработки стратегии развития страхования в АПК является актуальным для российской науки и практики на всех уровнях [3, с.2433]. Сельскохозяйственное страхование, осуществляемое с государственной поддержкой, занимает определенную нишу на страховом рынке России и представляет собой «систему экономических и организационных мер, направленных на защиту имущественных интересов производителей сельскохозяйственной продукции, связанных с необходимостью предоставления страховой защиты от рисков утраты (гибели) и/или частичной утраты производимой ими продукции сельскохозяйственного назначения» [4, с.96].

Следует обратить внимание на тот факт, что формирование фондов страхования подразумевает не только своевременное реагирование со стороны страховщиков на какой-либо страховой случай, но и также предполагает и оперативное предупреждение возможных негативных последствий в случае неблагоприятных условий. Таким образом, построение эффективной системы страхования сельскохозяйственных рисков с государственной поддержкой может обеспечить повышение устойчивости АПК и преодоление кризисных явлений в сельском хозяйстве, повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность отечественного АПК в условиях нарастающей глобализации мировой экономики.

В сельском хозяйстве в настоящее время выделяются следующие виды страхования:

- страхование урожая сельскохозяйственных культур;
- страхование сельскохозяйственных животных;
- страхование объектов аквакультуры;
- страхование основных фондов на предприятиях АПК;
- страхование спецтехники [1, с.245].

При этом следует подчеркнуть тот факт, что в настоящее время одной из важнейших стратегических задач агропродовольственной политики России является совершенствование механизмов страхования урожая сельскохозяйственных культур, о необходимости развития которой свидетельствуют уже отмеченные нами выше неблагоприятные события в отечественном АПК.

Во многих развитых странах мира, в том числе находящихся в более благоприятных природно-климатических условиях, по сравнению с Россией, страхование сельхозрисков является объектом пристального внимания и поддержки со стороны государства как актуальный инструмент повышения устойчивости АПК. Институт страхования в странах Европы и США сегодня находится на различных уровнях развития, но при этом значительно опережает в своем генезисе Россию, что обуславливает важность и перспективность изучения зарубежного опыта в исследуемой сфере с целью определения возможностей его адаптации в регионах страны с учетом национальной и территориальной специфики. Надо отметить, что формы развития и виды поддержки сельскохозяйственного страхования за рубежом при этом отличаются большой вариативностью, как и общий методический подход к реализации механизма страхования. [6, с.62] Так, например, в США реализуется федеральная программа страхования урожаев, предусматривающая защиту от наиболее опасных рисков в целях снижения экономических потерь сельского хозяйства. В свою очередь в Германии применяется прямое возмещение государством убытков сельскохозяйственных предприятий (при ущербе, нанесенном наводнением, бурей, другими природными катаклизмами – до одной трети убытков). [6, с.63]

Отметим тот факт, что эффективному развитию такого важнейшего инструмента регулирования рисками в АПК как институт страхования за рубежом сегодня способствует тот факт, что его государственная поддержка, в соответствии с правилами Всемирной торговой организации (ВТО), освобождена от обязательств по сокращению. Зарубежный опыт свидетельствует также о том, что страхование представляет собой «не только механизм защиты имущественных интересов самих товаропроизводителей, но и тех инвестиций, которые направляются в современные инновационные технологии сельскохозяйственного производства» [5, с.371]. Сегодня на предприятиях АПК по всему миру активно осуществляется диверсификация производства, в особенности актуальная для нашей страны, где многие хозяйства в данной области, находясь в состоянии перманентного или хронического кризиса, ищут подобным образом возможные пути выхода из сложившейся ситуации. Диверсификация дает возможность предприятиям АПК освободиться от односторонней зависимости от конъюнктуры специализированного рынка, а инвесторам – повысить устойчивость своих вложений за счет вариативности инвестиционного портфеля и сбалансированности рисков в подобных условиях.

Говоря о развитии механизмов страхования в отечественном АПК как насущной необходимости, опираясь на зарубежный опыт, в первую очередь,

следует подчеркнуть важность применения институционального и системного подхода к его внедрению. Построение любой системы и ее институализация, обеспечение необходимыми организационно-правовыми, методическими механизмами, демонстрирующими высокую эффективность, всегда является процессом долговременным. Разработать и внедрить высокоорганизованную систему страхования в рамках рискориентированного подхода к отечественному АПК за короткий период, с учетом ее объема и территориальных особенностей страны, крайне затруднительно, несмотря на множественные положительные сдвиги в данной области за последние годы. Между тем, промедление в данной сфере очевидно является крайне губительным для российского АПК с учетом его состояния.

Совершенствование механизмов страхового обеспечения АПК в российских условиях, на наш взгляд, в первую очередь, должно найти отражение в повышении эффективности кредитования сельскохозяйственных товаропроизводителей. В этой связи страховой полис можно будет рассматривать в двух аспектах: как средство обеспечения безопасности залогового имущества и как самостоятельный высоколиквидный залоговый инструмент. В сложившихся условиях хозяйствования также возникает необходимость выделения подсистем страхования с целью более эффективного развития и внедрения данного механизма, например, с учетом уже представленных нами обоснований, в первую очередь речь, как мы полагаем, должна идти о разработке отдельной государственной программы поддержки страхования сельскохозяйственных культур в рамках кредитного механизма регулирования агропромышленного производства.

Учитывая тот факт, что сегодня одним из ведущих препятствий для развития системы сельскохозяйственного страхования в нашей страны выступает тяжелое финансово-экономическое положение большей части потенциальных страхователей, важнейшей задачей, по мнению исследователей, в данных условиях является «разработка и имплементация мер, направленных на обеспечение доступности страхования сельскохозяйственных рисков для максимально широкого круга сельскохозяйственных товаропроизводителей». [1] Анализ мирового опыта страхования в сфере АПК свидетельствует, что сегодня практически во всех развитых странах сельскохозяйственное страхование осуществляется при условии активной поддержки и финансовом участии государства (Канада, Испания, США, Франция, Германия, Португалия и др.). На европейском уровне в эти процессы также включаются структуры ЕС, оказывающие значительную поддержку агропромышленному сектору стран как в области развития, так и страхования АПК. Финансовое участие при этом находит выражение либо в «субсидировании части страховой премии, уплачиваемой сельскохозяйственными товаропроизводителями, либо в виде участия в возмещении ущерба, возникшего в результате страховых случаев». [9, с.44]

В целом подводя итог проведенному анализу, оценивая российскую ситуацию в исследуемой сфере, нужно констатировать, что, несмотря на множественные положительные сдвиги, которые имели место в области развития сельскохозяйственного страхования, осуществляемого с государственной поддержкой, вести речь о нем как о системе и институте еще пока очень преждевременно. В настоящий момент нерешенными остаются ряд аспектов и проблем, тормозящих эффективное использование финансовых ресурсов, выделяемых на поддержку страхования государством и обеспечение финансовой устойчивости сельскохозяйственного страхования [4, 5, 7, 10]:

1. Компенсационный характер субсидий, выделяемых сельскохозяйственным товаропроизводителям. Возмещение предоставляется пользователям страхового механизма лишь после полной оплаты страхового взноса в размере 100%. А учитывая плачевное финансовое состояние большинства сельскохозяйственных товаропроизводителей это крайне затруднительно.

2. Затраты на страхование в АПК в российских условиях остаются высокими, а вариативность и число страховых программ – низким, в том числе это касается цены подобных программ, что автоматически исключает из системы большое число заинтересованных субъектов.

3. На федеральном уровне отсутствует типовая, единообразная линейка страховых продуктов, в том числе относительно низких по стоимости и доступных широкому кругу потребителей, по которым предоставляется государственная поддержка.

4. Не разработанным остается механизм перераспределения рисков на территории страны, о его действии говорить пока затруднительно. Между тем, в зарубежной практике данный аспект находит разработку и внедрение на самых ранних этапах имплементации элементов системы страхования в АПК.

5. Отсутствует скоординированность, распределение полномочий и зон ответственности в системе возмещения ущерба от стихийных бедствий с применением средств страховых компаний, федерального, регионального, муниципального бюджетов. Практика свидетельствует пока о полном отсутствии эффективных страховых инструментов для предупреждения и возмещения крупных катастрофических убытков. Российская система страхования остается к ним неготовой, а число и интенсивность стихийных бедствий за последние годы растет, оказывая разрушительное воздействие на АПК страны.

6. Отсутствует система независимой оценки ущерба и единого порядка урегулирования убытков по договорам страхования, обеспеченных государственной поддержкой.

7. При разработке механизмов страхования, страховых продуктов и решений слабо учитываются почвенно-климатические особенности регионов страны, как и в целом специфика регионального и муниципального уровней.

8. До сих пор широко распространенной остается практика применения различных «серых» схем для обманного получения средств государственной поддержки без осуществления реального страхования сельскохозяйственных рисков.

Анализ ситуации на рынке российского сельскохозяйственного страхования в целом позволяет сделать вывод о том, что для дальнейшего развития механизмов его страхования и повышения эффективности механизмов их применения, необходимо не декларативное, а практическое применение системного подхода. В российских условиях развитие механизма страхования в сфере российского АПК на системном уровне будет во многом зависеть от активности и числа участвующих в данной системе заинтересованных субъектов, что позволит обеспечить устойчивость системы и повысить ее рискориентированность. Это требует как вовлечения в этот процесс более значительного числа бизнес-структур и финансово-кредитных организаций для обеспечения высокого уровня финансовой поддержки и повышения уровня инвестирования, а не только растущей роли государства, а также большего количества сельскохозяйственных товаропроизводителей, тем самым обеспечивая стабильность социально-экономического развития села. Одним из драйверов в данной ситуации, на наш взгляд, должна выступить система саморегулирования (саморегулируемые организации и объединения профессионалов – в том числе на региональном, муниципальном уровнях), которые позволят объединить перспективный опыт профессионалов и оценить эффективность апробации внедряемых механизмов страхования, будут способствовать его более прицельной диссеминации на территории страны, выявлению и преодолению возникающих проблем.

Список литературы

1. *Винникова И.С.,* Кузнецова Е.А. Страхование агропромышленного комплекса: проблемы и перспективы развития // Карельский научный журнал. № 4. С.245-247
2. *Воловик Ю.* Государственная поддержка – основа развития агрострахования//АПК: экономика, управление. 2010. № 1. С.42-47.
3. *Завалько Н.А.* Подготовка управленческих решений в системе ГМУ // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 2432-2434.
4. *Иванова В.Н., Гончаров В.Д.* Методические подходы к оценке экономических рисков в АПК // Вопросы экономики и права. 2012. № 4. С.95-99.
5. *Ковалева Н.Н.* О мерах по совершенствованию системы страхования сельскохозяйственных товаропроизводителей // Никоновские чтения. 2009. № 14. С.370-371.
6. *Семенова Н.Н.* Развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве для обеспечения устойчивости аграрного сектора экономики// Финансы и кредит. 2013. № 7 (535). С. 60-68.
7. Состояние агропромышленного сектора России (2017-2018 г.). М.: ЕОСАК-НСА, 2019. 120 с.
8. *Супрунова Е.С.* Страхование агропромышленного комплекса в России: современное состояние и перспективы развития [Электронный источник]// Материалы VII Международной научной конференции «Актуальные вопросы экономики современной России». 2015. URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015017027(дата обращения: 09.10.2019)
9. *Хусайнов М.Н.* Налоговое регулирование сельскохозяйственного производства // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2012. № 2-6. С. 43-48.
10. *Шагайда Н.И, Узун В.Я.* Тенденции развития и основные вызовы агропромышленного сектора России: Аналитический доклад – 2017 [Электронный источник]// Центр стратегических разработок РАНХиГС. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Doklad_selskoe_hozyai-stvo_ veb.pdf (дата обращения: 08.10.2019)

References

1. *Vinnikova I.S.,* Kuznetsova E.A. Insurance of agro-industrial complex: problems and prospects of development // Karelian scientific journal. № 4. Pp. 245-247
2. *Volovik Yu.* State support is the basis of agricultural insurance development// AIC: economy, management. 2010. № 1. Pp. 42-47.
3. *Zavalko N.A.* Preparation of management decisions in the system of GMU Financial economy. 2018. № 7. Pp. 2432-2434.
4. *Ivanov V.N.,* Goncharov V.D. Methodological Approaches to Economic Risk Assessment in Agro-Industrial Complex// Issues of Economy and Law. 2012. № 4. Pp. 95-99.

5. *Kovaleva N.N.* On Measures to Improve the Insurance System of Agricultural Producers// Nikon Readings. 2009. № 14. Pp.370-371.
6. *Semenova N.N.* Development of the system of insurance of risks in agriculture to ensure the sustainability of the agricultural sector of the economy// Funds and credit. 2013. № 7 (535). Pp. 60-68.
7. State of the agro-industrial sector of Russia (2017-2018). Moscow: EOSAC-NSA, 2019. 120 p.
8. *Suprunova E.S.* Insurance of Agro-industrial Complex in Russia: Current State and Prospects of Development [Electronic Source]//Materials of the VII International Scientific Conference "Topical Issues of the Economy of Modern Russia." 2015. URL: https://scienceforum.ru/2015/article/2015017027 (date of appeal: 09.10.2019)
9. *Husaynov M.N.* Tax Regulation of Agricultural Production//Journal of the Tajik National University. Socio-Economic and Social Sciences Series. 2012. № 2-6. Pp. 43-48.
10. *Shagaida N.I., Uzun V.J.* Development trends and main challenges of the agro-industrial sector of Russia: Analytical report – 2017 [Electronic source]//Center for Strategic Development of RANKHiGS. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/11/Doklad_selskoe_hozyai-stvo_ veb.pdf (contact date: 08.10.2019)

УДК 332.1

Миндлин Ю.Б.,
кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина,
mindliny@mail.ru

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Статья посвящена проблеме релевантности кластерного подхода в формировании региональных инновационных территориальных кластеров российской экономики. Была поставлена следующая цель исследования: выявить возможности совершенствования кластерного подхода для формирования высокотехнологических кластеров в ключевых отраслях российской экономики. Задачи статьи заключаются в выявлении основных характеристик кластерного подхода; рассмотрении отдельных регионов с точки зрения возможности создания высокотехнологических кластеров; выявлении необходимых условий формирования высокотехнологических кластеров в ключевых отраслях российской экономики. Автор статьи проводит эмпирическое исследование возможностей формирования высокотехнологических кластеров на уровне регионов. Методология исследования включает в себя кластерный анализ, статистический анализ, а также контент-анализ теоретической литературы по исследуемой проблематике. Был сделан вывод, что по объективным историческим причинам развитие кластеров в России сталкивается с серьезными препятствиями, исходя из чего появление в России исторически обусловленных природных кластеров, описанных классиками кластерной теории экономического регионального развития, практически невозможно. Однако кластерный подход очень перспективен: формирование и развитие кластеров способно повысить конкурентоспособность и эффективность экономик субъектов Российской Федерации. Формирование кластера и его перспективы зависят от многих факторов, поэтому риск того, что кластер не сможет следовать желаемой траектории без государственной поддержки, все же существует. В статье отмечено, что, несмотря на ряд нерешенных проблем, на сегодняшний день в России накоплен положительный опыт формирования инновационных территориальных кластеров.

Ключевые слова: кластерный анализ, высокотехнологические кластеры, региональная экономическая политика, управление экономикой региона

Mindlin Yu.,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin

CLUSTER ANALYSIS OF POTENTIAL HIGH-TECH CLUSTERS IN RUSSIAN REGIONS

The article is devoted to the problem of the cluster approach relevance in the formation of regional high-tech Russian sectors in the format of innovative territorial clusters. The author of the article sets the following research objective: to identify opportunities for improving the cluster approach for the formation of high-tech clusters in key sectors of the Russian economy. The objectives of the article are to identify the main characteristics of the cluster approach; consideration of individual regions in terms of the possibility of implementing high-tech clusters; identification of the necessary conditions for the formation of high-tech clusters in key sectors of the Russian economy. The author of the article carries out an empirical study of the possibilities of forming high-tech clusters at the regional level. The research methodology includes cluster analysis, statistical analysis, as well as content analysis of theoretical literature on the issues under study. The author of the article concludes that, for objective historical reasons cluster development in Russia faces serious obstacles. Therefore, the appearance in Russia of historically determined natural clusters described by the classics of the cluster theory of economic regional development is practically impossible. However, the cluster approach is very promising: the formation and development of clusters can increase the competitiveness and efficiency of the constituent entities economies in Russian Federation. The formation of the cluster and its prospects depend on many factors, therefore, there

remains the risk that the cluster won't be able to follow the desired trajectory without state support. The author of the article also notes that, despite a number of unresolved problems, today Russia has also gained positive experience in the formation of innovative territorial clusters.

Keywords: cluster analysis, high-tech clusters, regional economic policy, regional economy management

В научной литературе процессу региональной интеграции компаний и организаций, которые выполняют различные функции (начиная с исследовательских работ и подготовки персонала и заканчивая производственными процессами и транспортировкой продукции), объединяясь в общий технологической процесс, в результате которого получается высокотехнологичный продукт, созданный совместными усилиями всех участников [1, с.6], отводится значительная роль. Наиболее целесообразной формой такой интеграции является кластер [4, с.125]. Поводом для его возникновения может стать региональная программа, реализация которой обуславливает консолидацию интересов предприятий, органов управления, консалтинговых и финансовых организаций, а также учебных заведений. В этом случае эффект будет достигнут через установление ситуации на рынке высокотехнологичной продукции, при которой возникнет конкуренция не между отдельными предприятиями, а между региональными промышленными и научно-производственными комплексами, что обеспечит сокращение операционных издержек за счет технологического и научно-производственного сотрудничества компаний [5, с.5].

Основы кластерного подхода были заложены в работах А. Маршалла [14] и Й. Шумпетера [16], поэтому в качестве исторической основы кластерного подхода мы можем назвать «промышленный регион» А. Маршалла [14] (концепция агломерации) с одной стороны, и инновации Й. Шумпетера [16], которые побуждают экономический рост внутри такого рода агломераций, с другой. Следовательно, экономический кластер служит для решения двух проблем:

1) снижение операционных издержек за счет близкого расположения интегрированных фирм;

2) переход инноваций от фирмы к фирме, что способствует повышению производительности кластера в целом.

В настоящее время интерес к кластерному подходу во многом связан с работами М. Портера, который определяет кластеры как «географически близкую группу взаимосвязанных компаний и связанных учреждений в определенной области, объединенных общими и взаимодополняющими принципами» [15, с. 167].

Поддержка кластера осуществляется либо для организаций-участников, и/или для целевых субъектов бизнеса или исследований, то есть непосредственно для участников кластера с учетом региональной специфики. Высокая взаимосвязь между региональной политикой и кластерными организациями способствуют стратегическому планированию экономического управления регионом. Кластеры имеют важное значение для регионального развития, поэтому каждая страна имеет свое особое восприятие и обоснование кластерной политики, которая встроена в структуру управления и в общую философию экономической политики. Развитие кластеров в основном поддерживается с помощью специальных кластерных политик и программ поддержки, направленных на повышение конкурентоспособности, инноваций и предпринимательства [13, с.37].

Кластерные подходы являются средством достижения стратегических целей политики: развития технологий, конкурентоспособных на международном уровне отраслей, местной экосистемы или территориальной конкурентоспособности [8, с.3]. В некоторых случаях кластеры могут быть основаны на существующих агломерациях, технологической или научной инфраструктуре [7, с.124].

Как показывает опыт зарубежных стран, политика кластеризации экономики — это постоянный динамичный процесс, который со временем меняется в соответствии со стратегическим целям развития [11]. При этом участие частного сектора на всех этапах жизненного цикла кластерных программ является ключевым для достижения целей кластерной политики. В частности, М. Портер в своей работе отмечает, что на начальном этапе кластеры сосредоточены на своем внутреннем развитии; «с определенной степенью силы и зрелости они разрабатывают стратегии интернационализации (внутренние и внешние инвестиции)» [15, с. 198]. Недавние международные эмпирические исследования подтвердили, что участие в кластере позволяет компаниям получить доступ к специализированным производственным факторам и трудовым ресурсам, конкретным знаниям и компетенциям, что создает в итоге кумулятивный эффект развития всего кластера [10, 11].

Следует отметить, что начиная с 1990-х годов и по сей день в России накоплен некоторый положительный опыт формирования инновационных территориальных кластеров. Так, Министерство экономического развития Российской Федерации инициировало программу поддержки инновационных территориальных кластеров, которая реализуется с 2012 года. На сегодняшний день список расширен до 27 кластеров [1, с.6].

Тем не менее, развитие высокотехнологичных кластеров на региональном уровне требует особого внимания, поскольку без них невозможен переход от ресурсной к инновационной модели развития российской экономики в целом. На основе расчета специальных индексов кластеризации в нашем исследовании были выявлены отрасли с высоким кластерным потенциалом, который можно реализовать с помощью кластерной политики. С этой целью мы применили алгоритм расчета индекса кластеризации по методологии Европейской кластерной обсерватории [11].

В ходе проведения эмпирического исследования все российские инновационные кластеры были разбиты по отраслям высоких технологий в соответствии с их основной специализацией, основанной на российской классификации видов экономической деятельности – ОКВЭД (таблица 1).

В ходе данного этапа исследования было выявлено, что некоторые кластеры специализируются на нескольких высокотехнологичных отраслях. Статистические данные, собранные по всем выбранным видам экономической деятельности в соответствии со специализацией высокотехнологичных проектов, показывают количество кластеров по регионам (составлено на основе информации базы данных СПАРК [6].

Проведенный анализ на основе базы данных ОВЭД-2019 позволил выявить интересный факт: практически все компании классифицируются как специализирующиеся на традиционных отраслях, хотя на самом деле они производят инновационные продукты. Например, биотехнологические компании, занимающиеся генной инженерией, классифицируются как производители сельскохозяйственной продукции [9]. Существует также и обратное явление: многие фармацевтические

Таблица 1.

Высокотехнологичные отраслевые специализации российских пилотных инновационных территориальных кластеров в регионах (2019 г.) [6]

Отрасли (согласно классификатору ОКВЭД)	Инновационные территориальные кластеры (регионы и города, где зарегистрированы участники кластера)
1. Фармацевтика и биотехнология	
Производство фармацевтической продукции Производство изделий медицинского назначения, включая хирургическое оборудование и ортопедические приспособления	Биофармацевтический кластер (Алтайский край: Барнаул, Бийск) Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины (Калужская область: Обнинск) Биотехнологический инновационный территориальный кластер (Московская область: Пущино) Ядерная физика и нанотехнологии инновационного территориального кластера (Московская область: Дубна) Кластер PhysTech XXI (Московская область: Долгопрудный, Химки) Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий (Новосибирская область: Новосибирск) Кластер медицинских, фармацевтических и радиационных технологий (Санкт-Петербург, Ленинградская область) Фармацевтика, медицинское оборудование, информационные технологии (Томская область: Томск)
2. Информационные и коммуникационные технологии	
Деятельность, связанная с применением компьютеров и информационных технологий	Кластер PhysTech XXI (Московская область: Долгопрудный, Химки) Саровский инновационный кластер (Нижегородская область: Саров) Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий (Новосибирская область: Новосибирск) Разработка информационных технологий, радиоэлектроники, приборов, средств связи, инфо-телекоммуникаций (Санкт-Петербург) Фармацевтика, медицинское оборудование, информационные технологии Томская область: Томск)
3. Аэрокосмические технологии	
Производство самолетов и космических аппаратов	Кластер инновационных технологий ЗАТО (Красноярский край: Железногорск) Аэрокосмический кластер (Самарская область: Самара) Инновационно-территориальный кластер ракетно-двигательного комплекса «Новый Звездный Технополис» (Пермский край: Пермь) Научно-образовательный и производственный кластер Ульяновск-Авиа (Ульяновская область: Ульяновск) Авиастроение и судостроение инновационного территориального кластера (Хабаровский край: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре)

4. Нефтехимическая промышленность	
Производство нефтепродуктов Производство резиновых изделий Производство пластмассовых изделий	Нижегородский автомобильно-нефтехимический индустриально-инновационный кластер (Нижегородская область: Нижний Новгород, Кстово) Нефтехимический территориальный кластер (Республика Башкортостан) Камский инновационно-территориальный производственный кластер (Республика Татарстан: Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга)
5. Инструменты и электроника	
Производство электрических машин и оборудования Производство электронных компонентов, радио, телевидения и аппаратуры связи	Энергосберегающее осветительное оборудование и интеллектуальные системы управления освещением (Республика Мордовия: Саранск) Зеленоградский кластер (Москва: Зеленоград) Разработка информационных технологий, радиоэлектроники, приборов, средств связи, инфо-телекоммуникаций (Санкт-Петербург)
6. Судостроение	
Судостроение и судоремонт	Судостроительный инновационный территориальный кластер (Архангельская область: Архангельск, Северодвинск) Авиастроение и судостроение инновационного территориального кластера (Хабаровский край: Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре)
7. Автомобильная промышленность	
Производство автомобилей, трейлеров и полуприцепов Производство автомобилей	Нижегородский автомобильно-нефтехимический индустриально-инновационный кластер (Нижегородская область: Нижний Новгород, Кстово) Камский инновационно-территориальный производственный кластер (Республика Татарстан: Набережные Челны, Нижнекамск, Елабуга)

фирмы формально классифицируются как высокотехнологичные компании [9], хотя они не производят инновационных продуктов, а только упаковку для лекарств. Кроме того, также не хватает данных по отраслям, связанным с национальной обороной (например, судостроение, атомная энергетика, производство коммуникационного оборудования и т. д.), что делает невозможным применение кластерного анализа для изучения процессов кластеризации в данных секторах.

В наших расчетах мы использовали официальные регистрационные адреса юридических лиц, а не фактическое местонахождение производственных мощностей. Следовательно, лидирующее положение города Москвы как региона с наибольшим кластерным потенциалом в определенных отраслях может быть не релевантным действительности.

Далее нами было подсчитано среднее количество инновационных региональных кластеров по отраслям (рисунок 1).

Чем больше компаний в кластере занимаются основными, ассоциированными или поддерживающими формами деятельности и привлекают соответствующих специалистов, тем больше вероятность того, что инновации будут распространяться, поскольку географическая концентрация помогает ускорить процесс распределения информации между предприятиями, выявления новых знаний и продуктов, в том числе благодаря новым комбинациям существующих знаний.

Однако в российской практике возникает проблема участия в кластерных программах. Исходя из европейского опыта, для достижения необходимого потенциала кластер должен включать не менее 30-50 организаций [11] или, по некоторым оценкам, до 100 [11]. Исследование, проведенное в 2018 году Европейской Кластерной Обсерваторией, показало, что в среднем один кластер включает в себя 90 участников [11]. В отличие от зарубежных стран, в России среднее количество организаций в высокотехнологичных кластерах составляет не больше 50 участников, что почти вдвое меньше, чем средние показатели в других развитых странах мира. Из 25 кластеров только два имеют более 100 участников (в основном высокотехнологичные энергетические проекты и космическая отрасль), а остальные насчитывают менее 20 участников.

Из семи промышленных областей, в которых можно сформировать российские высокотехнологичные кластеры [9], наибольшее количество официальных участников в среднем было отмечено в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и электроники, а также в фармацевтике, биотехнологии и медицинской промышленности. Такое «неравенство» связано с тем, что инновационные малые и средние предприятия активно развиваются в этих областях, в результате чего общее число фирм растет. Кроме того, эти сектора наиболее чувствительны к процессам формирования кластеров, в частности, в отрасли ИКТ, которая лидирует с точки зрения общего количества кластеров в мире [11].

Таким образом, в России объем участия ключевых предприятий в российских кластерах еще далек от оптимального, что негативно сказывается на коли-

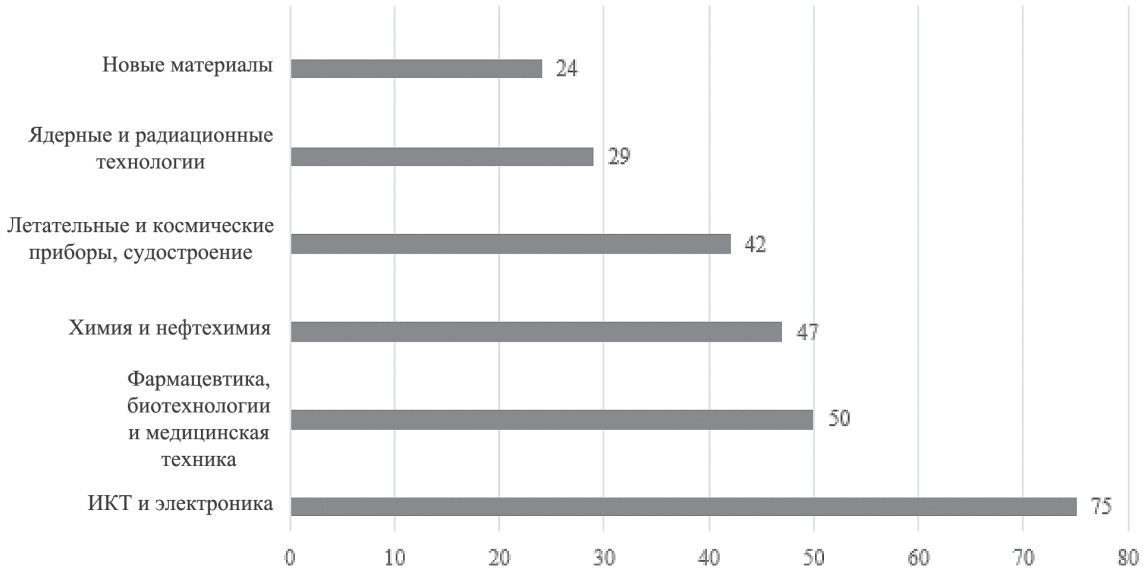

Рис. 1. Среднее количество официальных пилотных высокотехнологичных региональных кластеров в России по отраслям (сводные данные [9])

честве и качестве новых проектов. В итоге, без адекватной государственной поддержки кластеризация только усиливает статус-кво в экономике региона и рискует стать инструментом для лоббирования интересов отдельных лидирующих компаний, а не стимулом инновационного развития.

Следует также иметь в виду, что число аналогичных компаний в регионе с точки зрения их основного бизнеса должно превышать официальное число членов кластера [13, с.37]. Очевидно, не все предприятия готовы присоединиться к кластеру – он в первую очередь представляет интерес для тех, кто воспринимает преимущества реализации совместных проектов и использования общих услуг, стратегически ориентированных на открытые инновации.

Относительный размер кластеров также имеет большое значение [13, с.38], поэтому в любом конкретном регионе целесообразно поддерживать те кластеры, которые работают в секторах, превышающих средний уровень по стране в два или более раза с точки зрения их экономических показателей (количество работников, общий доход, объем экспорта, интенсивность НИОКР и т.п.). Разрыв между текущими объективными направлениями региональной специализации и основной деятельностью поддерживаемых кластеров связан с рисками нехватки ресурсов для развития (квалифицированные кадры, инфраструктура, поставщики или исследовательские организации). Более того, поддержка таких кластеров может не оказать существенного влияния на социально-экономическое развитие региона. На сегодняшний день также сохраняется высокий управленческий риск: если такие кластеры будут выделяться федеральными властями, они не станут приоритетом для региональных администраций.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Поддержка высокотехнологичных кластеров должна быть тесно связана с политикой в области инноваций и технологий, а также поддержкой НИОКР, развитием бизнеса и конкурентоспособностью с особым акцентом на поддержку МСП. При этом необходимо использовать комплексный подход к поддержке существующей и новой промышленной деятельности; акцент на новые виды деятельности со временем должен приобретать все большее значение.

Высокотехнологичные кластеры также могут и должны использоваться в качестве инструмента для продвижения деятельности по интернационализации экономических связей, то есть рост кластера должен приводить к интегративным связям не только внутри страны, но и в пределах межгосударственных экономических объединений (например, в рамках ЕАЭС). Дальнейшая эволюция существующих кластеров должна иметь приоритет над развитием новых инициатив, в противном случае региональный потенциал таких кластеров останется нераскрытым. Финансирование кластерных программ в значительной степени происходит из государственного сектора, но частный сектор также должен вносить значительный вклад. При этом процессы «обратной связи» возникают только при достаточно высоком уровне взаимодействия между стратегическим и оперативным уровнями поддержки высокотехнологичных кластеров. Кластерные организации являются основной группой бенефициаров кластерных программ, но также рассматриваются другие частные или государственные субъекты, в зависимости от целей и масштабов программ. Поддержка кластеров считается успешным средством дости-

жения стратегических целей, и программы кластеризации должны усилить свою значимость в ближайшем будущем. Кластерные программы являются важным средством поддержки научных исследований, разработок и инноваций, модернизации промышленности и формирования благоприятных условий региональной промышленной структуры.

Кластерная поддержка высокотехнологичных кластеров должна стать приоритетом региональных инновационных программ, «умных» стратегий специализации и операционных программ, то есть комбинированного подхода, который включает в себя различные уровни управления региональной экономикой. Различные (государственные и частные) источники должны использоваться для финансирования кластерных программ и кластерных организаций. При этом кластерные меры вмешательства государства должны быть нацелены не только на новые виды деятельности, но также быть направлены на укрепление и модернизацию существующих отраслей в регионе, чтобы избежать дисбаланса развития. Проведенный нами анализ позволяет утверждать также, что поддержка высокотехнологичных кластеров регионального уровня должна быть сосредоточена на поддержке МСП, межотраслевом сотрудничестве и профессионализации управляющих организаций, то есть дальнейшей эволюции (существующих) кластерных мероприятий.

Результаты проведенного анализа позволяют определить будущее направление исследований в сфере кластерного подхода. В частности, сравнение с эквивалентными зарубежными параметрами и государственными программами позволит сформулировать некоторые ключевые условия для устойчивого развития кластера, включая качество городской среды, критическую массу основных компаний, доминирование частных инициатив, внутреннюю конкуренцию и открытость, и наличие специализированных независимых административных органов и активных рабочих групп. Таким образом, формирование высокотехнологичных кластеров в российских регионах подразумевает существенную трансформацию государственной экономической политики в области поддержки инноваций. При это такие кластеры должны продолжать развиваться и после прекращения государственной поддержки, становясь драйверами экономического роста в соответствующих регионах.

Список литературы

1. Вклад инновационных кластеров в инвестиционную привлекательность регионов // Территориальные кластеры: дайджест новостей. ВШЭ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Российская кластерная обсерватория. – 2018. – №2. – С. 6-7.
2. *Ионис А.С.* Необходимость формирования региональных кластеров как важнейший этап создания инновационной экономики// Экономика и управление. – 2015. – №3. – С.63-67.
3. Карта кластеров России. URL:http://clusters.monocore.ru/list
4. *Проняева Л.И., Федотенкова О.А., Павлова А.В.* Идентификация кластеров в экономике и модель их функционирования // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 124-132.
5. Регионы примеряют кластеры // Территориальные кластеры: дайджест новостей. ВШЭ, Институт статистических исследований и экономики знаний, Российская кластерная обсерватория. – 2018. – №2. – С. 4-6.
6. СПАРК. База данных. Интерфакс. Международная информационная группа. URL: http://www.spark-interfax.ru/
7. *Третьякова Л.А., Целютина Т.В., Авилова Ж.Н., Астахов Ю.В., Минаева Л.А., Проняева Л.И., Шаврина Ю.О.* HR-менеджмент в условиях геополитической турбулентности: инновационные способы формирования и поиск новых возможностей развития. – Белгород. «ЭПИЦЕНТР», 2016. – 184 с.
8. *Ферару Г.С., Киселев Д.Н.* Обоснование необходимости формирования отечественной модели и проблемы кластерного развития территорий РФ // Иннов: электронный научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 2-8.
9. Центр регистрации и сопровождения бизнеса. ОКВЭД 2019. URL: https://www.regfile.ru/okved2.html
10. ECIE 2017. 12th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. URL: http://toc.proceedings.com/36878webtoc.pdf
11. European Observatory for Clusters and Industrial Change. Cluster programmes in Europe and beyond. URL: https://www.clustercollaboration.eu/eu-initiatives/european-cluster-observatory
12. *Feser, E.* Industry cluster concepts in innovation policy: A comparison of US and Latin American experience. Springer: Berlin/Heidelberg, Germany. 2019. – 338 p.
13. *Hamdouch, A.* Innovation clusters and networks: A critical review of the recent literature. In Proceedings of the 19th European Association for Evolutionary Political Economy Conference, Porto, Portugal, 1–3 November. 2007. – Pp. 34-38.
14. *Marshall, A.* Principles of Political Economy; Maxmillan: London. 2002.- 328 p.
15. *Porter, M.E.* The Competitive Advantage of Nations. Free Press. New York. 2001. – 210 p.
16. *Schumpeter J.* Theory of Economic Development: Research entrepreneurial profit, capital, credit and the business cycle. URL: http://compaso.eu/wpd/wp-content/uploads/2013/01/Compaso2012-32-Croitoru.pdf

References

1. Vklad innovatsionnykh klasterov v investitsionnuyu privlekatel'nost' regionov // Territorial'nyye klastery: daydzhest novostey. VSHE, Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy, Rossiyskaya klasternaya observatoriya. – 2018. – №2. – S. 6-7.
2. *Ionis A.S.* Neobkhodimost' formirovaniya regional'nykh klasterov kak vazhneyshiy etap sozdaniya innovatsionnoy ekonomiki// Ekonomika i upravleniye. – 2015. – №3. – S.63-67.
3. Karta klasterov Rossii. URL:http://clusters.monocore.ru/list
4. *Pronyayeva L.I., Fedotenkova O.A., Pavlova A.B.* Identifikatsiya klasterov v ekonomike i model' ikh funktsionirovaniya // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. – 2016. – № 3. – S. 124-132.
5. Regiony primeryayut klastery // Territorial'nyye klastery: daydzhest novostey. VSHE, Institut statisticheskikh issledovaniy i ekonomiki znaniy, Rossiyskaya klasternaya observatoriya. – 2018. – №2. – S. 4-6.
6. SPARK. Baza dannykh. Interfaks. Mezhdunarodnaya informatsionnaya gruppa. URL: http://www.spark-interfax.ru/
7. *Tret'yakova L.A., Tselyutina T.V., Avilova Zh.N., Astakhov Yu.V., Minayeva L.A., Pronyayeva L.I., ShavrinaYu.O.* HR-menedzhment v usloviyakh geopoliticheskoy turbulentnosti: innovatsionnyye sposoby formirovaniya i poisk novykh vozmozhnostey razvitiya. – Belgorod. «EPITSENTR», 2016. – 184 s.
8. *Feraru G.S. Kiselev D.N.* Obosnovaniye neobkhodimosti formirovaniya otechestvennoy modeli i problemy klasternogo razvitiya territoriy RF // Innov: elektronnyy nauchnyy zhurnal. – 2017. – № 3. – S. 2-8.
9. Tsentr registratsii i soprovozhdeniya biznesa. OKVED 2019. URL: https://www.regfile.ru/okved2.html
10. ECIE 2017. 12th European Conference on Innovation and Entrepreneurship. URL: http://toc.proceedings.com/36878webtoc.pdf
11. European Observatory for Clusters and Industrial Change. Cluster programmes in Europe and beyond. URL: https://www.clustercollaboration.eu/eu-initiatives/european-cluster-observatory
12. *Feser, E.* Industry cluster concepts in innovation policy: A comparison of US and Latin American experience. Springer: Berlin/Heidelberg, Germany. 2019. – 338 p.
13. *Hamdouch, A.* Innovation clusters and networks: A critical review of the recent literature. In Proceedings of the 19th European Association for Evolutionary Political Economy Conference, Porto, Portugal, 1–3 November. 2007. – Pp. 34-38.
14. *Marshall, A.* Principles of Political Economy; Maxmillan: London. 2002. – 328 p.
15. *Porter, M.E.* The Competitive Advantage of Nations. Free Press. New York. 2001. – 210 p.
16. *Schumpeter J.* Theory of Economic Development: Research entrepreneurial profit, capital, credit and the business cycle. URL: http://compaso.eu/wpd/wp-content/uploads/2013/01/Compaso2012-32-Croitoru.pdf

УДК 656.7

Петрова М.А.,
заместитель декана Экономического факультета по учебной, воспитательной, научно-исследовательской работе, ОУП ВО Академия труда и социальных отношений,
maria871805@yandex.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

В статье представлены меры государственной поддержки в отношении государственной корпорации «Объединенная авиастроительная корпорация», анализируются возможности структуры в освоении международных рынков и создания кооперационных производств. В работе также характеризуются меры законодательного обеспечения диверсификации оборонно-промышленного комплекса

Ключевые слова: авиационная промышленность, государственная политика, экономические санкции, международное сотрудничество, законодательное обеспечение, государственная корпорация

Petrova M.
Deputy Dean of the Faculty of Economics, for educational, educational, research work of the OUP VO Academy of Labor and Social Relations

SUGGESTIONS FOR IMPROVING THE IMPLEMENTATION OF STATE AVIATION POLICY

The article presents the measures of state support for the state corporation "United Aircraft Corporation". The capabilities of the structure in the development of international markets and in the creation of cooperative production are analyzed. The measures of legislative support for the diversification of the military-industrial complex are also described

Keywords: aviation industry, state policy, economic sanctions, international cooperation, legislative support, state corporation

Принятие решения о создании государственной корпорации «Объединенная авиастроительная корпорация» (далее – ОАК) стало для авиационной отрасли первым шагом к ее стабилизации и развитию. Многие российские корпоративные структуры, профилем которых являлось машиностроение также благодаря существенной государственной поддержке смогли наладить нормальный цикл производства и нашли резервы для развития в новых рыночных рамках[1]. ОАК путем сложнейших организационных трансформаций была структурирована. Организационные процессы осуществлялись по принципу проектного управления. Управленческие процессы осуществлялись по четырем основным направлениям и включали в себя боевую, гражданскую, транспортную и специальную авиацию[2]. Для корпорации государством были созданы все условия для стимулирования инновационных разработок, при этом ориентированность стратегии была на зарубежный опыт, в основу которого была положена французская модель государственного присутствия в капиталах концернов Dassault Aviation (авиастроение), DCNS (судостроение), SNPE (спецхимия), Nexter (бронетехника, артиллерия, стрелковое оружие), Safran (двигателестроение и радиоэлектроника), Thales (радиоэлектроника). Государственное инвестирование было направлено главным образом на модернизацию и техническое оснащение заводов корпорации, что позволило к 2017 году выйти на серийный выпуск новой авиационной техники.

Успешное освоение инвестиционных вливаний позволило ОАК стать основным инструментом реализации гособоронзаказа и превратиться из экспортно-ориентированного производства в оплот техноло-

[1] *Прокофьев С., Рагулина Ю., Братарчук Т.* О некоторых аспектах определения понятий «партнерство» и «взаимодействие» в установлении отношений власти и бизнеса// Проблемы теории и практики управления. 2019. №1. С.8-14; Цыгалов Ю.М., Бутова Т.В., Ординарцев И.И. Эффективность государственных корпораций в развитии депрессивных регионов// Управленческое консультирование. 2017. №10 (106). С. 46-58

[2] См. более подробно: ОАК: режим взлетный// Журнал «Национальная оборона» №7, 2019 – http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2014/0728/154713615/detail.shtml

гической модернизации российской армии. Данная тенденция говорит не о снижении объемов выпуска авиационной техники, а о смене внешних заказчиков на внутренних. Кроме того, нельзя не отметить другую существенную особенность – резкий рост производства гражданских самолетов. Он обеспечен переходом к серийному выпуску лайнеров Superjet 100 и в целом вписывается в стратегию корпорации: увеличить долю гражданской продукции в структуре выпуска до 40% к 2025 г.[3] Примерно с 2016 г. эта доля будет расти и за счет развертывания серийного производства лайнера МС-21.

Политика внешнеэкономических санкций по отношению к России и торговые войны с Китаем привели к тому, что начал формироваться партнерский союз двух стран в авиастроении. Так, дан старт совместному проекту по созданию российско-китайского широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929, который реализуется Объединенной авиастроительной корпорацией (ОАК) и Китайской корпорацией гражданского авиастроения (COMAC)[4]. По мнению руководителя ОАК Ю.Слюсаря – CR929 – это самый высокотехнологичный проект в портфеле общих партнерских проектов двух государств. И, в принципе, выдающийся пример кооперации в мировом авиастроении. Для России Китай – это партнер с динамично развивающейся экономикой, стабильными ресурсами и наличием спроса в сегменте широкофюзеляжных самолетов. Большой спрос на широкофюзеляжные дальнемагистральные самолеты в Китае и России – это естественное преимущество перед конкурентами. [4]

Согласно прогнозу компаний-партнеров ОАК и COMAC, на рынки АТР и РФ, а также страны СНГ в период 2023-2045 гг. будет приходиться почти 50% спроса на ВС данного типа. Стороны реализуют проект CR929 на паритетной основе, с долевым участием 50 на 50. В настоящий момент программа находится на этапе эскизного проектирования, который завершится контрольным рубежом Gate 3. Основными задачами этого этапа являются определение окончательного облика широкофюзеляжного дальнемагистрального самолета CR929, отбор поставщиков систем и оборудования и заключение с ними предварительных соглашений о намерениях, заключение «мягких» контрактов с авиакомпаниями.

В Шанхае работает совместное предприятие CRAIC, которое отвечает за маркетинг, бизнес-планирование, управление программой, а также производство, продажи и послепродажное обслуживание самолетов. ОАК и COMAC занимаются подготовкой к созданию Инженерного центра, который будет располагаться на территории России. Объединенная инженерная команда – Joint Engineering Team – JET пять-шесть раз в год встречается в формате рабочих сессий в Москве и Шанхае. Работа ведется по всему спектру вопросов: технические аспекты, управление поставщиками, вопросы сервиса, ППО и т.д.

Начало летных испытаний по программе CR929 планируются к 2023-2025. Первые поставки самолета в авиакомпании – к 2025-2027. Будет создано семейство самолетов в трех конфигурациях: базовая, укороченная и удлиненная. Базовая конфигурация – CR929–600 – будет вмещать 280 пассажиров и летать на 12000 км. Удлиненная конфигурация – CR929–700 – будет вмещать 320 пассажиров. Укороченная версия рассчитана на 250 пассажиров. [1]

Кроме того, в рамках развития авиационной промышленности и выхода на новые рынки между Российской Федерацией и Турецкой Республикой проведен ряд переговоров о поставке самолетов, а также организации совместной сборки вертолетной техники. На высшем государственном уровне ведется обсуждение вопросов по созданию совместного предприятия по производству вертолетов. В перспективе это совместное производство и поставки самолетов SSJ 100, МС-21. Глава Турции утверждает, что возможен пересмотр договора на поставку американских самолетов Boeing на сумму $10 млрд для авиакомпании Turkish Airlines.

В феврале 2019 года руководство ОАК приняло участие в Круглом столе глав компаний-участников выставки Aero India 2019. Как известно, со времён СССР Индия выступает надежным партнером нашей страны в области авиастроения. Рассматриваются перспективы государственного стратегического партнерства в рамках проекта Make in India, где основой кооперации выступает самолет поколения 4++. Также принимаются во внимания предложения по совместной разработке и кооперационному производству беспилотных аппаратов[5]. Проект предполагается с локализацией в Индии. [1]

Помимо этого, HAL разработан и был представлен в Бангалоре прототип беспилотника верто-

[3] Там же

[4] См.более подробно Ю.Слюсарь на ПМЭФ-2019: российской-китайский самолет CR929 – выдающийся пример кооперации в мировом авиастроении//Официальный портал ОАК – https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news///yuriy-slyusar-na-pmef-2019-rossiyskoy-kitayskiy-samolet-cr929-vydayushchiysya-primer-kooperatsii-v-m

[5] На Aero India 2019 был представлен новейший индийский беспилотный летательный аппарат Rustom II, который разрабатывается для нужд всех видов вооруженных сил – ВВС, ВМС и армии. В перспективе он должен прийти на смену или дополнить израильские беспилотники Heron. В феврале 2018 г. Rustom II совершил первый полет в конфигурации с новым, более мощным двигателем. Ожидается, что уже в октябре 2019 г. первые БПЛА этого типа будут переданы Вооруженным Силам для финальных, квалификационных испытаний – См. более подробно Схватка за Индию// Национальная оборона № 7, 2019 – http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2019/0422/123026524/detail.shtml

летного типа, предназначенный для разведки и наблюдения. Вес – 200 кг. Он может достигать высоты 6 тыс. м и лететь со скорость 200 км/ч. Предварительная разработка аппарата была завершена в январе 2019 г. Аппарат может применяться для гуманитарных и спасательных операций, разведки, целеуказания и в других целях.

В рамках мероприятия ОАК представила один из крупнейших выставочных стендов, экспонатами которого стали ПАК ФА (Т-50), Су-35, Су-30СМ, Як -152, Як -130 , МиГ-35, МиГ-29К, Ил-78МК-90А, Ил-112В, Ил-114МП, Бе-200, Бе-103. Superjet 100 и МС-21-300.

Кроме того, государственная корпорация ОАК продвигает идею стратегического партнерства с представителями авиационной промышленности Индии в рамках формирования единой системы послепродажного обслуживания российской авиационной техники, которая составляет серьезный потенциал индийских ВВС. В планах ОАК стать центром предоставления услуг послепродажного обслуживания российской авиационной техники в Индии.

В январе 2019 года в рамках заседания Комиссии Государственной Думы по правовому обеспечению развития организаций ОПК при поддержке Ассоциации «Лига содействия оборонным предприятиям» и Союза машиностроителей России были обсуждены актуальные задачи законодательного обеспечения диверсификации оборонно-промышленного комплекса. Данное мероприятие проходило в рамках выполнения поручений Президента России от 17 февраля 2018 г. Для авиастроения в условиях планово снижающегося гособоронзаказа диверсификация производства и значительное увеличение объемов гражданской продукции являются стратегическим приоритетом. Гражданские программы в ближайшей перспективе должны стать основой продуктового портфеля корпорации. Параллельно с этим идет активная работа по программе импортозамещения, которую ОАК синхронизирует в рамках авиационного кластера Ростеха.

На современном этапе развития ОАК формирует полноценную линейку гражданских самолетов, создавая продукты во всех основных сегментах рынка: турбовинтовой Ил-114 для региональной авиации, эксплуатирующийся в России и за рубежом ближнемагистральный Суперджет 100, новый среднемагистральный лайнер МС-21 для самого высококонкурентного сегмента, российский широкофюзеляжный Ил-96-400М и перспективный российско-китайский дальнемагистральный широкофюзеляжный самолет CR929.

Перспективными продуктами являются самолеты двойного назначения: глубоко модернизированный транспортный самолет Ил-76, который имеет хороший потенциал для продвижения на рынки стран традиционных партнеров по линии ВТС, но может использоваться и исключительно в гражданских целях для решения задач транспортной авиации, а также самолет специального назначения Бе-200 для обеспечения задач пожаротушения.

В целях продвижения российской гражданской техники, ОАК совместно с профильными ведомствами и банковским сообществом обсуждает вопрос создания внешней лизинговой платформы, которая обеспечит привлечение средств не только российских банков, но потенциальных зарубежных партнеров. Это, в свою очередь, позволит предложить рынку конкурентоспособный российский продукт с пакетом финансовых инструментов на уровне мировых лидеров.

Список литературы

1. ОАК: режим взлетный// Журнал «Национальная оборона» №7, 2019 – http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2014/0728/154713615/detail.shtml
2. *Прокофьев С., Рагулина Ю., Братарчук Т.* О некоторых аспектах определения понятий «партнерство» и «взаимодействие» в установлении отношений власти и бизнеса// Проблемы теории и практики управления. 2019. №1. С.8-14
3. *Цыгалов Ю.М., Бутова Т.В., Ординарцев И.И.* Эффективность государственных корпораций в развитии депрессивных регионов// Управленческое консультирование. 2017. №10 (106). С. 46-58
4. *Ю.Слюсарь на* ПМЭФ-2019: российской-китайский самолет CR929 – выдающийся пример кооперации в мировом авиастроении//Официальный портал ОАК – https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news///yuriy-slyusar-na-pmef-2019-rossiyskoy-kitayskiy-samolet-cr929-vydayushchiysya-primer-kooperatsii-v-m

References

1. UAC: takeoff mode // Journal «National Defense» No. 7, 2019 – http://www.oborona.ru/includes/periodics/defense/2014/0728/154713615/detail.shtml
2. *Prokofiev S., Ragulina Yu., Bratarchuk T.* About some aspects of the definition of the concepts of “partnership” and “interaction” in establishing relations between government and business // Problems of theory and practice of management. 2019. №1. P.8-14

3. *Tsygalov Yu.M., Butova T.V., Ordinartsev I.I.* The efficiency of state corporations in the development of depressed regions // Management Consulting. 2017. No. 10 (106). P. 46-58
4. *Y. Slyusar* at SPIEF-2019: Russian-Chinese CR929 aircraft – an outstanding example of cooperation in the global aircraft industry // OFFICIAL PORTAL OF THE UAC – https://www.uacrussia.ru/ru/press-center/news///yuriy-slyusar-na-pmef-2019-rossiyskoy-kitayskiy-samolet-cr929-vydayushchiysya-primer-kooperatsii-v-m

УДК 332.12, 332.15, 330.322

Роменский О.В.,
аспирант кафедры Экономики, ФГБОУ ВО Югорский государственный университет,
исполнительный директор ООО «Зелдис-Фарма»,
romenskiyov@icloud.com

АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ПРИОРИТЕТНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ, РЕАЛИЗУЕМЫХ В ТЕКУЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ (ЮГРЕ)

Целью настоящей статьи выступает изучение состояния текущего инвестиционного потенциала на региональном уровне и его особенностей как катализатора позитивных изменений в отечественной экономике и преодоления ее кризисных последствий. Автором рассматривается целесообразность применения эволюционного метода в повышении инвестиционного потенциала России (т.е. подхода «снизу – вверх»), а именно трактовка возможностей использования потенциала региональных инвестиционных проектов как локомотива роста национальной экономики в ее общей совокупности и перспективе. Уточняя ключевые теоретико-методологические аспекты, автор обращается к понятию инвестиционного проекта как комплексного феномена, рассмотрению основных источников его финансирования. Предметом изучения в статье являются приоритетные инвестиционные проекты, реализуемые в текущих условиях на региональном уровне, на примере Ханты-Мансийского автономного округа. Автором рассматривается спектр проектов, степень их реализации, объем вложенных ресурсов, тип оказанной государственной поддержки, коррелирующий с эффективностью реализации и определяются возможности их дальнейшего развития, влияющие на инвестиционный потенциал региона в целом и оказывающие синергетический эффект на современную экономику нашей страны.

Оценивая спектр реализуемых инвестиционных проектов, автор приходит к выводу, что в настоящий момент автономный округ Югра обладает необходимыми ресурсами для формирования высокотехнологичной экономики, способной создавать новые рабочие места, стать центром для привлечения инвестиций и новых технологий, оказывая синергетический эффект на национальную экономику. Автором определяются сформированные в регионе сферы приоритетного характера, развитие которых способно повлиять на повышение инвестиционного потенциала ХМАО и экономику страны, формулируются основные препятствия, требующие устранения для их оперативного развития.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционный анализ, инвестиционная деятельность, эффективность инвестиций, экономика России, инвестиционный проект, приоритетный инвестиционный проект

Romenskiy O.,
Postgraduate Student, Department of Economics, Ugra State University, Executive Director of Zeldis-Pharma LLC

THE ANALYSIS OF SPECIFICS OF THE PRIORITY INVESTMENT PROJECTS IMPLEMENTED IN THE CURRENT ECONOMIC CONDITIONS IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG (YUGRA)

The purpose of the present article is studying of a condition of the current investment potential at the regional level and its features as a catalyst of positive changes in national economy and overcoming its crisis consequences. The expediency of application of an evolutionary method in increase in investment potential of Russia (i.e. approach "from below – up"), namely interpretation of opportunities of use of potential of regional investment projects as engine of growth of national economy in its general set and prospect is considered by the author. Specifying key theoretical and methodological aspects, the author addresses a concept of the investment project as complex phenomenon, to consideration of the main sources of its financing. The subject of the article is the priority investment projects implemented in the current conditions at the regional level on the example of Khanty-Mansi Autonomous Okrug. The range of projects, extent of their realization, volume of the enclosed resources, the type of the given state support correlating with efficiency of realization is considered by the author and the pos-

sibilities of their further development influencing the investment potential of the region in general and rendering synergetic effect on modern economy of our country are defined.

Estimating a range of the implemented investment projects, the author comes to a conclusion that at the moment the autonomous area Yugra has necessary resources for formation of the hi-tech economy capable to create new jobs, to become the center for attraction of investments and new technologies, rendering synergetic effect on national economy. The spheres of priority character created in the region which development is capable to influence increase in investment potential of Yugra and national economy are defined by the author, the main obstacles demanding elimination for their expeditious development are formulated.

Keywords: investments, investment analysis, investment activity, efficiency of investments, economy of Russia, investment project, priority investment project

Приступая к анализу проблемы реализации инвестиционных проектов в российских условиях как одного из важнейших средств, позволяющих обеспечить устойчивое развитие отечественной экономики и выход страны из экономического кризиса, следует, прежде всего, обратиться к терминологической составляющей. В этой связи рассмотрим понятие инвестиционного проекта, которое в современной науке и практике представляет собой комплексный, многомерный феномен. Теоретический анализ научных источников [1-4, 6] показывает, что в большинстве случаев инвестиционный проект определяется как программа мероприятий по осуществлению материальных вложений, предусматривающая получение от них соответствующей прибыли. С одной стороны, инвестиционный проект представляет собой документ, определяющий цель и методы инвестирования и характеризующий их целесообразность, с другой стороны, данный термин подразумевает непосредственный комплекс определенных действий, которые направлены на достижение цели инвестирования. Таким образом, в интерпретации данного термина прослеживается процессный и феноменологический, структурный подход, что подчеркивает его сложность и многосоставность.

Охарактеризовав изучаемый термин и продолжая исследование, надо отметить, что в текущих условиях число источников финансирования отличается достаточно высокой вариативностью и масштабом, а также числом, что в характерно для такого комплексного феномена, в связи с этим в настоящей статье остановимся на систематизации и анализе лишь ряда ключевых из их состава (рис.1), и обратимся к их дальнейшей интерпретации в контексте изучаемой проблеме в региональном разрезе:

В контексте проводимого в нашей статье исследования целесообразно остановиться на более детальном определении представленных на рис.1 источников финансирования.

Обращаясь в первую очередь к рассмотрению категории акционерного финансирования, следует обратить внимание на тот факт, что она охватывает не только приобретение пакета ценных бумаг предприятия акционерами, но также может включать такие составляющие, как, например, передача определенного

Рис.1. Источники финансирования (авторская разработка)

оборудования, которое необходимо для эффективного осуществления деятельности компании.

Характеризуя категорию авансовых платежей как источник финансирования, следует отметить, что оно применяется лицами, которые заинтересованы в скорейшем переходе в разряд потребителей товаров или предоставляемых услуг. При этом компенсацией за их инвестиции служат льготное обслуживание или другого рода помощь, например, консалтинговые услуги.

Однако наиболее распространенной формой финансирования инвестиций является кредит. При этом целесообразно выбирать именно инвестиционный тип кредита – с учетом его условий, возврат средств будет необходимо осуществлять в течение 8-10 лет, т.е. долговременный и, кроме того, льготный период пользования.

Обращаясь к рассмотрению категории лизинга, следует отметить, что она в значительной мере несет положительные результаты в случае необходимости приобретения оборудования – ведь эта возможность предоставляет более выгодные бонусы, чем та же покупка, требующая значительных финансовых вложений.

Получение государственного финансирования также сопряжено с большим числом проблем. Необходимо не только осуществить качественный мониторинг актуальных программ поддержки бизнеса, но и максимально удовлетворить всех их условиям для получения максимального финансового и инвестиционного эффекта.

Процесс инвестирования всегда сопровождается высоким риском, предусмотреть который, как показывает практика, крайне проблематично, независимо от уровня используемого методического инструментария. Многие инвесторы сегодня выдвигают предложения о необходимости обязательного включения в расчеты доходности инвестиций такого нового фактора, как фактор риска (см. рис.2), который еще несколько лет назад не имел такого существенного влияния при оценке результативности инвестиционных проектов:

Кроме количественного вычисления риска (то есть анализа данного показателя с использованием расчетов нормы и коэффициента рентабельности) инвестиционный проект должен содержать и качественные оценки и характеристики, что позволяет осуществить его более комплексное измерение в плане показателей эффективности. При этом квалитативная оценка предусматривает характеристику вероятного ущерба, описание превентивных мер и оценку их стоимости. Отметим, что одним из наиболее распространенных методов в данной области выступает сегодня FMEA-технология, наиболее часто используемая для выявления эксплуатационных дефектов изделия, но в то же время доказавшая свою эффективность как методический инструмент, применяемый для оценки инвестиционных проектов. Блок-схема данного алгоритма может быть представлена в следующем виде (рис.3):

Таким образом, представленные выше тезисы и обоснование, а также схематизация методических основ инвестиционного процесса свидетельствуют о том, что квалитативный анализ можно рассматривать в методическом плане как более комплексный инструмент с широким охватом, так как он включает в свой состав также расчет количественных показателей как отдельный подраздел (этап 2). Но при этом нужно учитывать главную проблему квалитативного анализа, заключающуюся, с методической точки зрения, в субъективности взглядов, ведь решение о степени опасности того или иного риска принимается сегодня преимущественно методом экспертной оценки (этап 4).

Рассмотрев ряд методических параметров, обратимся к дальнейшему уточнению терминологических аспектов в контексте исследуемой проблеме, а именно вопросу определения приоритетности инвестиционных проектов. Обращаясь в этой связи к действующим нормативно-правовым основам, нужно заметить, что согласно Федеральному закону от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [11] (далее – ФЗ № 160), приоритетным инвестиционным проектом определяется проект, общий объем иностранных инвестиций в рамках которого превышает 1 миллиард рублей или эквивалентную сумму в любой иностранной валюте. Также согласно тому же закону приоритетным инвестиционным проектом признается коммерческая организация, с иностранным финансированием, в уставном капитале которой минимальная доля вклада иностранного инвестора составляет не менее 100

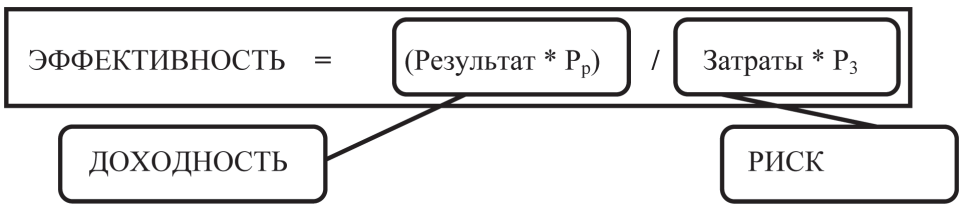

Рис. 2. Расчет доходности инвестиций с учетом фактора риска (авторская разработка)

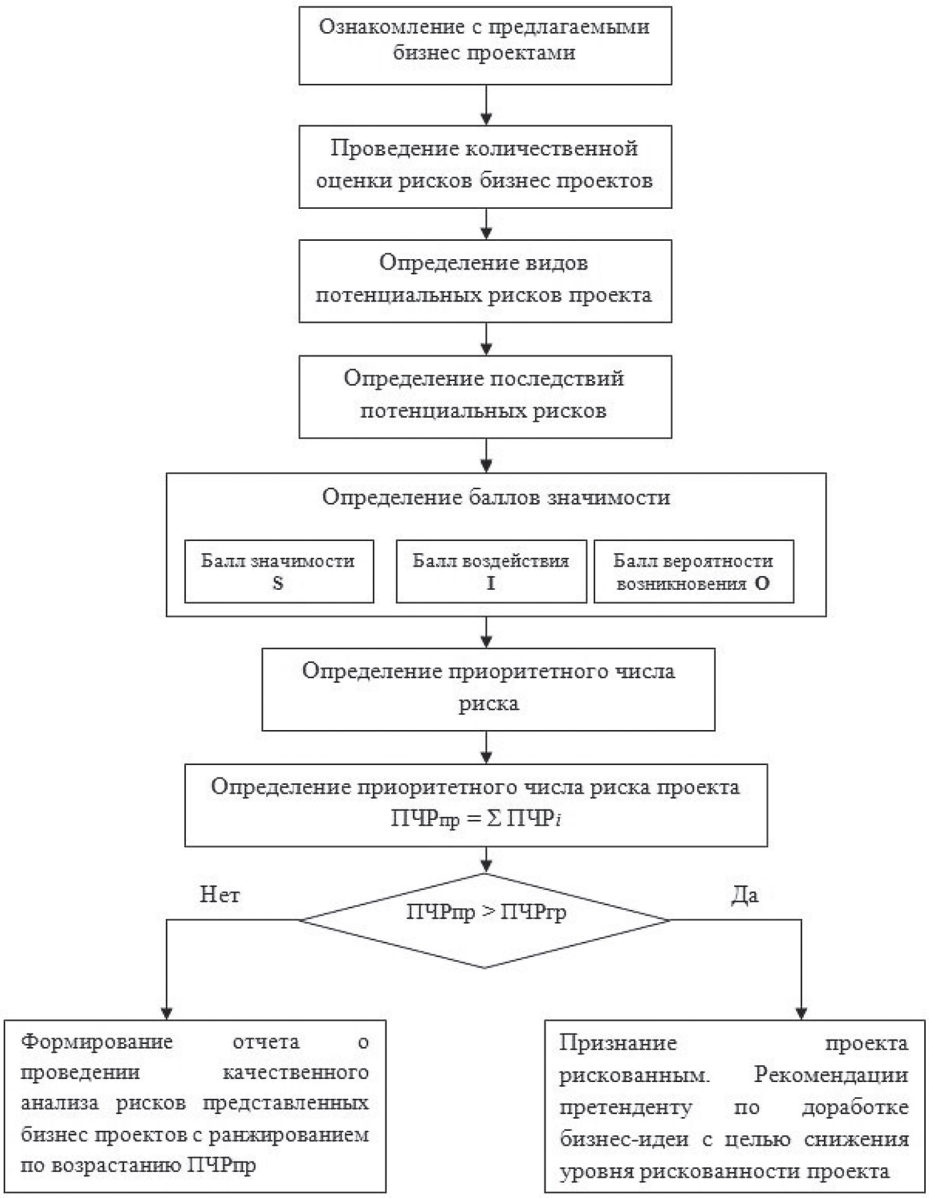

Рис. 3. Алгоритм применения FMEA-технологии для оценки инвестиционных проектов [8]

миллионов рублей или эквивалентную сумму в иностранной валюте. Другими словами, приоритетный инвестиционный проект – это проект, реализующий какую-либо инвестиционную либо бизнес идею и использующий в качестве источников финансирования иностранный капитал в объеме, установленном российским законодательством.

Особенности приоритетных инвестиционных проектов заключаются в их исключительном праве на обладание и использование особых льгот и гарантий, которые им способно обеспечить государство. Такие преференции недоступны участникам других проектов.

Также согласно ст. 2 ФЗ № 160 для того, чтобы инвестиционный проект признали приоритетным, он должен отвечать всем требованиям законодательства в части объемов и источников финансирования, а также должен быть включен в перечень таких проектов, который устанавливается Правительством Российской Федерации и включает в себя проекты, способствующие развитию импортозамещения в стране, технологий и увеличению объёмов экспорта. Помимо этого, согласно положениям Приказа Минрегиона РФ от 28.02.2012 г. №74 «Об утверждении типовой формы карты инвестиционного проекта» [9] сформулированы правила отбора и требования к инвестиционным проектам, носящим статус приоритетного в федеральных округах нашей страны.

Опираясь на указанные нормативно-правовые требования, приоритетным инвестиционным проектом федерального округа в современных российских условиях может быть определен один или группа взаимосвязанных проектов, стоимость которого превышает 500 миллионов рублей. Источники финансирования проектов при этом не играют никакой роли.

Целью их создания является образование очагов экономического и социального развития в регионах нашей страны, появлению новых производственных и туристических кластеров. Для того чтобы такой проект принял статус приоритетного, он должен соответствовать следующим требования, обозначенным Правительством РФ:

стоимость не менее 500 миллионов рублей;

эффект от реализации должен носить положительный социальный, экономический и бюджетный эффект;

осуществление инвестиций в объекты капиталовложений на территории одного или нескольких федеральных округов;

соответствие всем утвержденным стратегиям экономического развития, как на уровне страны, так и на уровне регионов, а также направлениям деятельности Правительства РФ.

В рейтинге Всемирного банка Doing Business (https://russian.doingbusiness.org/ru/rankings), посвященном условиям ведения бизнеса в государствах мира, Российская Федерация за последний год поднялась на 35-е место с 40-го, набрав 75,5 балла. Нужно отметить, что это лучший результат среди стран БРИКС. В последние 5 лет, согласно данным отмеченного выше рейтинга, Российской Федерации удается демонстрировать одну из лучших мировых динамик, что достигается в том числе за счет реализации инвестиционной политики на региональном уровне.

Инвестиционная политика, проводимая Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, является частью единой государственной политики Российской Федерации по улучшению бизнес-климата страны. Усилия исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа, организаций инфраструктуры поддержки предпринимательской и инвестиционной деятельности направлены на формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной экономики автономного округа.

Опираясь на ряд научных источников [1-8, 10], рассмотрим ведущие методические инструменты и инновации, применяемые на региональном уровне в контексте исследуемой в настоящей статье проблемы.

Так, в первую очередь следует отметить, что открытие в 2018 г. первых специализированных центров оказания помощи предпринимателям в г. Сургуте и г. Нижневартовске МФЦ для бизнеса стало основной для формируемой сервисной модели поддержки и развития бизнеса, включающей обеспечение доступности получения предпринимателями всего спектра государственных, муниципальных и сопутствующих услуг, а также услуг АО «Корпорация «МСП».

Реализованный органами местного самоуправления муниципальных образований автономного округа муниципальный инвестиционный стандарт позволил упростить административные процедуры на местах и создать более комфортную среду для открытия своего дела или расширения уже существующих производств.

Внедренный в деятельность контрольно-надзорных органов риск-ориентированный подход по 7 приоритетным видам контроля (надзора) дал возможность использовать в автономном округе методы оценки рисков в целях снижения общей административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности и в целом повысить эффективность контрольно-надзорной деятельности.

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время в Югре заданы приоритеты новой промышленной политики, ключевой целью которой является диверсификация экономики за счет создания новых производств в приоритетных направлениях, внедрение в промышленное производство новейших разработок и современных технологий [7]. С 2018 г. данная политика реализуется в соответствии с государственной программой автономного округа «Развитие промышленности, инноваций и туризма в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2018 – 2025 годах и на период до 2030 года».

Благодаря заключенному соглашению о взаимодействии между Фондом промышленности Российской Федерации и Фондом развития Югры оказывается адресная финансовая поддержка предприятиям, реализующим проекты, обладающие экспортным потенциалом, нацеленным на импортозамещение.

Основным направлением деятельности созданного с целью инвестиционной поддержки инноваций окружного Технопарка высоких технологий стала поддержка промышленного роста, в том числе за счет разработки и внедрения новых информационных технологий в интересах промышленности автономного округа. Вокруг Технопарка в настоящее время формируется сеть индустриальных парков, промышленных кластеров, испытательных полигонов, которые в перспективе должны стать площадкой для формирования новых рынков Национальной технологической инициативы.

Отметим тот факт, что цифровизация югорской экономики должна стать ключевым инструментом повышения эффективности мер по улучшению условий ведения бизнеса и охватить широкий спектр взаимодействия между инвестором и государством посредством развития электронных ресурсов и сервисов электронного взаимодействия. С теоретико-методологической точки зрения, в данном случае на региональном уровне, который выступит экспериментальной апробационной площадкой, предполагается сформировать концептуально новые подходы к развитию экосистемы открытых данных, которые станут

драйвером для создания новых перспективных бизнес-идей.

Продолжая анализ по проблеме, нужно обратить внимание на тот факт, что портал государственных услуг (https://www.gosuslugi.ru) в настоящее время предоставляет новые возможности предпринимательскому сообществу в получении необходимой разрешительной документации, мер государственной поддержки. Так, специализированная информационная система взаимоотношений с клиентами, представляющая собой выделенный электронный канал связи, объединила в единое информационное пространство всех участников процесса по сопровождению инвестиционных проектов по принципу «одного окна» на региональном, муниципальном и локальном уровнях, включая как государственные органы, так и инициаторов проектной деятельности, позволяя повысить оперативность в принятии решений, касающихся аспектов разработки, экспертизы и согласования документации, получения полного объема необходимой информации и соответствующих консультационных услуг. [10]

В настоящее время налоговая политика автономного округа Югры нацелена не только на сохранение действующих благоприятных налоговых режимов для субъектов инвестиционной деятельности, но и на их усиление. В ближайшей перспективе предполагается имплементация таких дополнительных мер стимулирования инвестиционной активности, как предоставление налоговых льгот в ходе заключения специального инвестиционного контракта, реализации национального проекта по созданию комплекса отечественных технологий и высокотехнологичного оборудования разработки запасов баженовской свиты. Дополнительные меры предполагается направить на поддержку инвесторов – субъектов деятельности, реализующих инвестиционные проекты по созданию новых промышленных производств и создающих новые высокотехнологичные рабочие места.

По состоянию на середину 2019 г. в ХМАО реализуется 150 приоритетных инвестиционных проектов, в числе которых, в частности:

1. Реконструкция, модернизация и развитие систем теплоснабжения, г. Когалыма на 2010-2020 гг. При осуществлении инвестиционного проекта ООО «Городские теплосети» была оказана господдержка в виде субсидии на возмещение части затрат на уплату процентов по привлекаемым заемным средствам в общем объеме 202 292,2 тыс. рублей. В ходе реализации проекта было реконструировано 13,92 км тепловых сетей, высвобождено 30 человек, 3 619,94 тыс. Гкал. Налоговые поступления в бюджетную систему на федеральном уровне насчитывают 4 741 тыс. рублей. Проект реализован.

2. 9-ти этажный многоквартирный жилой дом по ул. Бакинская, в г. Когалым. В рамках осуществления инвестиционного проекта Окружному фонду жилищного строительства «Жилище» была предоставлена господдержка в виде субсидии на возмещение части затрат на строительство инженерных сетей и объектов инженерной инфраструктуры в общем объеме 3 028,22 тыс. рублей, объем введенного жилья насчитывает 6 722,5 кв. м. Реализация проекта осуществлена.

3. Строительство жилых домов на территории поселка Пионерный г. Когалым. В рамках осуществления проекта ООО «Си Групп Урал» оказана государственная инвестиционная поддержка в виде субсидии на возмещение части затрат на строительство инженерных сетей и объектов инженерной инфраструктуры в общем объеме 11 355,9 тыс. рублей. Объем введенного жилья насчитывает 4 320 кв. м. Реализация проекта осуществлена.

4. Имущественный комплекс электроснабжения. В ходе реализации инвестиционного проекта ООО «Югорская территориальная энергетическая компания – Когалым» инвестору предоставлено имущество, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для обеспечения эффективного использования на условиях концессионного соглашения и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Проект находится в стадии реализации.

5. Застройка микрорайона 4А в г. Лангепасе. В рамках осуществления проекта ЗАО «Микрорайон 4А» оказана господдержка в виде субсидии на возмещение части затрат на строительство инженерных сетей и объектов инженерной инфраструктуры в общем объеме 10 698,44 тыс. рублей, объем введенного жилья насчитывает 7 029 кв.м., налоговые поступления в бюджетную систему РФ за 2014-2015 гг. исчисляются суммой 6 532 тыс. рублей. Реализация проекта осуществлена.

6. Имущественный комплекс системы теплоснабжения г. Лангепас В ходе реализации инвестиционного проекта ООО «КонцессКом» предоставлено имущество, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для обеспечения эффективного использования на условиях концессионного соглашения и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Проект реализуется.

7. Имущественный комплекс системы водоснабжения и водоотведения г. Лангепас. В ходе реализации инвестиционного проекта ООО «Промышленные информационные технологии» предоставлено имущество, находящегося в государственной или муниципальной собственности, для обеспечения эффективного использования на условиях концессионного соглашения и повышение качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям. Оказана государственная поддержка в форме субсидии,

на возмещение части затрат на уплату процентов по привлекаемым заемным средствам в сумме 27 107,6 тыс. рублей. Налоговые поступления в бюджетную систему РФ составили 25 561 тыс. рублей. Водоснабжение – 1 768 406,2 м. куб., водоотведение – 1 533 631,4 м. куб. Проект реализуется.

8. Школа-детский сад в д. Согом мощностью объекта 50 учащихся. В ходе реализации инвестиционного проекта ООО «Квартал» оказана господдержка в форме субсидии на возмещение части затрат на строительство инженерных сетей и объектов инженерной инфраструктуры в сумме 11 313,4 тыс. рублей. Детский сад введен в эксплуатацию, проект реализован.

9. Строительство школы с группами для детей дошкольного возраста д. Ярки на 120 учащихся /60 мест. В рамках реализации инвестиционного проекта ЗАО «Дива» оказана государственная поддержка в форме информационно-консультационного и организационного сопровождения инвестиционного проекта. Процент готовности объекта 29%. Ведется поиск источника финансирования. Планируется к созданию 39 рабочих мест. Проект реализуется.

Анализируя структуру приоритетных инвестиционных проектов ХМАО за 2018 г., следует отметить, что в этот период в округе применялись меры государственной поддержки проектов в сфере создания и капитального ремонта объектов транспортной инфраструктуры в виде субсидии на возмещение части затрат на строительство инженерных сетей и объектов инженерной инфраструктуры. В то же время начата реализация инвестиционных проектов на основе концессионных соглашений, государственно-частного партнерства по созданию объектов образования, физической культуры и спорта, размещения и переработки твердых коммунальных отходов, а также теплоснабжения согласно типовому тиражируемому решению, подготовленному Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Оценивая спектр реализуемых инвестиционных проектов, следует констатировать тот факт, что в текущих условиях автономный округ Югра обладает необходимыми ресурсами для того, чтобы формировать высокотехнологичную экономику, создавать новые рабочие места, стать центром для привлечения инвестиций и новых технологий.

Исследование показывает, что в регионе на настоящий момент сформировались следующие сферы приоритетного характера, развитие которых способно повлиять на повышение инвестиционного потенциала ХМАО и оказать, на наш взгляд, совокупный синергетический эффект на национальную экономику, требуя активизации внимания государства в данном направлении: добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; обрабатывающие производства. Развитие их инвестиционного потенциала требует устранения существующих административных барьеров, поддержки малого и среднего предпринимательства и улучшения инвестиционного климата региона для развития его на уровне бренда, что позволит существенно увеличить приток инвестиционных средств.

Список литературы

1. *Алехина Т.А.* Основные проблемы инвестирования в России // Ученые записки. – 2017. – № 21. – С.7.
2. *Басовский Л.Е.* Финансовый менеджмент /Л.Е. Басовский. – М: ИНФРА-М, 2017. – 240 с.
3. *Беневоленский С.Б., Кузнецов М.С.* Инвестиционный портфель как объект моделирования // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 2. – С.238-238.
4. *Иншакова А.О., Шишенко М.С.* Понятие и сущностные характеристики инвестирования в действующем российском законодательстве / А.О.Иншакова, М.С.Шишенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 3. – С. 34-41.
5. *Исламутдинов В.Ф.* Методология управления инновационным поведением хозяйствующих субъектов на основе развития институтов стимулирования: Дисс… д-ра эконом. наук. – Новосибирск, 2014. – 340 с.
6. *Крылов Э.И.* Анализ эффективности инвестирования и инновационной деятельности предприятия/ Э.И Крылов. – М.: Финансы, 2018. – 384 с.
7. *Куриков В.М.* Подходы к повышению инвестиционной привлекательности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс] / В. М. Куриков, О. В. Порохина // Управление экономическими системами. – 2014. – № 7 (67). – URL: http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2993-2014-07-26-06-43-25 (дата обращения: 03.09.2019)
8. *Мирошников В.В., Филипчук А.А.* Применение FMEA-методологии для качественной оценки рисков инвестиционных проектов малого и среднего предпринимательства [Электронный источник] // Региональная экономика и управление. – 2011. – № 1. – URL: https://eee-region.ru/article/2503/ (дата обращения: 03.09.2019)
9. Приказ Минрегиона РФ от 28.02.2012 г. N 74 "Об утверждении типовой формы карты инвестиционного проекта" // Российская газета. – Вып. № 82 от 13.04.2012 г.
10. *Трухина О.А.* Современное состояние инвестиционного потенциала Ханты-Мансийского автономного округа-Югра и тенденции его развития / О.А. Трухина // Инновационное развитие экономики. – 2018. – № 1 (43). – С.144-153

11. Федеральный закон от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации [Электронный источник] // Минэкономразвития России. – URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depinvest/fz199920709 (дата обращения: 03.09.2019)

References

1. *Alekhina T.A.* The main problems of investment in Russia//Scientific notes. – 2017. – N 21. – P.7.
2. *Basovsky L.E.* Financial management/ L. E. Basovsky. – M: INFRA-M, 2017. – 240 p.
3. *Benevolensky S.B., Kuznetsov M.S.* Investment portfolio as subject to modeling// Modern problems of science and education. – 2018. – N 2. – Pp. 238-238.
4. *Inshakova A.O., Shishengko M.S.* A concept and intrinsic characteristics of investment of the existing Russian legislation / A.O. Inshakova, M.S. Shishenko // Vestnik of RUDN. Series: Jurisprudence. – 2017. – N 3. – Pp. 34-41.
5. *Islamutdinov V.F.* Methodology of management of innovative behavior of economic entities on the basis of development of institutes of stimulation: The thesis ... of scientific degree of the Doctor of Economics. – Novosibirsk, 2014. – 340 p.
6. *Krylov E.I.* Analysis of efficiency of investment and innovative activity of the enterprise / E.I Krylov. – M.: Finance, 2018. – 384 p.
7. *Kurikov V.M.* Approaches to increase in investment attractiveness of Khanty-Mansi Autonomous Okrug [Electronic resource] / V.M. Kurikov, O.V. Porokhina// Management of economic systems. – 2014. – N 7 (67). – URL: http://www.uecs.ru/innovacii-investicii/item/2993-2014-07-26-06-43-25 (date of the address: 03.09.2019)
8. *Miroshnikov V.V., Filipchuk A.A.* Application of FMEA methodology for quality standard of risks of investment projects of small and average business [An electronic source] // Regional economy and management. – 2011. – N 1. – URL: https://eee-region.ru/article/2503/ (date of the address: 03.09.2019)
9. Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of 28.02.2012 N 74 «About the statement of a standard form of the card of the investment project»// Rossiyskaya gazeta. – Iss. N 82 of 13.04.2012.
10. *Trukhina O.A.* Current state of investment potential of the Khanty-Mansi autonomous district Yugra and trend of its development / O.A. Trukhina // Innovative development of economy. – 2018. – N 1 (43). – Pp. 144-153
11. The federal law of 09.07.1999 N 160-FZ «About foreign investments in the Russian Federation [An electronic source] // The Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – URL: http://economy.gov.ru/ minec/about/ structure/ depinvest/fz199920709 (date of the address: 03.09.2019)

УДК 332.1

Смыслова О.Ю.,
доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал),
savenkova-olga@mail.ru

Лисова Е.В.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга,
Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал),
lisovaekaterina78@gmail.com

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Одной из значимых проблем российской экономики, требующей принятия действенных мер, является достижение высокого уровня и качества жизни сельского населения. В рамках настоящей публикации предпринята попытка представить неразрывную связь социально ориентированного развития сельских территорий как направление стратегии социального развития региона. В контексте этого в статье обосновывается привязка решения этой проблемы к разрабатываемой на региональном уровне стратегии социального развития, включающей решение приоритетных задач по обеспечению устойчивого развития региональной системы, в том числе сельских территорий, в долгосрочной перспективе и быструю адаптацию к происходящим изменениям в геополитическом пространстве страны и ее территорий. При этом особое внимание в исследовании уделено необходимости развития социальной инфраструктуры на сельских территориях, уровень которой отражает взаимодействие материально-вещественной среды села и его жителей и способствует улучшению условий их жизни и деятельности. В статье делается акцент на важности не только социальной стороны развития сельских территорий, но и на их экономическом благополучии, повышение которого позволит обеспечить высокий уровень доходов и занятости населения, улучшить инвестиционный климат и создаст возможности для наращивания их социально-экономического потенциала.

Ключевые слова: социальное развитие, сельские территории, регион, социальная инфраструктура, население, стратегия

Smyslova O.,
Doct. of Econ. Sci, professor, Full Prof. of the Chair "Economics, Management and Marketing" Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Lisova E.,
PhD in Social Science ,assistant Professor, Full Prof. of the Chair "Economics, Management and Marketing" Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

THE SOCIALLY-ORIENTED DEVELOPMENT OF RURAL AREAS AS A DIRECTION OF THE REGION'S SOCIFL DEVELOPMENT STRATEGY

One of the imperative objectives of Russia is economy that badly needs some effective measures implementation is the provision of high living standards and quality of life for rural population. Within the given research the authors show the clear interrelation between the socially-oriented development of rural areas and the region's social development. In this regard the research proves that the strategy of social development can tackle the given problem on the regional level as it embodies some priority tasks aimed at the provision system's steady development in the long-term perspective as well as the rural areas adjustment to rapid changes in the country's geopolitics. The special emphasis is made on the development of social infrastructure of rural areas that reflects the interaction between material and physical resources of rural environment and its resident and contributes to the improvement of living standards. The authors underline the significance of rural areas social development in like with its economic prosperity that guarantee the residents high incomes and employment, the improvement of investment climate and the increase social and economic potential

Keywords: social development, rural areas, region, social infrastructure, population, strategy

Актуальность исследований социальной составляющей развития территориальных систем связана в первую очередь с постоянно протекающими процессами их социально-экономической трансформации (в том числе пространственной), которая проявляется в чередовании прогресса и деградации. Присутствие долгое время понимания социального развития как следствия развития экономического, когда во главу угла ставился экономический рост, а остальное должно было само собой приложиться, негативно сказалось на социально-экономическом развитии российского общества, увеличивая глубину социально-территориальных различий.

Нельзя не согласиться с результатами исследований Новицкой Л.Н., которые в унисон с результатами исследований других ученых [2, с.115; 3, с.71; 4, с.12; 5, с.157; 6, с.14] подтверждают тот факт, что «социальные процессы тесно связаны с экономическими, но не определяются только экономикой. Не менее значимы социокультурные нормы и традиции, весьма различные для разных территориальных групп населения, накопленный человеческий капитал, мобильность и качество населения, социальный капитал с выраженной региональной спецификой, а также воздействие сложившейся системы расселения» [6, с.16]. Из этого можно заключить, что в концептуальном анализе тенденций социальной трансформации нельзя обойти такую важнейшую составляющую общества и государства в разрезе их социально-территориальной структуры как сельские территории. Это означает, что роль сельских территорий и их места в жизни общества и государства должным быть должным образом оценены и учтены при разработке и реализации социальной и экономической политики. Однако наличие исторически сложившихся и нерешенных до настоящего времени глубинных проблем развития села говорят об обратном.

Сохраняющийся низкий уровень развития сельской социальной инфраструктуры, ухудшение демографической ситуации, наличие высокого уровня безработицы, низкой закрепляемости кадров и продолжающийся отток и деградации рабочей силы – все это только часть тех неразрешенных социально-экономических проблем, которые остро ощущают жители сельских территорий [6, с.18]. Более того на достижение устойчивого развития сельских территорий в комплексе реализации стратегических задач социально-экономического развития регионов России отрицательно сказывается, наличие проблем в системе обеспечения доступности селян социальными услугами, отсутствие баланса между потребностью рынка труда и возможностями рынка образовательных услуг, а также затрудненность социальной адаптации молодежи [7, с.68]. При этом важно понимать, что от уровня жизни и деятельности на сельских территориях зависит не только благополучие селян. Другими словами, взаимодействие и взаимосвязи сельской местности с городской выступают системообразующими элементами региональной социально-экономической политики государства.

По своему функциональному назначению сельские территории, как известно, являются источником продовольствия и сельскохозяйственного сырья, кладовой природных ресурсов, местом проживания 40% всего населения России, а также важным рекреационным объектом и местом ассимиляции отходов [8, с.18]. Проведенные многочисленные исследования сводятся к общему пониманию, что от уровня социально-экономического состояния территории, плотности населения и инфраструктурного обустройства сельских территорий в значительной мере зависит безопасность, целостность и территориальное единство государства. Более того, потенциальные возможности последнего напрямую связаны с агропромышленным хозяйством, основная доля которого приходится на сельскую местность. В этом контексте задача по нахождению эффективных путей решения комплекса проблем социального развития села, от которых зависит благополучие не только сельских жителей, но и стабильность развития экономики регионов страны в целом, продолжает оставаться в числе приоритетных и определяет актуальность проводимых исследований.

Как показывает практика, кризис сложившейся модели обеспечения устойчивого сбалансированного развития регионов определяет потребность в разработке новых подходов социального развития его территорий. Исследования социального развития сельских территорий сводятся в основном к оценке благосостояния населения, оценке уровня и качества их жизни. Широкое толкование этих понятий и системный подход к их оценке способствуют углубленному изучению взаимосвязей всех его компонентов. Представляется, что при неоспоримой важности системного подхода система оценки уровня жизни создает методологические и практические особенности при различных сопоставлениях, особенно территориальных.

Современные подходы к пониманию «социальное развитие» в большей степени обозначают совокупность определенных процессов, протекающих в социальной сфере общественной жизни, связанных с повышением качества жизни и доходов населения, охраной труда, социальным страхованием, занятостью населения, охраны материнства, детей и инвалидов.

В ранее проведенных исследованиях нами были определены факторы социального развития для сельских территорий, которые позволяют более полно раскрыть механизм его формирования на сельских территориях и установить, насколько оно соответствует имеющимся возможностям, а также спрог-

нозировать перспективные структурные изменения и их параметры. В группы включены экономические, связанные с уровнем социально-экономического развития страны, региона; политические, характеризующие сущность и влияние социальной политики на развитие социальной сферы села; культурные, определяющие воздействие системы нравственных и культурно-духовных ценностей, норм, традиций и обычаев на социальные отношения; природно-климатические, показывающие особенности среды обитания населения и экологизацию сельской экономики, влияющие на стандарты и образ жизни населения; социально-демографические и социально-психологические [7, с.75].

Как показывает практика, ключевую роль в системе факторов относят к социальной инфраструктуре, которая отражает взаимодействие материально-вещественной среды села и его жителей, создавая условия для их жизни и деятельности. При этом важно отметить, что развитие социальной инфраструктуры способствует улучшению условий жизни и деятельности не только тем, кто ее непосредственно использует, но и всему обществу, так как чем выше образовательный, духовный уровень и качество жизни населения, тем успешнее используется человеческий капитал и решаются социально-экономические проблемы.

Вектор социально ориентированного развития сельских территорий предполагает в качестве стратегической цели достижение удовлетворенности потребностей населения в трудовой деятельности, социально-экономической активности и духовной культуре. Реализация этой цели во многом зависит с одной стороны от особенностей функционирования сельских территорий, куда относится географические условиях и отличия сельской местности, а с другой – социально-экономическое развитие самого региона, в состав которого входят данные территории. Последнее предполагает акцент на социально-экономический потенциал региона, определяющий возможности для обеспечения потребления и развития человеческого капитала на всей его территории.

Социальное развитие всегда пространственно неоднородно. И в последнее время некоторые эксперты отмечают усиление этого явления через так называемый конфликт скоростей развития экономических укладов и разрыва в социальных слоях общества. Не только скорость, но и тенденции, формы, пространственные границы отдельных социальных изменений весьма различны. На региональном и поселенческом уровне проявляются разные тренды, от диффузий инноваций до устарелых форм адаптации и социальной деградации. На динамику социальных показателей сильно влияет фактор накопленного потенциала.

Говорить о всеобщей деградации села абсолютно некорректно, так как в настоящее время наряду с имеющимися проблемами видны существенные улучшения в обеспеченности некоторыми услугами. Растущее благоустройство жилья в некоторых селах на фоне низких заработков сельских жителей второстепенны, но для нашего исследования — это сигнал неоднозначности социальных трансформаций. Показательными социальными индикаторами стали сокращение материнской и младенческой смертности, рост числа объектов социальной инфраструктуры, что также говорит об улучшении ситуации на селе.

Можно согласиться с мнением профессора Н.В. Зубаревич [1, с.229], что в последнее время важной чертой современных условий выступает сочетание устойчивых и меняющихся тенденций развития. Это касается не только индикаторов и динамики социального развития, но и типов регионов.

В своем исследовании Новицкая Л.Н. отмечает, что «в последние годы начала меняться конфигурация регионов – аутсайдеров по социальному развитию. Если в 90-е годы к ним, наряду с наименее развитыми восточными регионами, относились все республики Северного Кавказа, то по мере экономического роста эта группа начала размываться» [6, с.20]. Это тоже результат адаптации, соединяющей традиционные и модернизационные механизмы. Менее развитая восточная часть России сильнее отстает относительно других территорий. Только в отдельных слабозаселенных округах работающий там крупный бизнес в определенной степени проявляет социальную ответственность и поддерживает местные бюджеты. Юг Сибири, особенно Тыва, Бурятский автономный округ и Читинская область существуют в весьма сложном режиме выживания на фоне наблюдаемого в целом улучшения социальной ситуации в стране. Эта проблема пока слабо решается на государственном уровне.

При этом важно отметить, что круг сильных регионов также меняется достаточно активно. В него плотнее входят нефтяные экспортеры, и не только из-за опережающего роста доходов населения. Сверхприбыли направляются на социальное развитие территорий региона через возросшие доходы региональных и местных бюджетов, в результате чего улучшается доступ к получению образования, расширению возможностей рекреации и повышению уровня здравоохранения. Статистика свидетельствует, что изменения в условиях и образе жизни населения Тюмени очевидны, показатели долголетия сопоставимы с Москвой и югом страны. Однако в других регионах позитивные социальные изменения не так заметны, так как в них меньше концентрация сверхдоходов производств и больше численность населения, в том числе сельского.

Таким образом, включение социально ориентированной модели развития сельских территорий

в стратегию социального развития региона должно предполагать учет специфики природных, социально-пространственных территориальных образований села с целью комплексного удовлетворения экономических и социальных интересов населения региона и обеспечения обустройства жизненной среды всего проживающего сообщества.

При разработке стратегии социального развития региона важно сделать акцент не только на социальной стороне, но и на экономической составляющей развития сельских территорий, которая позволит повысить уровень доходов и занятости населения, улучшить инвестиционный климат и тем самым создаст возможность для восстановления и развития социальной инфраструктуры села. Исходя из этого, процесс разработки стратегии социального развития региона должен в первую очередь включать выделение основных приоритетов, на которые должны быть сконцентрированы усилия региональных органов власти. Обеспечение социально ориентированного развития сельских территорий должно выступать в качестве одного из ключевых приоритетов разрабатываемой региональной стратегии.

Нам видится, что стратегия социального развития региона должна предусматривать выдвижение таких целей и механизмов их достижения, которые позволят обеспечить устойчивое развитие всей региональной системе в долгосрочной перспективе и безболезненную адаптацию к быстро меняющимся условиям. При этом реализация социально ориентированного подхода к развитию сельских территорий будет способствовать укреплению территориальной структуры экономического пространства региона, достижению выравнивания уровня жизнеобеспечения сельского и городского населения, укреплению продовольственной безопасности и обеспечению положительных тенденций уровня и качества жизни сельского населения.

Список литературы

1. *Зубаревич Н.В.* Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. [Текст] Изд.4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 264 с.
2. *Калугина З.И.* Вектор посткризисного развития российской деревни / З.И. Калугина // Регион: Экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115-135
3. *Коваленко Е.Г.* Концептуальная модель устойчивого развития сельских территорий / Е.Г. Коваленко // Стандарты и качество. – 2014. – № 11 (929). – С. 70-73
4. *Костяев А.И.* Модели развития сельских территорий: типы, варианты построения / А.И. Костяев, Е.А. Шепелева, Т.В. Юрченко. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. – 68 с
5. *Меренкова И.Н.* Социально-ориентированное развитие сельских территорий: проблемы и пути решения / Меренкова И.Н., *Савенкова О.Ю.* // Фундаментальные исследования. 2015. № 9-1. С. 156-159.
6. *Новицкая Л.Н.* Социальное прогнозирование развития малого региона: Комплексное социологическое исследование: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.08 / Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2004. – 23 с.
7. *Савенкова О.Ю.* Стратегия социально ориентированного развития сельских территорий: монография – Липецк: Типография «Липецк-Плюс», 2015. – 244 с.
8. *Чепурных Н.В.* Региональное развитие: сельская местность / Н.В. Чепурных, А.Л. Новоселов, А.В. Мерзлов; Совет по изучению произв.сил. – М.: Наука. 2006. – 384 с.

References

1. *Zubarevich N.V.* Social development of Russian regions: problems and trends of the transition period. [Text] Vol. 4. – M.: Book House "LIBROCOM", 2009. –p. 264
2. *2.Kalugina Z.I.* 2010 Vector of post-crisis development of the Russian village Region: Econ. And Sociol. [Region: Ekonomika i sociologiya – in Russian] №3 pp.115-135
3. *Kovalenko E.G.* 2014 Conceptual model of sustainable rural development Standards and quality [Standarty i kachestvo – in Russian] №11pp. 70-73
4. *Kostyaev A.I., Shepeleva E.A., Yurchenko T.V.* 2018 Rural development models: types, options for building (Saint-Petersburg: Publishing house of Saint-Petersburg State University of Economics) p.68
5. *Merenkova I.N.* Socially-oriented development of rural territories: problems and solutions / Merenkova I.N., Savenkova O.Yu. // Basic research. 2015. No. 9-1. pp.156-159
6. *Novitskaya L.N.* Social forecasting of the development of a small region: A comprehensive case study: abstract of thesis. ... candidate of sociological sciences: 22.00.08 / Adyg. state un-t – Maykop, 2004 .—p.23
7. *Savenkova O.Yu.* Strategy of socially oriented of rural territories: monograph – Lipetsk: Printing house "Lipetsk- Plus", 2015. – p.244
8. *Chepurnykh N.V.* Regional development: rural area / N.V. Chepurnykh, A.L. Novoselov, A.V. Merzlov; Power Research Council – M .: Science. 2006 – p.384

УДК 332.14, 338.2

Учитель Д.Ю.,
доцент кафедры Управления и гражданского права, АНО ВО Институт деловой карьеры,
dmtr.uchitel@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИКИ И РАЗРАБОТКИ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Целью статьи является рассмотрение в методическом аспекте вопроса формирования максимально эффективной, оптимальной по своим количественным и качественным параметрам системы территориального управления, в разработке которой участвуют все заинтересованные субъекты. В контексте проблемы результативности и оптимальности управления территориями автором выделяются два ключевых направления: поиск путей и инструментария, повышающих эффективность структуры устройства территорий и эффективности управления территориями. Предметом основного исследования автора выступают критерии оценки данного процесса. Применяя методы проблематического, эволюционного, ретроспективного анализа, автор приходит к выводу, что современная система территориального управления в России может быть одновременно охарактеризована как фрагментарно управляемая, но не самодостаточная. Автором сделан вывод о том, что в современных условиях особое внимание должно быть привлечено к муниципальному уровню территориального управления как локомотиву эволюционного методического подхода к оптимизации системы управления территориями, позволяющему наиболее эффективно реализовать обратную связь между заинтересованными субъектами, участвующими в процессе управления территориями, проецируя и объединяя затем опыт территорий в более крупных масштабах. В статье рассматривается с проблематической точки зрения широкий спектр применяемых в настоящее время критериев для оценки эффективности управления территориями, закрепленных на нормативно-правовом уровне. Выявлена его недостаточность с точки зрения отсутствия корреляции с особенностями функционирования отдельных территорий и индикаторов их развития на местном уровне. Проанализированы попытки науки восполнить данный пробел (системно-процессный подход, проектный подход, метод анализа канонических корреляций). Аргументирована необходимость создания банка инновационных идей и площадки для обмена опытом между регионами в сфере внедрения и апробации новаций в сфере разработки оценочного инструментария и показателей измерения эффективности территориального управления, дальнейшая разработка методического инструментария на местах научными организациями в сотрудничестве с представителями власти, органами самоуправления и общественностью.

Ключевые слова: эффективность, управление, территориальное управление, оценка эффективности территориального управления, критерии эффективности территориального управления, развитие территорий

Uchitel D.,
Associate Professor, Department of Management and Civil Law, ANO VO Institute for a Business Career

TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE METHODOLOGY AND DEVELOPING CRITERIA FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF TERRITORIAL MANAGEMENT

The purpose of article is consideration in methodical aspect of a question of formation of the most effective, optimum system of territorial management in the quantitative and qualitative parameters in which development all interested subjects participate. In the context of a problem of effectiveness and optimality of management of territories the author allocated two key directions: search of the ways and tools increasing efficiency of structure of the device of territories and effective management of territories. Criteria for evaluation of this process act as a subject of the main research of the author. Applying methods of the problem, evolutionary, retrospective analysis, the author comes to a conclusion that the modern system of territorial management in Russia can be at the same time characterized as fragmentary operated, but not self-sufficient. The author made a

conclusion that in modern conditions the special attention has to be drawn to the municipal level of territorial management as to the engine of evolutionary methodical approach to optimization of a control system of territories allowing to realize most effectively feedback between the interested subjects participating in process of management of territories, projecting and uniting then experience of territories in larger scales. In article the wide range of the criteria applied now for assessment of effective management of territories set at the standard and legal level is considered from the problem point of view. Its insufficiency in terms of lack of correlation with features of functioning of certain territories and indicators of their development at the local level is revealed. Attempts of science to meet this lack (system and process approach, project approach, method of the analysis of initial correlations) are analyzed. Need of creation of bank of the innovative ideas and the platform for exchange of experience between regions in the sphere of introduction and approbation of innovations in the sphere of development of estimated tools and indicators of measurement of efficiency of territorial management, further development of methodical tools on places by the scientific organizations in cooperation with scientific and research organizations, self-government institutions and the public is reasoned.

Keywords: efficiency, management, territorial management, assessment of efficiency of territorial management, criteria of efficiency of territorial management, development of territories

Переход нашей страны к инновационному типу экономического и политического развития требует переосмысления существующих подходов к разработке механизма территориального управления, формирования логики и методологии его совершенствования в целях обеспечения нового качества жизни населения России. Ключевой проблемой территориального управления в современных условиях при этом выступает необходимость проектирования максимально эффективной, оптимальной по своим количественным и качественным параметрам системы территориального управления, которая позволяла бы действовать без сбоев механизму обратной связи во взаимоотношениях между государством, бизнесом-структурами и социумом на различных уровнях управления территориями.

Однако следует заметить, что проблема разработки характеризуемого подобным образом параметра эффективности территориального управления формируется в условиях неустранимого до сих пор противоречия. Оно заключается в том, что, с одной стороны, государство стремится к реализации максимально результативного управление территориями, с другой стороны – в практических условиях наше государство до сих пор не в состоянии преодолеть сложившуюся неэффективность в обозначенной области, несмотря на широкий спектр применяемых на протяжении многих столетий инновационных методических инструментов, условий, технологий, методов, принципов, критериев и маркеров эффективности, формирующих в целом механизм управления территориями на разных исторических ступенях.

Обращаясь к историческому анализу, следует отметить, что на территории нашей страны на протяжении многих веков предпринимались многочисленные попытки реформирования механизма территориального управления в поисках действенной системы воздействия на территории, обеспечивающей их оптимальное развитие и менеджмент. Многие из них носили достаточно результативный, хотя и часто фрагментарный характер, другие же завершались неизбежной неудачей по причине множественных противоречий как теоретико-методологического, так и практического характера. Так, в качестве одного из примеров эффективного решения исследуемой нами проблемы, в частности, по мнению исследователей, можно назвать экономическое районирование, осуществление которого было начато (но к сожалению, при этом крайне быстро свернуто) в 20-х гг. XX в. [13, с.67] Не зря именно его своеобразная проекция очевидна в реализуемой в настоящее время в России концепции макрорегионов (хотя при этом она дополнена таким важнейшим фактором, как создание горизонтальных экономических связей, в условиях которых сильные регионы помогали слабым, а не исключительной концентрации сил и процессов на Центре страны).

Возвращаясь к анализу, заметим, что закономерным следствием указанного нами выше противоречия выступает тот факт, что государством крайне слабо контролируются процессы на региональном уровне. Примеры, иллюстрирующие данный тезис, достаточно вариативны и в ретроспективе могут быть эксплицированы фактически из любого этапа исторического и политического развития нашей страны, включая современность (та уже удельная система Древней Руси или же так называемые исследователями «региональные баронства» в настоящее время) [13, с.68]. Противовесом государства в данном случае выступали спорадические попытки реализации политики жесткой централизации, которая в большинстве случаев не учитывала специфику регионов и приводила к стагнации их развития, часто вызывая обратный эффект, формируя ситуацию фактического самоуправления на территории огромных регионов страны.

Представляется целесообразным обратить внимание на тот факт, что с методологической точки зрения в разработке проблемы результативности и оптимальности управления территориями могут быть выделены два ключевых направления: поиск путей и инструментария, повышающих эффективность структуры устройства территорий и эффективности управления территориями.

Обращаясь более подробно к изучению первого из выделенных нами направлений, следует указать на необходимость анализа, в первую очередь, количественных параметров в его контексте, а именно вопроса оптимизации числа единиц территориального управления. Ретроспективный анализ демонстрирует, что в нашей стране в данной области наблюдалось колебание между двумя своего рода крайностями, которое протекало своеобразными чередующимися волнами укрупнения и разукрупнения:

– функционирование или планирование введение избыточного числа управляемых объектов, их неоправданная максимизация (например, свыше 300 уездов в допетровский период, около 100 территорий в предреволюционный период, свыше 80 субъектов управления в современной России), с параллельным снижением их роли и значения, совокупного синергетического эффекта в общей системе территориального управления;

– резкое уменьшение управляемых территорий (к примеру, 8 губерний в период петровского царствования, 7 федеральных округов в период современности и т.д.) с одновременно сопровождающими их процессами мало- и трудноуправляемости ввиду чрезмерно обширных географических параметров и размеров, а также объединения в их составе территорий с совершенно отличающейся спецификой, экономическими условиями развития и т.д.

Подобное колебание между крайностями приводило к тому, что всякий раз система территориального управления либо балансировала на уровне крайностей, достигая своего максимума (и соответственно неуправляемости), либо выходила за допустимые пределы, в результате не достигая оптимального состояния.

Отметим также, что чередование волн укрупнения – разукрупнения в территориальном управлении в отечественных условиях также на протяжении всей истории сопровождалось таким характерным феноменом как колебание между ведомственностью и местничеством (неопределенность сфер влияния между отраслевыми и территориальными приказами в XVII в., последовавшая конкуренция министерств и генерал-губернаторов к XIX в., преобладание территориальных принципов с 20-х гг. XX столетия, сменившие их в 30-х гг. административно-командная система, а затем отраслевой подход, вызвавший конкуренцию между многочисленными министерствами и ведомствами на уровне центра и территорий, сохраняющуюся по сей день).

Таким образом, в актуальных условиях одним из важнейших методологических вопросов в контексте исследуемой нами проблемы остается определение количества управляемых объектов в системе территориального устройства и его оптимизация в целях достижения эффективного управления на каждом из уровней.

Нужно отметить, что методический инструментарий, потенциально применимый для решения данной проблемы достаточно многочислен и вариативен. Так, например, в теории менеджмента для измерения управляющего воздействия предлагается использование так называемого числа Меллера (7 + 2). Однако этот метод, зарекомендовавший свою действенность при управлении организациями, не совсем применим в российских условиях управления территориями. История развития отечественных территорий эмпирически подтвердила тот факт, что при сокращении управляемых территорий до 7-9 наблюдается стремление системы к разукрупнению регионов. По мнению А.В.Усягина, М.К.Шишкова, в связи с этим в отечественных условиях в качестве более продуктивного может быть применен кибернетический принцип, в соответствии с которым «количество охватываемых той или иной системой подсистем должно составлять около 20-25» [13, с.69].

В качестве второго значимого вопроса в ходе анализа эффективности управления территориями выступают количественные параметры самого региона (численность населения, площадь территории, научный, промышленный потенциал и др.).

Практика российского территориального развития опять-таки уже наглядно продемонстрировала тот факт, что при исторически сложившимися различиями между регионами в численности населения, а также в социально-экономических, политических ресурсах, только наиболее крупные территории, население которых превышает 3 млн. чел., способны достичь уровня в полной мете самостоятельных и самодостаточных во внутреннем плане регионов, образующих эффективные подсистемы управления в рамках общей системы территориального управления. Другие же территории неизбежно попадают в ранг «заложников» более крупных регионов, находясь в зависимости от их поддержки или от помощи федерального Центра. Именно эти обстоятельства во многом объясняют многочисленные концепции в области укрупнения территорий, продуцируемые и реализуемые на протяжении последних десятилетий в отечественной теории и практике территориального управления. Однако очень часто в них не учитывается до конца проблема выявления и учета оптимальности

подчиненных территориальных единиц, входящих в регион, претендующий на выход на уровень самодостаточного, а также сопутствующих факторов. Разработка этих аспектов активно ведется с начала 2000-х гг. в отечественной науке. В частности, эмпирически установлено, что в российских условиях наиболее оптимальными местными единицами в составе региона являются субъекты с числом населения не менее 60-80 тыс. человек и более (данные характеристики способны обеспечить автономность и самоуправляемость единицы, безусловно, в совокупности с другого рода факторами). [3]

Нужно заметить, что помимо критериев количественного характера, структуру управления территориями также определяет конфигурация самих звеньев управления. В данном случае речь идет, в первую очередь, о сужении, расширении и несовпадении границ административного и экономического толка, административного и этнокультурного порядка и т.д., что искажает управленческие отношения и негативно влияет на результативность управления.

Возвращаясь опять-таки к историческому анализу, нужно заметить, что в российских условиях территориальные границы изначальной формировались хаотически, часто проведение границ становилось делом случая, над которым превалировали отнюдь не объективные, а субъективные причины. В ходе последующего формирования губерний преобладал механистический подход территориального разделения. Но при очередном выделении границ, старые при этом не исчезали, в результате чего каждый новый этап модернизации территориального разделения и управления объединял накопившиеся недостатки предшествующих, часто превышающие планируемые достоинства. При этом подчеркнем, что фактор полиэтничности российских регионов и анклавности расселения большей части этносов на ее территории, также имеющий историческую подоплеку, еще больше осложняет достижение баланса между установлением эффективных и действительных границ территорий.

В основе процесса управления (в том числе управления территориями), как свидетельствует теория менеджмента, лежат такие важнейшие принципы, как научность и современность, объективность управляющего воздействия, демократизм, нормативно-правовая упорядоченность в корреляции с практикой, состязательность, оптимальность и т.д. [13, с.70] Однако их эффективная реализация невозможна без контроля общества и обратной связи между государством и социумом на различных уровнях (что повышает степень эффективности). В противном случае принципы могут трансформироваться в диспринципы и привести к бесконтрольному управлению, отклонению от оптимизации модели территориального управления, снижению ее результативности. История территориального развития России неоднократно подтверждала этот факт. Примеров эффективной интеграции данных принципов в российской практике с начала XX столетия наблюдалось достаточно немного, за исключением недолговечной реформы 1923-30-х гг. [13, с.70]

Подводя итог ретроспективному анализу, надо констатировать и тот факт, что на эффективности процесса реализации территориального управления и его оптимизации в значительной мере в российских условиях оказывает влияние практически непрерывный недостаток государственных ресурсов (что закономерно в условиях протяженной территории страны). Именно это, в частности, привело к такому своеобразию городского самоуправления в петровский период или специфике земской реформы 1864 г., сформировало особенности взаимодействия между Центром и низлежащими уровнями (региональным, муниципальным) в текущих условиях [4, с.73]. Центр предпринимал неоднократные попытки делегировать на нижние уровне полномочия, которые не состоянии осуществлять на федеральном уровне, стимулировать территории нести расходы по собственному содержанию, однако это, как уже подчеркивалось, не всегда достижимо с позиции малых территорий.

В итоге современная система территориального управления, сложившаяся в России, на данный момент, как мы считаем, может быть одновременно охарактеризована как фрагментарно управляемая, но пока несамодостаточная. В ее контексте у государства пока еще не сформированы эффективные механизмы для воздействия на территории и на общество, а у последних – нет таких действенных и массово внедренных механизмов в отношении государства. Как итог, складывается ситуация, в которой ни интересы государства в целом, ни интересы составляющих его территорий остаются незащищенными, а основным инструментом территориального управления остается ведущийся на протяжении многих веков истории страны своеобразный «торг» между Центром и территориями по поводу прав и полномочий, выгод и привилегий.

В результате можно сказать, что выработка оптимальной системы территориального управления в нашей стране до сих пор не состоялась и остается главной целью в ближайшей перспективе, в детальной теоретико-методологической проработке и практической апробации и реализации которой заинтересованы все субъекты и уровни управления.

Обращаясь к решению поставленной цели, отметим, что исторический анализ, на наш взгляд, наглядно свидетельствует, что в современных условиях особое внимание должно быть привлечено к муниципальному, локальному уровню территориального

управления как локомотиву эволюционного (снизу-вверх) методического подхода к оптимизации системы управления территориями, уровню, позволяющему наиболее эффективно и на детальном уровне реализовать обратную связь между заинтересованными субъектами, участвующими в процессе управления территориями, проецируя и объединяя затем опыт и потенциал территорий в более крупных масштабах, формируя самодостаточные и самоуправляемые территориальные субъекты в единой системе.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что муниципальный уровень сегодня выступает одним из основных источников, который реализует и непрерывно поддерживает систему жизнедеятельности граждан на местах, подобно клетках единого большого организма. Оценка эффективности деятельности территорий при этом превращается в сложнейшую задачу в контексте уже отмеченного нами существенного многообразия регионов и составляющих их территорий в России. К предметам муниципального ведения в условиях последних реформ и преобразований в сфере децентрализации территориального управления отнесены разработка программ стратегического характера, среднесрочных и оперативных, включающих целевые показатели состояния территорий в различных сферах: социально-экономической, экологической, политической, культурной и т.д. Это подразумевает необходимость разработки широкого спектра критериев, определяющих эффективность территориального управления.

Следует отметить наблюдающееся активное развитие нормативно-правовых основ в области разработки критериев эффективности в исследуемом нами направлении на муниципальном уровне. В частности Указом Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» (в редакции Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 601, Постановления Правительства РФ от 16 августа 2018 года N 953) были сформулированы, а затем существенно расширены основные критериальные параметры для оценки эффективности деятельности муниципалитетов и управления территориями, а также утверждены методические основы оценки и мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [11]. Важным шагом в контексте разработки и реализации данного инструментария, на наш взгляд, является тот факт, что с целью учета принципа объективности управления и его повышения в число данных критериев был изначально включен такой параметр как «удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления» (п.13) [11], который затем получил развитие в контексте оценки различных сфер функционирования. Оценка (включая независимую оценку качества) при этом осуществляется по разработанному перечню показателей в таких сферах, как «экономическое развитие, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, культура, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем, жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления; энергосбережение и повышение энергетической эффективности» [11].

Значения показателей и данные оценки (годовых и промежуточных опросов) эффективности территориального управления должны быть размещены органами исполнительной власти территорий в государственной автоматизированной информационной системе «Управление». При этом следует подчеркнуть тот факт, что установленные на правовом федеральном уровне критерии, как справедливо подчеркивают ряд исследователей, мнение которых мы полностью разделяем, не могут рассматриваться в настоящий момент в качестве типовых, так как социально-экономические, географические, политические условия нашей страны требуют их неминуемой и обязательной адаптации к территориальной специфике, уточнения их содержания в условиях серьезных социально-экономических и другого рода ограничений муниципалитетов. [5, с.160] Первоначальная разработка показателей и неоднократное внесение поправок в их состав, их наблюдающаяся постоянная детализация и расширение свидетельствуют о справедливости данного тезиса и подтверждают данный факт, что эта информация должна поступать на федеральный правовой уровень именно с подачи уровня муниципального.

Используемая в настоящее время методика мониторинга и оценки эффективности органов исполнительной власти на различных уровнях хозяйствования, утвержденная Министерством экономического развития РФ [12], несмотря на детализацию по 295 показателям и сводным индексам (дифференцированным по различным сферам: макроэкономическое развитие, агропромышленный комплекс, здравоохранение и др.), также, по мнению специалистов, позволяет производить оценку управленческой деятельности в разрезе территорий лишь опираясь на обобщенные статистические показатели, которые не отражают ни особенности различных регионов, ни входящих в их состав более малых субъектов управления [9, с.90], в связи с чем формируемый на их основе рейтинг субъектов федерации не в полной мере соответствует реальной действительности, слабо коррелируя с индикаторами развития территорий [7].

Современная наука и практика пытаются в значительной мере восполнить наметившийся пробел. К настоящему моменту осуществлено достаточно боль-

шое число разработок, в которых, с использованием того или иного превалирующего методического подхода, отражены основные целевые индикаторы, критериальные показатели, маркеры индексы для оценки эффективности процессов управления и развития территорий. Однако существенной проблемой, стимулирующей дальнейшие научные поиски в данном направлении, остается уже отмеченное нами расхождение в корреляции целевых государственных, региональных, муниципальных и социальных, индивидуальных приоритетов, определяющих сохраняющийся дисбаланс в разработке и применении данных показателей на концептуальном и практическом уровне, а также степень достоверности получаемых при оценке данных. Более активное участие гражданской общественности в разработке и дополнении показателей и индикаторов оценки эффективности территориального управления не только социальной, но и других сферы, на наш взгляд, должно позволить повысить объективность, более комплексно оценить эффективность муниципального, а затем (при их аккумуляции и систематизации), регионального и других уровней управления, выступая основной для непрерывной корректировки методики оценки. Это позволит «обогащать инструментальную сторону профессионалов, удерживая в фокусе значимость интересов всех категорий граждан». [5, с.161]

Обратимся к рассмотрению наиболее активно применяемого инструментария, включая подходы, методы и технологии, в отечественной и зарубежной методике и практике применительно к исследуемой нами сфере.

В первую очередь в связи с этим следует отметить системно-процессный подход. Его применение наиболее часто наблюдается сегодня в зарубежной практике. Данный методический подход предусматривает построение системы показателей оценки эффективности управления территориями в соответствии с результатами процессов, реализуемых в органах исполнительной власти. Несмотря на безусловную позитивность системного охвата показателей и их интерпретации в процессуальном, а не статистическом контексте следует отметить объективный недостаток данного подхода ввиду отсутствия единых стандартов по организации процессов оценки. Использование стратегических индикаторов территориального развития в качестве методического инструментария, по оценкам отечественных специалистов, также, несмотря на контекст стратегической направленности оценки, вызывает «определенные трудности, связанные с дифференциацией и разнонаправленностью развития территорий, а порой и отсутствием четких стратегических ориентиров, имеющих количественную оценку» [8].

Следует отметить, что вопрос целесообразности разработки единой методики оценки эффективности территориального управления, в равной степени позволяющей анализировать данный процесс в любом регионе страны, в российской науке сегодня до сих пор остается открытым. В исследовании авторов Е.А.Петровой, В.В.Калининой, А.В.Шевардина, в частности, в развитии системно-процессного подхода предпринята попытка разработки подобной единой методики в корреляции с основными социально-экономическими показателями территориального развития [9]. Авторы отмечают необходимость проведения оценки на внешнем (федеральном) и внутреннем уровнях, последняя из которых должна быть, по их мнению связана с «достижением стратегических ориентиров в каждом конкретном субъекте федерации». Исследователи предлагают рассматривать предлагаемый ими подход и метод в качестве типовых, однако социально-экономические показатели при этом должны носить индивидуальный характер, то есть в каждом отдельном случае необходимо применять для оценки параметры, утвержденные стратегиями социально-экономического развития. Опираясь на зарубежную практику и методологию территориального управления в контексте парадигмы устойчивого развития, а также ряд эмпирических изысканий, подтвердивших его успешность (см.например, работы B.Verspagen (2012) [15] в разрезе апробации на базе 123 стран мира; N.Meisel (2008) [14], где установлена корреляция на основе 93 переменных при исследовании стран с различным экономическим развитием и обоснована категория так называемого «хорошего управления» и т.д.) в качестве типового метода при этом авторы рассматривают метод анализа канонических корреляций, позволяющий осуществить в количественном измерении оценку связи и аналитически выразить ее для двух групп индикаторов: ключевых социально-экономических показателей (7 параметров) по регионам РФ и показателей, характеризующих деятельность органов государственной власти (16 параметров) [10]. В отечественной методологии и практике метод анализа канонических корреляций применяется чаще всего для обоснования комплексов диагностических показателей экономических систем разного уровня [см., например:6]. При определенном достоинстве рассмотренного методического инструментария следует указать на тот существенный недостаток, что при разработке системы критериальных показателей его авторами не был учтен такой важнейший параметр, на который нами уже обращалось внимание выше, как оценка удовлетворенности населения качеством предоставляемых государственных услуг, что объясняется исследователями отсутствием объективных количественных социологических исследований по всем регионам за последние годы. Однако надо отметить, что в этом случае источниками данных могут выступить независимые соци-

ологические опросы, проводимые общественными организациями (ФОМ и др.).

В работе Р.А. Абрамова, Р.Т. Мухаева и М.С. Соколова [2] проблема разработки маркеров эффективности управления на государственном и региональном уровне рассмотрена в контексте проектного подхода, допустимость которого следует отметить и для сферы оценки эффективности территориального управления. Авторами обращается внимание на тот факт, что в современной зарубежной практике проектный подход в исследуемой сфере является одним из наиболее апробированных и эффективных, что позволяет апробировать образцы опыта его имплементации в российских условиях в качестве инструмента планирования и оценки [2]. В отличие от директивных или функциональных методов, проектный подход позволяет решать актуальные вопросы развития территорий и оценки эффективности данных процессов, концентрируя ограниченные ресурсы и время для реализации конкретных сформулированных задач – проектов. Одной из важных характеристик проектного подхода является и то, что по завершении одного проекта он часто становится началом для последующего, что крайне важно при реализации непрерывного мониторинга эффективности территориального управления и корректировки, подготовки на его основе программ и стратегий развития регионов. Реализация проектного подхода позволяет использовать инструменты проектного менеджмента в интеграции с другим инструментарием, повысить качество контроля сроков, затрат и эффективности при реализации процесса оценки эффективности, однако при этом оно должно носить комплексный характер и быть тесно связано с системой программирования, моделирования и стратегического планирования на территориальной уровне. [2] Проблемы применения проектного подхода в оценке территориального управления и его эффективности следует связать с недостаточной разработанностью механизма экстраполяции принципов проектирования на уровень территориального развития. Чаще всего в данном случае рассматривается государственный уровень (в данном контексте, в частности, можно вести речь о возможности экстраполяции положений разработок авторов Р.А.Абрамова, М.Н.Лукьяновой [1] на территориальный уровень), эмпирически доказавшим эффективность проектного подхода при разработке программных документов и критериальных показателей и индикаторов для дальнейшей оценки управления, влияние его применения на результативность формирования программ развития территорий. В исследовании Р.А.Абрамова, Р.Т.Мухаева и М.С.Соколова [2] осуществлена разработка маркеров эффективности территориального управления на институциональном и процедурном уровнях. Авторы опираются на действующие, утвержденные на федеральном уровне критерии достижения показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов федерации, предлагая их уточнение в стратегическом контексте и соответствующую детализацию в определенных дополнительных показателях, позволяющих повысить точность оценки. Так, например, такой типовой критерий, как «уровень безработицы в среднем за год» уточнен ими как «уровень безработицы в профессионально-структурном разрезе» и оценивается в разрезе таких показателей, как «доля населения, безработного по причине превышения предложения над спросом в конкретной профессии; доля безработного населения вследствие потери работы по факторам возраста, здоровья, инвалидности и иным социальным признакам; доля безработного населения после обращения в центр занятости населения, обращений о нарушении трудового законодательства, а также закрытия бизнеса по причине нарушения законодательства; динамика самозанятого населения; доля иностранного капитала и степени локализации иностранного производства» [2]. Всего авторами выделено 8 ключевых уточненных показателей, детализированных в 51 дополнительном показателе. Несмотря на то, что предложенный авторами подход и методический инструментарий представляют определенный интерес и перспективность, следует отметить недоработанность спектра оцениваемых показателей, предложенных авторским коллективом, в числе которых отсутствуют ряд важнейших параметров социального порядка, например, в сфере образования, здравоохранения и т.д. Кроме того, заявленная дифференциация на процессные и институциональные показатели в них прослеживается слабо.

Представленными примерами не исчерпывается весь перечень предлагаемых в настоящее время подходов, методических инструментов и показателей для оценки эффективности территориального управления, однако рассмотренные образцы и инструментарий позволяют констатировать, что в этом вопросе современной наукой еще не поставлена окончательная точка и не выработано единое мнение. В этой связи целесообразным представляется создание и непрерывное обновление банка инновационных идей и площадки для обмена опытом между регионами в сфере внедрения и апробации новаций в сфере разработки оценочного инструментария и показателей измерения эффективности территориального управления. Необходима также и дальнейшая разработка методического инструментария, которая, на наш взгляд, должна вестись на местах ведущими научными организациями страны в сотрудничестве с представителями местной власти, органами самоуправления и гражданской общественностью.

Данные субъекты должны участвовать и в комплексной оценке эффективности управления территорией, что позволит более прицельно и детально выявлять проблемы качества управляющего воздействия на территорию в каждом конкретном уровне. При этом необходимо принимать во внимание тот факт, что проблема качества территориального управления должна решаться на основе соблюдения научных принципов, отхода от диспринципности территориального управления, непрерывном повышении степени самостоятельности субъектов федерации, последовательной реализации принципа делегирования полномочий с центрального на более низкие уровни управления.

Список литературы

1. *Абрамов Р.А., Лукьянова М.Н.* Стратегия перспективного развития муниципальных образований России: теория и практика реализации // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 4. С. 27-34.
2. *Абрамов Р.А., Мухаев Р.Т., Соколов М.С.* Критерии эффективности государ-ственного и регионального управления в контексте проектного подхода // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 1. С. 96-112. DOI: 10.7256/2409-8647.2017.1.20499
3. *Еремян В.В., Федоров М.В.* Местное самоуправление в России (XII – начало XX вв.). М.: Юрлит, 2008. 160 с.
4. *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2000. 328 с.
5. *Ключникова Т.Н.* Оценка эффективности управления территориальным развитием муниципального образования// Вопросы управления. 2016. № 3. С.159-166.
6. *Кусакина О.Н., Скиперская Е.В.* Социально-экономическая эффективность функционирования интегрированных структур в АПК: содержание и оценка [Электронный источник]// Управление экономическими системами. 2012. № 8. URL: http://uecs.ru/ru/uecs44-442012/item/1481-2012-08-01-08-03-22/ (дата обращения: 05.09.2019).
7. *Петрова Е.А., Калинина В.В., Шевандрин А.В.* Методологические проблемы и принципы формирования системы оценки эффективности территориального управления с учетом стратегических ориентиров // Экономика региона. 2014. № 4. С. 261-271.
8. *Петрова Е.А., Калинина В.В., Шевандрин А.В.* Стратегические цели развития региона и проблемы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти [Электронный источник] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: http://www.science-education.ru/119-15198 (дата обращения: 05.09.2019).
9. *Петрова Е.А., Шевандрин А.В., Калинина В.В.* Формирование системы оценки эффективности территориального управления// Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 89-105.
10. *Петрова Е.А., Шевандрин А.В., Трухляева А.А.* Интеллектуальный анализ данных: статистические методы. Волгоград: Консалт, 2015. 120 с.
11. Указ Президента РФ от 28.04.2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов»// Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст.2003
12. Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 г. № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный источник] // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/35958 (дата обращения: 05.09.2019)
13. *Усягин А.В., Шишков М.К.* Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы: Монография. Нижний Новгород: Нижегородское территориальное отделение РАПН, 2010. 300 с.
14. *Meisel N.* Is «Good Governance» a Good Development Strategy? [Электронный источник]// AFD Working Paper. 2008. N 58. URL: http:// www.afd.fr / webdav/ site/ afd/ shared/ publications/ recherche/ Scientifiques/ Documents-de-travail/058-document-travail-VA.pdf (дата обращения: 05.09.2019).
15. *Verspagen B.* Stylized Facts of Governance, Institutions and Economic Development. Exploring the Institutional Profiles Database [Электронный источник]// UNU-MERIT Working Paper Series. 2012. №036. URL: http:// www.merit.unu.edu/ publications/ wppdf/ 2012/wp2012-036.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

References

1. *Abramov R.A., Lukyanova M.N.* Strategy of perspective development of the municipal units of Russia: the theory and practice of realization// Management in Russia and abroad. 2015. N. 4. Pp. 27-34.
2. *Abramov R.A., Mukhayev R.T., Sokolov M.S.* Criteria of efficiency of the state and regional government in the context of design approach// Theoretical and applied economy. 2017. N 1. Pp. 96-112. DOI: 10.7256/2409-8647.2017.1.20499
3. *Eremyan V.V., Fedorov M.V.* Local self-government in Russia (XII – the beginning of the 20th centuries). M.: Yurlit, 2008. 160 p.
4. *Kamensk A.B.* From Peter I to Paul I. Reforms in Russia the 18th century: experience of the complete analysis. M.: RGGU, 2000. 328 p.
5. *Klyuchnikova T.* N. Assessment of effective management of territorial development of the municipal unit// Questions of management. 2016. N 3. Pp. 159-166.

6. *Kusakina O.N., Skiperskaya E.V.* Social and economic efficiency of functioning of the integrated structures in agrarian and industrial complex: contents and assessment [Electronic source]// Management of economic systems. 2012. N 8. URL: http://uecs.ru/ru/uecs44-442012/item/1481-2012-08-01-08-03-22/(date of the address: 05.09.2019).
7. *Petrova E.A., Kalinina V.V., Shevandrin A.V.* Methodological problems and the principles of formation of a system of assessment of efficiency of territorial management taking into account strategic reference points// Economics of a region. 2014. N 4. Pp. 261-271.
8. *Petrova E.A., Kalinina V.V., Shevandrin A.V.* Strategic objectives of development of the region and problem of assessment of efficiency of activity of executive authorities [Electronic source]// Modern problems of science and education. 2014. N 6. URL: http://www.science-education.ru/119-15198 (date of the address: 05.09.2019).
9. *Petrova E.A., Shevandrin A.V., Kalinina V.V.* Formation of a system of assessment of efficiency of territorial management //Public administration. Electronic bulletin. 2016. N 54. Pp. 89-105.
10. *Petrova E.A., Shevandrin A.V., Trukhlyaeva A.A.* Intellectual analysis of data: statistical methods. Volgograd: Konsult, 2015. 120 p.
11. Presidential decree of the Russian Federation of 28.04.2008 N 607 "About assessment of efficiency of activity of bodies of local self-government of city districts and municipal areas"//Collection of the legislation Russian Federation. 2008. No. 18. Article 2003
12. Presidential decree of the Russian Federation of 21.08.2012 N 1199 "About assessment of efficiency of activity of executive authorities of territorial subjects of the Russian Federation" [Electronic source]// Official site of the Russian President. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/35958 (date of the address: 05.09.2019)
13. *Usyagin A.V., Shishkov M.K.* Territorial management in Russia: theory, history, present, problems and prospects: Monograph. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod territorial office of RAPN, 2010. 300 p.
14. *Meisel N.* Is "Good Governance" a Good Development Strategy? [Electronic source]// AFD Working Paper. 2008. N 58. URL: http:// www.afd.fr / webdav/ site/ afd/ shared/ publications/ recherche/ Scientifiques/ Documents-de-travail/058-document-travail-VA.pdf (date of the address: 05.09.2019).
15. *Verspagen B.* Stylized Facts of Governance, Institutions and Economic Development. Exploring the Institutional Profiles Database [Electronic source]// UNU-MERIT Working Paper Series. 2012. №036. URL: http:// www.merit.unu.edu/ publications/ wppdf/ 2012/wp2012-036.pdf (date of the address: 05.09.2019).

УДК 303.424; 303.62; 303.04

Филиппов Д.В.,
соискатель, Научно-исследовательский центр технологического прогнозирования,
Национальный исследовательский технологический университет Московский институт стали и сплавов,
директор студенческого городка «Металлург»,
3334048@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВУЗОВ

В данной статье в качестве предмета исследования рассмотрены различные взгляды отечественных авторов на конкурентоспособность высшего учебного заведения. При этом особое внимание уделено конкурентоспособности социальной инфраструктуры и социальных комплексов учебных организаций.

В качестве методов исследования использованы: структурный, сравнительный и системный анализ. Методология исследования включала теоретический анализ литературных источников и различных авторских подходов к трактовке понятия «конкурентоспособность высшего учебного заведения», а также анализ информации, размещенной на сайтах 16 российских учебных заведений высшего образования, и результатов проведенных исследований по оценке конкурентоспособности высших учебных заведений.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что конкурентоспособность высших учебных заведений определяется различными факторами. Однако, влияние далеко не всех из них на степень востребованности услуг вуза со стороны потребителей рассмотрено в полной мере. Наименее исследованными направлениями деятельности отечественных вузов с позиций достижения их максимальной эффективности и конкурентоспособности представляются проблемные вопросы социального комплекса. Следует полагать, что в наиболее концентрированном виде объединение данного направления деятельности вузов реализуется в рамках функционирования студгородков и общежитий.

Наиболее важные составляющие деятельности университетской среды, такие как создание новых знаний и процесс их передачи без высокого уровня развития основных компонентов социального комплекса не могут быть реализованы эффективным образом. Однако сегодня исследованиям, направленным на выявление резервов потенциала вузовского социального комплекса, уделяется несравненно меньшее внимание, а большинство этих исследований носит частный характер и не использует системный подход, что делает малопродуктивным перенос полученных рекомендаций в другие условия.

Ключевые слова: конкурентоспособность, конкурентоспособность высшего учебного заведения, социальный комплекс учебной организации, потенциала социального комплекса

Filippov D.,
applicant, research center for technological forecasting, National research technological
University Moscow Institute of steel and alloys,
Director of the campus «Metallurg»

PROBLEMATIC ASPECTS OF INCREASING THE COMPETITIVENESS OF SOCIAL COMPLEXES OF UNIVERSITIES

In this article, as a subject of research, various views of domestic authors on the competitiveness of a higher educational institution are considered. At the same time, special attention is paid to the competitiveness of social infrastructure and social complexes of educational organizations.

As research methods used: structural, comparative and system analysis. The research methodology included a theoretical analysis of literary sources and various author's approaches to the interpretation of the concept of "higher education institution competitiveness", as well as analysis of information posted on the websites of 16 Russian higher education institutions, and the results of studies on the competitiveness of higher education institutions.

The analysis allows us to argue that the competitiveness of higher education institutions is determined by various factors. However, the influence of not all of them on the degree of demand for university services by consumers has been fully considered.

The least investigated areas of activity of domestic universities from the standpoint of achieving their maximum efficiency and competitiveness are problematic issues of the social complex. It should be assumed that in the most concentrated form, the unification of this area of activity of universities is implemented within the framework of the functioning of campuses and dormitories.

The most important components of the university environment, such as the creation of new knowledge and the process of their transfer without a high level of development of the basic components of the social complex, cannot be implemented in an effective manner. However, today, studies aimed at identifying the potential reserves of the university social complex receive much less attention, and most of these studies are private and do not use a systematic approach, which makes it unproductive to transfer the recommendations to other conditions.

Keywords: competitiveness, competitiveness of a higher educational institution, the social complex of the educational organization, the potential of the social complex

Рынок высшего профессионального образования, сформированный в последние несколько десятилетий отечественной высшей школой, характеризуется достаточно жесткой конкуренцией. Увеличение наряду с государственными и числа аккредитованных негосударственных вузов, расширение спектра специальностей, специализаций и направлений подготовки специалистов, развитие дистанционного обучения, возможности получения второго высшего и дополнительного образования, на фоне ограниченного государственного финансирования системы образования характеризуют современное состояние системы высшей школы.

Следует полагать, что в среднесрочной перспективе конкуренция между учреждениями высшего профессионального образования в стране будет только увеличиваться, т.к. наряду с упомянутыми причинами существенное воздействие будут оказывать стратегические приоритеты повышения доступности и качества образования, а также вследствие интеграционных тенденций в международном образовательном пространстве, в частности, стимулируемых Болонским соглашением, вступлением нашей страны в ВТО, а также влиянием демографического фактора (уменьшение абсолютного количества абитуриентов) и т.д.

Конкуренция между ведущими университетами возрастает и вследствие государственной политики в области высшего образования (использование механизмов конкурсного финансирования подготовки специалистов по различным специальностям и направлениям подготовки за счет средств федерального бюджета, проведения конкурсов на лучший вуз, составление рейтингов вузов различной специализации и т.п.). В этих условиях начинает зримо проявляться конкуренция отечественных вузов и ведущих зарубежных университетов за рынки образовательных услуг, предоставляемых как российским студентам, так и обучающимся из третьих стран.

Реалии настоящего времени и тенденции трансформации рынка высшего образования стимулируют поиск вузами дополнительных резервов развития. Очевидно, что эти резервы находятся не только в плоскости непосредственно образовательных услуг, но и в степени комфортности всей существующей в вузе социальной среды. Поэтому наравне с конкуренцией образовательной среды, существует и конкуренция социальной среды вузов, которая во многом определяет некую комфортность получения образования со стороны студентов и предоставления образовательных услуг со стороны учебного заведения. Несомненно, что уровень развитости и многофункциональности социальной среды вуза, предоставление разнообразных дополнительных услуг являются определенным конкурентным преимуществом на рынке образовательных услуг и способствуют привлечению как обучаемых, так и преподавателей.

Важно отметить, что вопросы конкурентоспособности вузов достаточно широко обсуждаются в социуме. Об этом свидетельствует многочисленность ссылок на это словосочетание в наиболее популярных поисковых системах Интернета:

– Google – около 5,3 млн. ресурсов и более 40 тыс. новостных данных;

– Яндекс – 942 тыс. результатов и 3 154 новостных сообщения;

– Майл.ру – около 75 тыс. ресурсов и более 2,6 тыс. новостных данных;

– Bing – более 60 тыс. ресурсов.

Вместе с тем, социальная среда вуза крайне редко изучается и анализируется. Поэтому рассмотрим конкурентоспособность социальных комплексов вузов через общие подходы к определению конкурентоспособности вузов. При этом среди множества работ, посвященных данной проблематике, отметим наиболее интересные, последовательные и системные.

По мнению Н.И. Пащенко [9], под конкурентоспособностью вуза понимается его настоящие и потенциальные способности (возможности) по оказанию соответствующего уровня образовательных услуг, удовлетворяющих потребности общества при подготовке высококвалифицированных специалистов, а также потребности по разработке, созданию и реализации научно-методической и научно-тех-

нической продукции как в настоящее время, так и в будущем.

Заслуживает внимания классификация составляющих понятия «конкурентоспособность высшего учебного заведения», предложенная Р.А. Фатхутдиновым [10], полагающим, что это его способность:

– готовить специалистов, выдерживающих конкурентную борьбу на конкретном внешнем или внутреннем рынке труда;

– разрабатывать конкурентоспособные новшества в этой области;

– вести эффективную воспроизводственную политику во всех сферах своей деятельности.

В работе [2] рассматриваемое понятие трактуется как свойство вуза, определяемое долей релевантного рынка образовательных услуг, принадлежащих данному вузу и возможностью препятствовать перераспределению рынка в пользу других субъектов.

Общим для вышеприведенных определений конкурентоспособности вузов является особое выделение факторов и результативных показателей образовательного процесса. Другие факторы конкурентоспособности только обозначается без их конкретизации или упоминаются без детализации.

Как справедливо отмечает С.А. Мохначев [8, с. 69] подобные определения рассматриваемого понятия не учитывают наличие сравнительных преимуществ вуза по качеству, стоимости оказываемых услуг, его имиджевые, финансовые и другие показатели.

В этой связи А.Г. Волков и В.Н. Батова [3] предлагают рассматривать конкурентоспособность вуза как его комплексную характеристику за определенный период времени в условиях конкретного рынка, отражающую превосходство перед конкурентами по ряду определяющих показателей – финансово-экономических, маркетинговых, материально-технических, кадровых и социально-политических, а также способность вуза к бескризисному функционированию и современной адаптации к изменяющимся условиям внешней среды. Приведенное определение конкурентоспособности вуза делает акцент на превосходстве перед конкурентами по всему спектру основных показателей деятельности вуза, не выделяя среди них отдельные либо наиболее важные.

Развивая эту мысль, Ж.А. Ермакова и Ю.Н. Никулина [4] предлагают при оценке конкурентоспособности вуза перед другими опираться на показатели назначения, показатели качества, экономические показатели, показатели распространения по потребителям, показатели продвижения на рынок, а также показатели деятельности персонала вуза. Такое множественное понимание конкурентоспособности вузов полностью соответствует общепринятым определениями данного понятия, применимым для широкого класса организаций.

В [2] рассматривается возможность повышения конкурентоспособности вуза в рыночной экономике и отмечается важность эффективности стратегического управления потенциалом вуза, имея ввиду ресурсный потенциал.

Последнее понятие, как отмечается в [5], концентрирует одновременно несколько уровней связей и отношений:

1. Отражение прошлого, т.е. оценка совокупности свойств, накопленных субъектами образовательной деятельности, обуславливающих их способность к функционированию и развитию.

2. Характеристика текущего состояния системы высшего образования с точки зрения практического применения и использования имеющихся возможностей вуза (при рассмотрении ресурсного потенциала вуза с этих позиций, следует иметь ввиду, что наряду с реализованными ресурсами могут оставаться и потенциальные, пока нереализованные по различным причинам, что зачастую ведет к снижению эффективности его функционирования).

3. Ориентация на будущее (на развитие), т.е. постоянное изменение, развитие, накопление новых способностей, характеристик, включая элементы будущего развития вуза.

Необходимо отметить, что ресурсный потенциал может быть разделен на несколько основных видов: информационный, организационный, технологический, финансово-инвестиционный и кадровый. Каждый из указанных элементов ресурсного потенциала в сумме характеризует общий потенциал организации. На основе анализа различных подходов можно сформулировать критерии, влияющие на конкурентоспособность вуза (см. рис. 1).

Важно отметить, что среди перечисленных критериев повышения конкурентоспособности вуза некоторые напрямую касаются его социального комплекса.

Проведенный нами анализ информации, размещенной на интернет-сайтах 16 российских вузов, позволил выделить перечень блоков собственно социальной деятельности вуза:

– воспитательная работа;

– социальная работа;

– студенческое самоуправление;

– культура;

– медицинское обслуживание;

– организация общественного питания;

– спортивно-оздоровительная работа.

Детализируя подходы к оценке и совершенствованию конкурентоспособности социальной инфраструктуры вуза, можно выделить основные из них:

– обеспечение необходимых условий для бытового обслуживания, медицинского и социально-культурного обслуживания, размещения и отдыха сотрудников и студентов вуза;

Рис. 1. Оценка потенциала и его влияние на конкурентоспособность организации

– обеспечение учебной и научной литературой студентов и сотрудников вуза;

– управление экономическим развитием и коммерческой деятельностью социального комплекса вуза;

– достижение высокой эффективности стратегического, тактического и оперативного управления обеспечивающей деятельностью социально-бытовых и хозяйственных подразделений вуза;

– управление административно-хозяйственной деятельностью социального комплекса вуза;

– управление кадрами социального комплекса вуза;

– управление информатизацией и развитием новых технологий социального комплекса вуза;

– управление безопасностью социального комплекса вуза;

– управление маркетингом и рекламой социального комплекса вуза;

– поддержание зданий, сооружений, помещений, служб, энергетического комплекса, транспорта и других составляющих социального комплекса вуза в требуемом для эффективной эксплуатации состоянии.

Анализ стратегий развития 16 российских вузов показал, что ими уделяется определенное внимание социальной поддержке сотрудников и студентов, разработке жилищной политики и механизма ее реализации, улучшению условий проживания и обеспечению правопорядка в студенческих общежитиях.

Следует признать, что комплекс социальных видов деятельности вузов является одним из основных показателей его конкурентоспособности. Между тем, в реальных условиях важность показателей развития социальной инфраструктуры для обеспечения максимальной привлекательности вуза перед потребителями его услуг далеко не всегда оценивается должным образом со стороны руководства вузов. Этот тезис подтверждается результатами социологических исследований российских ученых.

Например, С.С. Котовой и И.А. Хасановой [7] был проведен опрос среди студентов Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ) о качестве образовательного процесса, в ходе которого рассматривались в том числе и вопросы социальной инфраструктуры вуза. В опросе приняло участие 575 респондентов из 36 учебных групп, социологическим исследованием были охвачены студенты с 1-го по 4-й курс дневной формы обучения всех учебных подразделений РГППУ.

В частности, в ходе опроса была проведена оценка удовлетворенности студентов отдельными компонентами инфраструктуры РГППУ. Результаты исследования показали, что только 51% респондентов высоко оценили работу библиотеки. При этом доступность учебной и методической литературы в библиотеке ранее была признана значительно выше.

Одним из конкурентных преимуществ РГППУ и факторов привлечения будущих абитуриентов является доступность мест в общежитии, поскольку многие

учащиеся иногородние. Как было установлено в исследовании, на момент проведения опроса данный индикатор для рассматриваемого университета выглядел не совсем выгодно. Так, доступность мест в общежитии оценивалась третью опрошенных как средняя, еще 23% опрошенных как плохая, 17% респондентов оценили ее очень плохой. Только четверть опрошенных высоко оценили данный критерий конкурентоспособности вуза (17% респондентов как хороший и только 8% – как отличный; 2% студентов не ответили на данный вопрос).

В другом исследовании Ж.А. Ермакова и Ю.Н. Никулина [4] проводили опрос среди студентов Оренбургского государственного университета (ОГУ) о качестве образовательной среды с позиции потребителей услуг вуза. Выборка исследования составила более 2 тыс. выпускников ОГУ. Согласно полученным результатам исследования респондентами были отмечены, в частности, и проблемы материально-технического обеспечения, а также социальной инфраструктуры вуза. Например, значительное число выпускников ОГУ (около 20%) указали на необходимость расширения материально-технической базы социальной инфраструктуры вуза и модернизацию стадиона «Прогресс».

М.Л. Белоножко, А.Н. Силин и С.Ю. Фролов [1] провели эмпирическое исследование среди 379 студентов вузов нефтегазового профиля по репрезентативной выборке, целью которого было выявление мотивов выбора студентом вуза и направления подготовки, оценки качество основных элементов образовательного процесса и социального самочувствия студентов. Генеральная совокупность составляла 29 484 чел., выборочная в Тюменском государственном нефтегазовом университете (ТюмГНГУ) – 121 чел., Уфимском государственном нефтяном техническом университете (УГНТУ) – 217 чел., Ухтинском государственном техническом университете (УГТУ) – 41 чел. Оценивая социальную среду вуза, студенты отметили ее основные проблемные места, среди которых в качестве основного был выделен высокий уровень цен в студенческих пунктах питания, а также высокая стоимость проживания в общежитиях.

В целом, изложенное позволяет утверждать, что конкурентоспособность вузов определяется различными факторами. Однако, влияние далеко не всех из них на степень востребованности услуг вуза со стороны потребителей рассмотрено в полной мере. Наименее исследованными направлениями деятельности отечественных вузов с позиций достижения их максимальной эффективности и конкурентоспособности представляются проблемные вопросы социального комплекса. Следует полагать, что в наиболее концентрированном виде объединение данного направления деятельности вузов реализуется в рамках функционирования студгородков и общежитий.

Таким образом, рост конкуренции на рынке отечественного высшего образования стимулирует вузы к поиску опережающих решений, несущих конкретные преимущества не только в настоящее время, но и в прогнозируемой перспективе по всему спектру функциональных направлений. Несомненно, наиболее важные составляющие деятельности университетской среды, такие как создание новых знаний и процесс их передачи без высокого уровня развития основных компонентов социального комплекса не могут быть реализованы эффективным образом. Однако сегодня исследованиям, направленным на выявление резервов потенциала вузовского социального комплекса, уделяется несравненно меньшее внимание, а большинство этих исследований носит частный характер и не использует системный подход, что делает малопродуктивным перенос полученных рекомендаций в другие условия. Результаты подобных исследований затруднительно использовать для прогнозирования последствий качества стратегических управленческих решений, по крайней мере, в среднесрочной перспективе.

Список литературы

1. *Белоножко М.Л.* Качество образования и удовлетворенность процессом обучения в вузах нефтегазового профиля / М.Л. Белоножко, А.Н. Силин, С.Ю. Фролов // Управление. – 2015. – № 4(10). – С. 84-89.
2. *Белоусова Е.В.* Оценка конкурентоспособности высшего учебного заведения на региональном рынке образовательных услуг: на примере Приморского края: дисс….канд. экон. наук / Е.В. Белоусова. – Владивосток, 2005. – 203 с.
3. *Волков А.Г.* Конкурентоспособность высших учебных заведений как инструмент обеспечения экономической безопасности образования / А.Г. Волков, В.Н. Батова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 245-252.
4. *Ермакова Ж.А.* Качество образования с позиции потребителей образовательных услуг вуза / Ж.А. Ермакова, Ю.Н. Никулина // Креативная экономика. – 2017. – Т. 11. – № 7. – С. 725-734.
5. *Колчина Н.О.* Многоаспектность категории «конкурентоспособность вуза», подходы и методы управления конкурентоспособностью вуза / Н.О. Колчина, Е.А. Леоненко // Вопросы управления. – 2018. – № 4(53). – С. 119-131.
6. *Корчагова Л.А.* Оценка конкурентоспособности вуза / Л.А. Корчагова // Маркетинг в России и за рубежом. – 2007. – № 5. – С. 48–54.
7. *Котова С.С.* Качество образовательного процесса в университете глазами студентов / С.С. Котова, И.А. Хасанова // Образование и наука. – 2016. – № 9(138). – С. 43-61.

8. *Мохначев С.А.* Современные тенденции развития управления конкурентоспособностью вуза / С.А. Мохначев // Маркетинг в России и за рубежом. – 2008. – № 1. – С. 67–71.
9. *Пащенко Н.И.* Конкурентоспособность вузов и стратегии их деятельности в условиях региональной конкуренции: дисс….канд. экон. наук / Н.И. Пащенко. – Уфа, 1999. – 189 с.
10. *Фатхутдинов Р.А.* Управление конкурентоспособностью вуза / Р.А. Фатхутдинов // Высшее образование в России. – 2006. – № 9. – С. 37–38.

References

1. *Belonozhko M.L., Silin A.N.* The quality of education and satisfaction with the learning process in universities of oil and gas profile. Control. 2015. Vol. 4(10). P. 84-89.
2. *Belousova E.V.* Assessment of the competitiveness of a higher educational institution in the regional market of educational services: on the example of the Primorsky Territory: the dissertation of a candidate of economic sciences. Vladivostok, 2005. 203 p.
3. *Volkov A.G., Batova V.N.* Competitiveness of higher education institutions as a tool to ensure the economic security of education. Modern problems of science and education. 2015. Vol. 1-1. P. 245-252.
4. *Ermakova Zh.A., Nikulin Yu.N.* The quality of education from the perspective of consumers of educational services of a university. Creative economy. 2017. T. 11. Vol. 7. P. 725-734.
5. *Kolchina N.O., Leonenko E.A.* The multidimensional nature of the category "university competitiveness", approaches and methods for managing the university's competitiveness. Management Issues. 2018. Vol. 4(53). P. 119-131.
6. *Korchagova L.A.* Assessment of the competitiveness of the university. Marketing in Russia and abroad. 2007. Vol. 5. P. 48–54.
7. *Kotova S.S. Khasanova I.A.* The quality of the educational process at the university through the eyes of students. Education and science. 2016. Vol. 9(138). P. 43-61.
8. *Mokhnachev S.A.* Modern trends in the development of university competitiveness management. Marketing in Russia and abroad. 2008. Vol. 1. P. 67–71.
9. *Pashchenko N.I.* Competitiveness of universities and strategies for their activities in the conditions of regional competition: the dissertation of the candidate of economic sciences. Ufa, 1999. 189 p.
10. *Fathutdinov R.A.* University competitiveness management. Higher education in Russia. 2006. Vol. 9. P. 37–38.

Арнст А.А.,
преподаватель кафедры Экономики и финансового права, АНО ВО Институт деловой карьеры,
e-mail: justwerbung@mail.ru

Arnst A.,
Lecturer, Department of Economics and Financial Law, ANO VO Institute of a business career

Берестенко Е.Д.,
кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры Криминалистики, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Московский областной филиал),
e-mail: elena-ber@mail.ru

Berestenko E.,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminalistics Moscow Region Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Быков А.И.,
научный сотрудник, НИЦ-1 ФГУ Национальный научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы Российской Федерации,
e-mail: HellSinG199@mail.ru

Bykov A.
research Fellow, SIC-1, FSI National Research Institute of the Criminal Executive System of the Russian Federation

Вологдина Е.С.,
старший преподаватель кафедры Административного права и таможенного дела, Юридический факультет ФГБОУ ВО, Забайкальский государственный университет,
e-mail: ek.antsiferowa@yandex.ru

Vologdina E.,
Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Customs Faculty of Law, FSBEI HE Transbaikal State University

Гараев Р.Р.,
студент магистратуры, ФГБОУ ВО Уральский государственный медицинский университет,
e-mail: rinatgaraev@e1.ru

Garaev R.,
Master student of FSBEI HE Ural State Medical University

Духно Н.А.,
доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: naduhno@ui-miit.ru

Dukhno N.,
Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT)

Жданов С.П.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданско-правовых дисциплин, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (город Москва);
доцент кафедры Уголовно-правовых дисциплин, Российская таможенная академия (город Люберцы),
e-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Zhdanov S.,
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Russian University of Economics G.V. Plekhanov (Moscow city); Associate Professor
of the Department of Criminal Law Disciplines, Russian Customs Academy (Lyubertsy city)

Кравцов Д.В.,
транспортный прокурор Дальневосточной транспортной прокуратуры (город Магадан),
e-mail: kravtsovdenis@mail.ru

Kravtsov D.,
Transport Prosecutor of the Far Eastern Transport Prosecutor's Office (city of Magadan)

Куприянов А.С.,
адвокат палаты адвокатов Забайкальского края,
e-mail: rio@migup.ru

Kupriyaniov A.,
Lawyer of the Chamber of Lawyers of the Trans-Baikal Territory

Лисова Е.В.,
кандидат социологических наук, доцент кафедры Экономики, менеджмента
и маркетинга, Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал),
e-mail: lisovaekaterina78@gmail.com

Lisova E.,
PhD in Social Science, assistant Professor, Full Prof. of the Chair
"Economics, Management and Marketing" Lipetsk branch
of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Лычев Д.И.,
преподаватель кафедры Административного права, экологического права,
информационного права, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: dilycev@ui-miit.ru

Lychev D.,
Lecturer of the Department "Administrative Law, environmental law, information law"
Law Institute Russian University of Transport (MIIT)

Мавлянова Е.Н.,
аспирант, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: kat_moss@mail.ru

Mavlyanova E.,
graduate student of the Law Institute Russian University of Transport (MIIT)

Мартынова Н.А.,
аспирант Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития
сельских территорий – Всероссийский Научно-исследовательский институт экономики
сельского хозяйства,
e-mail: martinova@gmail.ru

Martynova N.,
graduate student of the Federal Scientific Center for Agrarian Economics and Social Development
of Rural Areas - the All-Russian Scientific Research Institute of Agricultural Economics

Меркурьев В.В.,
доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом Научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму,
Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры РФ,
старший советник юстиции,
e-mail: merkuriev-vui@mail.ru

Merkuriev V.,
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Prosecutorial Supervision and Strengthening the Law in the Field of Federal Security, Interethnic Relations and Countering Extremism of the Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Senior Advisor of Justice

Милов П.О.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданское право и процесс,
руководитель научно-исследовательского отдела АНО ВО Институт деловой карьеры,
e-mail: nauka@ideka.ru

Milov P.,
candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department of Civil law and process, head of the research Department of ANO VO Institute of business career

Минбалеев А.В.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора Информационного права и международной информационной безопасности. Институт государства и права Российской академии наук,
e-mail: alexmin@bk.ru

Minbaleev A.,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Миндлин Ю.Б.,
кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени им. К.И. Скрябина,
e-mail: mindliny@mail.ru

Mindlin Yu.,
PhD of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K.I. Skrjabin

Новиков В.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: nva-2007@mail.ru

Novikov V.,
PhD in Law, Associate Professor of Law Institute of the Russian university of transport (MIIT)

Петрова М.А.,
заместитель декана Экономического факультета по учебной, воспитательной, научно-исследовательской работе, ОУП ВО Академия труда и социальных отношений
e-mail: maria871805@yandex.ru

Petrova M.
Deputy Dean of the Faculty of Economics, for educational, educational, research work of the OUP VO Academy of Labor and Social Relations

Полякова Т.А.,
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующая сектором Информационного права и международной информационной безопасности.
Институт государства и права Российской академии наук,
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

Polyakova T.,
Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher, Head of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Роменский О.В.,
аспирант кафедры Экономики, ФГБОУ ВО Югорский государственный университет, исполнительный директор ООО «Зелдис-Фарма»,
e-mail: romenskiyov@icloud.com

Romenskiy O.,
graduate student of the department of economics Ugra state University,
Executive Director of Zeldis-Pharma

Ростовцев А.В.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Криминалистики, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Московский областной филиал),
e-mail: alex.mifist@gmail.com

Rostovtsev A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminalistics, Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya

Смыслова О.Ю.,
доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики, менеджмента и маркетинга, Финансовый университет при Правительстве РФ (Липецкий филиал),
e-mail: savenkova-olga@mail.ru

Smyslova O.,
Doct. of Econ. Sci, professor, Full Prof. of the Chair "Economics, Management and Marketing" Lipetsk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Собиров С.С.,
аспирант кафедры Теория государства и права, Российский университет дружбы народов,
e-mail: h.farr@yandex.ru

Sobirov S.,
Graduate student of the department Theory of State and Law of RUDN University

Тараканов И.А.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права и криминологии, Юридический факультет, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России, полковник внутренней службы,
e-mail: il8@list.ru

Tarakanov I.,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Colonel of the Internal Service

Учитель Д.Ю.,
доцент кафедры Управления и гражданского права АНО ВО Институт деловой карьеры,
e-mail: dmtr.uchitel@gmail.com

Uchitel D.,
Associate Professor, Department of Management and Civil Law, ANO VO Institute for a Business Career

Филиппов Д.В.,
соискатель, Научно-исследовательский центр технологического прогнозирования, Национальный исследовательский технологический университет Московский институт стали и сплавов, директор студенческого городка «Металлург»,
e-mail: 3334048@mail.ru

Filippov D.,
applicant, research center for technological forecasting, National research technological University Moscow Institute of steel and alloys, Director of the campus «Metallurg»

Шиян В.И.,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика, Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ),
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

Shiyan V.,
PhD in Law, Associate Professor of Law Institute of the Russian university of transport (MIIT)

Экмалян А.М.,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт государства и права, Российской академии наук,
профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: asafarian07@gmail.com

Ekmalyan A.,
Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of State and Law Russian Academy of Sciences,
Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Негосударственная автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт мировых цивилизаций» (НАНО ВО «ИМЦ»), приглашает вас принять участие в I Международной научно-практической конференции «Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект», которая состоится 19 декабря 2019 года, Россия, город Москва.

Научный руководитель конференции – ***Кулешов Сергей Михайлович***, декан факультета управления и экономики Института мировых цивилизаций, кандидат социологических наук, доцент.

Для участия в конференции приглашаются преподаватели, студенты, магистранты, аспиранты, докторанты высших учебных заведений, молодые ученые, научные сотрудники, руководители и специалисты региональных и муниципальных органов власти, практические работники, а также все лица, проявляющие интерес к теме конференции.

19 декабря 2019 года – Пленарное заседание и работа секций.

В рамках конференции планируется проведение 3 основных секций:

Секция 1. Цивилизационное развитие управленческой мысли в современной России и мире.

Секция 2. Современные тенденции цивилизационного развития экономики России и мира.

Секция 3. Основные аспекты развития и применения информационных технологий при решении экономических задач.

Для участия в конференции необходимо заполнить анкету участника и направить ее на электронный адрес оргкомитета: *kuleshov.sm@yandex.ru*

Официальный язык конференции: русский.

Форма участия в конференции:

Конференция проводится в очной форме, с последующим изданием печатных материалов. Участие в конференции в качестве участника возможно при наличии правильно оформленного доклада (статьи) и презентации. В порядке исключения допускается заочное участие в конференции (анкета и статья обязательны). Всем участникам конференции будут вручены соответствующие сертификаты.

Статьи (доклады) всех участников будут опубликованы в сборнике материалов конференции «Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект» с индексацией в РИНЦ. Все статьи проходят обязательное рецензирование. Оргкомитет оставляет за собой право осуществлять редактирование статей. Оргкомитет не оплачивает командировочные расходы участникам конференции (проезд, проживание).

Информационные партнеры:

• Журнал «Вестник Академии права и управления» (включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ) https://academprava.ru/aboutacademy/bulletin/

• Журнал «Вестник Института мировых цивилизаций»

• Интернет-издание «Либерально-демократические ценности»

• Интернет-издание «Мировые цивилизации»

Место проведения конференции:

19 декабря 2019 года, Российская Федерация, город Москва,

Ленинский проспект д.1/2 корп.1, Негосударственная автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт мировых цивилизаций».

Пленарное заседание

Начало регистрации - 9 часов 30 минут.

Пленарное заседание: 10.30 - 12.00.

Работа секций: 12.30 - 18-00 (в соответствии с указателями).

Контактные лица: декан факультета управления и экономики

Кулешов Сергей Михайлович,

+7-903-550-59-52; kuleshov.sm@yandex.ru

Подтвердить факт участия в конференции просим до 28 ноября 2019 года, направив заполненную анкету участника на указанный адрес e-mail. При необходимости организаторами конференции будут подготовлены и высланы в Ваш адрес персональные письма-приглашения.

Анкету и тезисы доклада (статьи) необходимо прислать отдельным файлом в адрес Оргкомитета: *kuleshov.sm@yandex.ru*

В теме письма указать «Современные тенденции управления и экономики в России и мире: цивилизационный аспект». В названии файлов следует указать фамилию и инициалы участника. Оргкомитет оставляет за собой право отбора докладов с учетом соответствия тематике конференции, научной значимости и актуальности темы выступления.

Материалы конференции будут размещены в электронной библиотеке (РИНЦ). Публикация статей (тезисов докладов), материалов конференции осуществляется при соблюдении требований для публикации.

Желаем Вам плодотворного участия в нашей конференции!

Оргкомитет